'50.

„Пров 49“

СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ДАНІЕ КРУЖКА НАРОДОВОЛЬЦЕВЪ НА СРЕДСТВА СОЦІАЛИСТИЧЕСКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ УЧЕНІЯ

КАРЛА МАРКСА

ВЪ ПОПУЛЯРНОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ

К. КАУЦКАГО

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ, СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

К. ТАРАСОВА

ВЫПУСКЪ I.

Цѣна 1 фран.

ЖЕНЕВА

Русская типографія

1888

РСДКП
Корректор

„Пров 49“

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ И ПОГРѢШНОСТИ:

Стран.	Строка.	Напечатано:	Надо читать:
II	4 снизу	Россію	Россія
VI во второй графѣ таблицы II		1886	1866
IX	10 снизу	Харьковской	Херсонской
XIII	14 —	Кирхофъ	Кирхгофъ
XIV	1 —	1783	1883
7	13 сверху	капталѣ	капиталѣ
8	3 снизу	тоже самое: самъ	тоже самое; но съ другой стороны самъ
[illegible]	[illegible]	Paraqlous	Paraplous
[illegible]	[illegible] —	существованіе смыслѣ	существованіе въ томъ смыслѣ
[illegible]	1 сверху	предшествовшаго	предшествовавшаго
[illegible]9	17 —	меньше	меньшее
36	4 снизу		
37	7 сверху	тире (—) должно быть замѣнено знакомъ равенства (=)	
—	6 снизу		
38	1 сверху		
и проч.			
40	7 снизу	вещей но наоборотъ	вещей, но наоборотъ
—	1 —	форма товара	форма товара,
41	6 сверху	втораго, пункта признанія	втораго пункта, признанія
48	12 снизу	будетъ то, что Германія	будетъ, что Германія
64	1 —	выполнитъ	выполнить
65	7 —	Одновремнно	Одновременно
66	16 сверху	Извѣстныя	Извѣстны
67	3 снизу	замѣнимы	замѣнены
70	16 снизу	кортофелю	картофелю

Стран.	Строка.	Напечатано:	Надо читать:
71	18 сверху	Этотъ, излишекъ	Это д, этотъ излишекъ
75	4—5 —	что лишь не всѣ, но нѣкоторые	что не всѣ, но лишь нѣкоторые
—	12 снизу	или черезъ участіе	черезъ участіе-ли

Отчетъ.

Съ 12 Іюня по 10 Августа къ намъ поступили слѣдующія суммы:

Отъ Блг. — 7 ф. 50 с. Отъ П. изъ Мнх. — 8 ф. Изъ Лондона черезъ І. за проданные экземпляры «Процесса 21-го» — 31 ф. Отъ Ивановъ Ивановичей — 7 ф. Съ бала, даннаго въ Цюрихѣ 27 Октября 1887 г. остальные — 160 ф. За проданные экземпляры «Процесса 21-го» въ Бернѣ — 12 ф Отъ X. Y. Z· два серебряныхъ рубля — 6 ф. Съ вечеринки, бывшей въ Цюр. 28 Апрѣля 1888 г. пока получено — 92 ф. 35 с. За проданные въ Цюрихѣ экземпляры «Процесса 21-го» — 14 ф. Отъ Эдуарда — 5 ф. По сборному листку: Д — ый — 1 р., Д — ль — 1 р, № 100 — 30 к., С. Ш. — 1 р., Осетръ — 1 р., Окунь — 1 р., Александръ Ш — 1 р., Х — ръ — 50 к., Фертъ — 50 к., Гуврютъ — 30 к., Цвѣтокъ — 50 к., Дружинникъ — 1 р., Юмористъ — 3 р., К. — 1 р., А. — 50 к., М. — 2 р., А. — 2 р., Другъ — 50 к., Сочувствующій — 50 к, П. — 2 р., Сѣрый — 75 к., Д — ко — 65 к. — всего — 22 р. На спеціальное дѣло: отъ сочувствующихъ — 150 ф. и отъ УУУ.—20 ф. Изъ Соціалистическаго-Литературнаго Фонда — 300 ф.

ПР

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I

Переводъ сочиненія Каутскаго былъ уже рѣшенъ въ принципѣ и отчасти начатъ, когда издатели его обратились ко мнѣ съ предложеніемъ принять на себя редакцію и примѣчанія къ книжкѣ: по словамъ издателей, среди русской молодежи замѣчается теперь особенно сильное желаніе познакомиться въ связной и популярной формѣ съ Марксомъ, и Каутскій въ этомъ отношеніи могъ бы быть очень полезенъ. Отодвигая въ сторону мои собственные взгляды на настоятельность изданія именно этой книги, я скажу нѣсколько словъ о характерѣ предлагаемаго сочиненія. Каутскій — вѣрный ученикъ Маркса, толковый и талантливый популяризаторъ. недурно знающій литературу своего предмета, но самостоятельнымъ является онъ лишь въ очень узкихъ границахъ. Не замѣчая, онъ проходитъ мимо такихъ вопросовъ, которые, какъ ихъ ни мало, составляютъ все же сравнительно слабые пункты въ стройной и прочной системѣ Маркса. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ я старался подстрочными примѣчаніями обратить вниманіе читателей на вещи, обойденныя популяризаторомъ, рѣшить ихъ по мѣрѣ силъ и возможности или откровенно заявить, что онѣ пока принадлежатъ къ разряду первыхъ. Только такимъ путемъ и возможно отдѣлить твердо-обоснованное отъ еще ждущаго разрѣшенія и способствовать дальнѣйшему развитію экономическаго ученія.

Настала, мнѣ кажется, пора критическаго отношенія къ мыслителю, который именно потому сыгралъ такую огромную роль въ политической экономіи, что не побоялся опустить тя-

желую руку критики на самыя излюбленныя „вѣчныя истины„. Мнѣ невольно напрашивается подъ перо сравненіе Маркса съ Кантомъ, и въ ушахъ звучитъ фраза нео-кантіанца Либмана: es muss auf Kant zurückgegangen werden. Не пора-ли, возвратиться къ Марксу, къ основнымъ положеніямъ его, критически отдѣляя несомнѣнное отъ нуждающагося въ разъясненіи?

Что касается до перевода Каутскаго, я старался придать ему редакцію, возможно близкую къ подлиннику, лишь бы при этомъ не нарушался духъ русскаго языка. Переводъ, по моему, долженъ быть переводомъ, а не истолкованіемъ автора. Самыя неловкости выраженія, разъ онѣ существуютъ въ подлинникѣ и для того языка, на которомъ написанъ оригиналъ, не могутъ быть поводомъ къ исправленію ихъ въ переводѣ. Во всякомъ случаѣ читатель такимъ образомъ получитъ болѣе вѣрное понятіе о литературной физіономіи автора.

Имѣя заручкой увеличивающійся интересъ къ Марксу среди русской молодежи, я пользуюсь этимъ предисловіемъ, чтобы высказать свои взгляды на современное положеніе Россіи. Это главнымъ образомъ въ виду тѣхъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, которые, опираясь будто бы на Маркса, не находятъ въ современной Россіи почвы для полезной общественной дѣятельности и ожидаютъ ея возможности лишь отъ развитія русскаго капитализма.

Замѣчу прежде всего, что для многихъ учениковъ Маркса формула капиталистическаго производства есть вещь, обязательная для всѣхъ временъ и народовъ и, стало быть, для Россіи: «алгебра» однимъ словомъ. Самъ же Марксъ въ извѣстномъ письмѣ къ Михайловскому (см. „Вѣстникъ Народной Воли„ 1886, №5,стр. 215—218) пропизируетъ надъ попыткой превратить его (Маркса) эскизъ о происхожденіи западно-европейскаго капитализма въ цѣлую историко-философскую теорію общаго историческаго пути народовъ, роковымъ образомъ предначертаннаго для каждаго изъ нихъ». О Россіи же спеціально Марксъ говоритъ лишь, что она не мало потрудилась въ послѣдніе годы надъ тѣмъ, чтобы сдѣлаться капиталистической страной, и выражаетъ сожалѣніе, что, идя такимъ путемъ, «Россію потеряетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ, который когда-либо историческій ходъ вещей давалъ народу для миованія всѣхъ перипетій капиталистическаго строя». На возможность для русской общины перехода къ высшей общественной

формѣ указываетъ и предисловіе къ русскому переводу «Коммунистическаго манифеста». Во всѣхъ этихъ случаяхъ Марксъ прямо говоритъ, что подобные взгляды вытекаютъ у него изъ „изученія“ Россіи, но онъ нимало не полагается на апріорную неоспоримость его знаменитой тріады: коммунизма — капитализма — коммунизма.

Не желая быть *plus marxiste que Marx lui-meme*, мы и попробуемъ подойти къ русской жизни именно съ точки зрѣнія посильнаго изученія ея экономическихъ явленій. Прежде всего представляется вопросъ о русскомъ капитализмѣ въ промышленности. Сравнивая данныя о промышленности въ собственно Европейской Россіи и въ Польшѣ за 1866 и 1885 годы (первыя по Военно-Статистическому Сборнику, вторыя по недавно вышедшей оффиціальной статистикѣ Россійской Имперіи *) я получаю слѣдующую таблицу:

*)Статистика Россійской Имперіи. I. Сборникъ свѣдѣній за 1884—85 г. Спб. 1887.

ТАБЛИЦА I

		число фабрикъ	число рабочихъ	Сумма производства въ рубляхъ	отношеніе въ % числа фабрикъ 1885 къ фабрикамъ 1866 г.	Отношеніе въ % рабочихъ	Отношеніе въ % производства
1866	Россія собственно	70,631	829,573	583,316,905			
	Польша	10,979	69,136	51,839,553			
	Вообще	81,610	898,709	635,156,458			
1885	Россія собственно	62,801	994,787	1,121,040,269	87 %	120 %	192 %
	Польша	20,381	139,652	185,822,214	186 %	202 %	358 %
	Вообще	83,182	1,134,439	1,306,862,483	102 %	126 %	205 %

Развитіе нашей промышленности въ двадцатилѣтній промежутокъ несомнѣнно: общая сумма производства возрасла болѣе чѣмъ въ 2 раза (205%), число рабочихъ болѣе чѣмъ въ 1¼ раза (126%) и лишь число фабрикъ поднялось еле-еле на 2% (въ отношеніи 102:100). Вематриваясь внимательнѣе въ эти цифры, можно даже замѣтить ясную концентрацію производства, что, при настоящихъ условіяхъ, можетъ означать не иное что, какъ развитіе производительныхъ силъ страны въ рамкахъ капитализма. Въ самомъ дѣлѣ, производство удвояется въ то самое время какъ число рабочихъ возрастаетъ на 25%, а число фабрикъ остается неподвижнымъ. Гораздо, впрочемъ, интереснѣе общаго вывода сравненіе роста промышленности въ Россіи собственно и въ Польшѣ. Промышленность въ послѣдней странѣ развивается во всѣхъ отношеніяхъ скорѣе. Производительность труда поднимается въ Польшѣ гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Россіи: въ первой отношеніе стоимости продуктовъ 1885 года къ продуктамъ 1866 равно 358:100, во второй же 192:100; при этомъ, какъ можно вычислить изъ приведенныхъ выше цифръ, годовая производительность польскаго рабочаго равна 1331 рубл., а русскаго лишь 1127. Во вторыхъ, какъ ни странно покажется это на первый взглядъ, въ Польшѣ, которую часто считаютъ въ составѣ русскаго государства страной крупной капиталистической промышленности по преимуществу, число фабрикъ растетъ абсолютно (въ 1885 году оно достигаетъ 186% числа фабрикъ 1866) и притомъ лишь немного отставая отъ числа рабочихъ (202%), а въ Россіи оно падаетъ абсолютно, составляя лишь 87% прежняго, и падаетъ почти въ той же пропорціи, въ какой увеличивается число рабочихъ, которое въ 1885 представляетъ 120% числа рабочихъ 1866 г. Изъ данныхъ нами цифръ легко притомъ видѣть, что средній размѣръ фабрикъ крупнѣе въ Россіи, въ которой приходится около 16 рабочихъ и 19 тысячъ производства на фабрику противъ 7 рабочихъ и 9 тысячъ производства на фабрику въ Польшѣ. Въ третьихъ, наконецъ, армія рабочихъ въ Польшѣ растетъ быстрѣе этой же арміи въ Россіи въ значительной пропорціи: 200 къ 100. Что же это значитъ взятое все вмѣстѣ?

А вотъ что. Капитализмъ въ собственной Россіи пришелся менѣе по двору, чѣмъ въ Польшѣ, идя гораздо больше въ глубь нежели въ ширь по сравненію съ польскимъ собратомъ. Тамъ капиталъ охватываетъ, „организуетъ“ своей желѣзной рукой на все большемъ и большемъ числѣ фабрикъ растущую ему же на бѣду силу пролетаріата. У насъ капиталъ сверлитъ, такъ сказать, нутро русскому народу, вѣдаясь гораздо болѣе въ одномъ направленіи. Тамъ капиталъ, худо-ли, хорошо-ли, сближаетъ и революціонизируетъ живой факторъ производства, рабочаго. Здѣсь онъ занятъ въ неизмѣримо большей степени концентраціей

мертваго фактора, орудій производства, пожираніемъ болѣе крупнымъ заведеніемъ заведенія болѣе мелкаго. И несмотря на это онъ абсолютно отстаетъ отъ Польши въ развитіи производительности труда. Въ Польшѣ капиталъ развивается нормально, если считать нормой тотъ путь развитія, который онъ пробѣгалъ до послѣдняго времени въ Западной Европѣ, и въ настоящій моментъ онъ движется по восходящей вѣтви параболы. Въ Россіи капиталъ, не особенно интересуясь полагающейся ему по штату ролью подговителя организованнаго четвертаго сословія, принимается за уменьшеніе числа фабрикъ, за ихъ округленіе; онъ движется уже по нисходящей вѣтви параболы, которая можетъ разсматриваться лишь какъ „начало конца“ капиталистическаго строя и приближеніе къ соціальному перевороту. Въ собственной Россіи капитализмъ не довольствуется относительнымъ уменьшеніемъ числа фабрикъ къ числу рабочихъ, онъ уменьшаетъ абсолютно число первыхъ.

Путемъ очевидно ожесточенной конкурренціи онъ добирается уже до „эксплуатаціи эксплуататоровъ“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ сокращаетъ не только абсолютное число фабрикъ, но и абсолютное число рабочихъ. Пусть читатель взглянетъ, напримѣръ на слѣдующую таблицу, въ которой мной изображено движеніе числа фабрикъ, рабочихъ и цѣнности производства по наиболѣе промышленнымъ губерніямъ собственно Россіи между 1866 и 1882 гг.*):

ТАБЛИЦА II

Губ.: №№ по нисходящей стоимости производства	Отношеніе въ % числа фабрикъ въ 1882 къ 1886	Отношеніе рабочихъ	Отношеніе производства
1. Московская	98 %	139 %	145 %
2. Петербургская	107 %	123 %	148 %
3. Владимірская	93 %	123 %	197 %
4. Кіевская	75 %	86 %	340 %
5. Пермская	126 %	193 %	163 %
6. Лифляндская	56 %	148 %	326 %
7. Херсонская	13 %	16 %	224 %
8. Эстляндская	53 %	122 %	339 %
и т. д.			

*) Данныя 1866 года взяты по Воен. Стат. Сбор.; за отсут-

Здѣсь особенно поражаетъ сильное увеличеніе производительности въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ обнаруживается паденіе числа фабрикъ наряду съ увеличеніемъ числа рабочихъ (напр, Лифляндская, Эстляндская) или гдѣ абсолютное уменьшеніе фабрикъ идетъ рядомъ съ абсолютнымъ уменьшеніемъ числа рабочихъ (напр. Кіевская и особенно Херсонская).

Сравнимъ теперь движеніе городскаго и сельскаго народонаселенія въ собственной Россіи и въ Польшѣ съ движеніемъ фабричнаго населенія въ этихъ двухъ частяхъ имперіи за одинаковый періодъ времени, выражая это движеніе въ слѣдующей таблицѣ *).

ТАБЛИЦА III

	Народонаселеніе	Въ 1863—66	Въ 1885	Отнош. въ % народонас. 1885 къ 63-66
Въ Россіи	1. Городское	6,087,070	9,964,760	163 %
	2. Сельское	54,822,239	71,760,425	130 %
	Вообще	60,909,309	81,725,185	133 %
Въ Польшѣ	1. Городское	1,348,325	2,125,458	157 %
	2. Сельское	3,971,038	5,834,846	146 %
	Вообще	5,319,363	7,960,304	149 %

ствіемъ современныхъ данныхъ по числу фабрикъ и рабочихъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ въ „Статис. Росс. Имперіи", мы рѣшились взять данныя 1882 по календарю Суворина за 1886, при составленіи которыхъ была положена въ основаніе одинаковая система съ 1866 г., включающая и сравнительно мелкія заведенія.

**)Данныя взяты для 1863 въ Россіи и 1866 въ Польщѣ по Воен. Статис. Сбор., для 1885 въ обѣихъ странахъ по «Статистикѣ». Два—три года разницы въ первыхъ цыфрахъ не могутъ замаскировать своеобразностей роста за большой періодъ времени.

Изъ сравненія этихъ данныхъ съ таблицей I оказывается, что въ Польшѣ населеніе вообще возросло до 149 % и городское до 157% , а между тѣмъ число рабочихъ (см. таблицу I) поднялось до 202% прежняго. Въ Россіи же число рабочихъ увеличилось до 120%, но народонаселеніе вообще достигло 133, а городское 163 %. Ясно, что Россія обладаетъ гораздо большею способностью создавать относительный излишекъ безработнаго населенія въ центрахъ, сравнительно съ Польшей: отношеніе числа рабочихъ къ общей суммѣ городскаго населенія увеличилось за двадцатилѣтній промежутокъ времени въ Польшѣ, но уменьшилось въ Россіи. Нашъ капитализмъ всѣми своими тенденціями долженъ, очевидно, не столько развивать солидарность между все бо́льшимъ и бо́льшимъ контингентомъ занятыхъ на фабрикѣ рабочихъ, сколько ожесточать борьбу за существованіе между все увеличивающеюся и сравнительно все менѣе поглощаемой арміей голодныхъ и бездомныхъ. Положеніе городскаго сословія въ Россіи, по преимуществу мѣщанскаго, обезземеленнаго и оттертаго даже отъ арендованія городскихъ земель пресловутымъ „городовымъ положеніемъ" 1870 года, дѣйствительно ужасно. Въ 1882 г. газеты сообщали, что изъ 12500 душъ мѣщанскаго общества города Шлиссельбурга 12000 бродило безъ паспортовъ неизвѣстно гдѣ по Россіи, и лишь 470 человѣкъ были заняты на крупной ситценабивной фабрикѣ съ годовымъ производствомъ болѣе милліона рублей. Въ Кронштадтѣ 32000 мѣщанъ почти цѣликомъ перебиваются лѣтомъ портовой работой, а зимой осуждены на голодовку. Въ Петербургѣ, по свѣдѣніямъ городской думы, въ 1886 г. кишѣло 83000 бродягъ, безпаспортныхъ, бездомныхъ, т. е. 9% всего населенія, а между тѣмъ въ цѣлой Петербургской губерніи работало въ то время всего 74000 человѣкъ, и отъ 1865 до 1882 число фабричныхъ увеличилось лишь на 14000 человѣкъ.

Иной характеристичной чертой русскаго промышленнаго капитализма является неравномѣрность его разлитія въ странѣ. Въ то время какъ въ Польшѣ промышленныя заведенія покрываютъ болѣе или менѣе ровно поверхность страны, особенно сгущаясь лишь въ Петроковской и Варшавской губерніяхъ, у насъ фабрики и заводы жмутся оазисами въ немногихъ индустріальныхъ районахъ, и при этомъ образуютъ небольшое сравнительно ядро, обыкновенно въ крупномъ городскомъ центрѣ, и быстро теряютъ скученность, по мѣрѣ удаленія отъ него. Такъ уже въ 1867 г., подробная фабричная статистика Петербургской губерніи давала столицѣ болѣе $^2/_3$ всѣхъ промышленныхъ заведеній губ. и около $^6/_7$ всего производства *. Въ

*)Вычислено по изданію „Фабрики и заводы С.-Петербургской губерніи", вып. VI.

1885, въ г. Москвѣ было 1/3 всѣхъ фабрикъ и рабочихъ Московской губ. и 1/2 всего производства *). Въ 1886, Одесса имѣла болѣе половины того числа фабрикъ, какое находилось въ 1880 на остальной территоріи Херсонской губ. (безъ Николаева), а сумма производства города была въ 1886 въ 1 1/2 раза болѣе этой суммы на остальномъ пространствѣ губерніи.**)

Наконецъ, нельзя не остановиться на трудности конкурренціи для нашего капитала съ польскимъ. Жалобы русскихъ фабрикантовъ на польскихъ получили типичное выраженіе въ запискѣ русскаго купечества, поданной министру финансовъ, о невозможности для московскихъ промышленниковъ бороться съ лодзинскими. Кризисъ послѣднихъ годовъ сократилъ въ 1883 г. шерстопрядильное, ткацкое и суконное производства въ Россіи до 94% цѣнности 1879, а между тѣмъ въ Польшѣ сумма этихъ отраслей поднялась въ тотъ же періодъ до 111% первоначальной цѣнности. Производство металлическихъ издѣлій, сжавшееся въ Россіи до 92% прежней стоимости, возросло въ Польшѣ до 163%. Машиностроительное производство упало въ Россіи до 82% первоначальнаго, а въ Польшѣ отстояло свои прежніе размѣры***). Ничтожность всего россійскаго вывоза фабричныхъ издѣлій за границу, а именно не болѣе 25 милліоновъ металлическихъ рублей за все пятилѣтіе 1882—1886 ****), т. е. менѣе 1,5% всего вывоза заставляетъ нашего промышленника жить исключительно внутреннимъ рынкомъ, а здѣсь польскій капиталъ имѣетъ громадное преимущество передъ русскимъ*****) и, усиливая конкурренцію, вѣроятно является косвенной причиной округленія крупныхъ русскихъ фабрикъ и гибели сравнительно мелкихъ ******). Замѣтимъ, что оживленіе нашей промышленности весной прошлаго года почти цѣликомъ было основано на спросѣ русскаго мужика, усилившемся въ эту эпоху подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ благопріятныхъ условій.

---

*) Вычислено по Московскому Альманаху (Пругавина на 1887 годъ.

**) Сопоставлено по «Consular Reports on Trade and Commerce, Лондонъ, 1885, и по даннымъ заводской промышленности для Харьковской губ. въ 1880 г.

***) П. Янжулъ, Польская промышленность; Юридич. Вѣсти., 1887, № 2, стр. 210.

****) См. таблицу LXXXV оффиціальной уже цитированной нами „Статистики".

*****) По недавнему отчету Янжула, Лодзь сбываетъ исключительно въ Россіи 80% всѣхъ тканей и 61% всей пряжи, изготовляемыхъ на городскихъ фабрикахъ (Русскій Курьеръ, 1888, № 81).

******) По даннымъ торговопромышленной статистики за 1885,

II

Перейдемъ къ капитализму въ земледѣліи. Здѣсь общихъ данныхъ, которыя позволяли бы средніе выводы, очень мало. Земско-статистическія изслѣдованія къ началу прошлаго года коснулись собственно владѣльческаго хозяйства лишь въ 70 уѣздахъ и лишь въ 35 результаты были сгруппированы въ таблицы. Мы можемъ приблизиться однако къ рѣшенію интересующаго насъ вопроса путемъ нѣкоторыхъ соображеній. Прежде всего, какъ идетъ развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи? Сопоставляя средніе цифры урожая, вычисленныя нами (вычитая данныя по Польшѣ) по оффиціальной земледѣльческой статистикѣ за пятилѣтіе 1870—1875 *) съ данными урожая 1885 года,**) мы находимъ, что въ Европейской Россіи среднимъ числомъ въ упомянутое пятилѣтіе урожайность для хлѣба равнялась 3,7 и для картофеля 4,4, а въ 1885 для перваго лишь 3,5 и для втораго 3,7.***) Правда, урожай 1885 года былъ посредственный, но даже выводя среднее изъ трехъ лѣтъ сбора, 1884 (удовлетворительнаго), 1885 (посредственнаго) и 1886 (очень хорошаго) и дѣля его,****) за неимѣніемъ подъ рукой болѣе точныхъ данныхъ, на посѣвъ 1885, мы получаемъ урожайность лишь въ 4. А это означаетъ, что за десять лѣтъ

оказывается, что въ то время, какъ въ Польшѣ средняя прибыльность предпріятій обложенныхъ сборомъ (всѣхъ числомъ 6 ½ тыс.), равняется 5,1 %, въ собственной Россіи она не превышаетъ 3,2 % (на 112 тыс. всѣхъ предпріятій); въ Сибири наоборотъ 8.7 % (на 4½ тыс. предпріятій). Это чрезвычайно поучительно: въ Сибири царитъ еще, очевидно, «первоначальное накопленіе», грабежъ и опаиваніе туземцевъ; въ Польшѣ живучесть капитализма сказывается въ извѣстной высотѣ прибыли; въ Россіи, не смотря на ужасающую эксплуатацію рабочихъ, капиталъ обнаруживаетъ тенденцію къ сильному понижению прибыли и, еще не расцвѣтши, носитъ признаки начинающейся дряхлости капитализма въ старыхъ странахъ. (См. „Статистическіе результаты раскладочнаго сбора за 1885 г. и т. д.", изданные Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ въ 1888 г.).

*) Матеріалы по статистикѣ хлѣбной промышленности въ Европейской Россіи. Спб 1880 г.

**) См. таблицу XLVI новой «Статистики».

***) Въ 1870—75 сѣялось хлѣба 67257 тысячъ четвертей и картофеля 8488 тыс. четв., а собиралось соотвѣтственно 250346 тыс. четв. и 37284 тыс.; въ 1885 г. было посѣяно 69862 тыс. четв. хлѣба и 10905 тыс. картофеля, а собрано 247210 тыс. и 40776 тыс. четв.

****) Въ 1884 г. сборъ былъ равенъ 293255 тыс. четв. хлѣба, въ 1886—308500 тыс.

земледѣліе не сдѣлало ни шагу впередъ. Возраженіе, что въ этомъ виноваты главнымъ образомъ крестьяне-общинники, производящіе преимущественно зерновой хлѣбъ, обращается скорѣе противъ, чѣмъ за мнѣніе объ успѣшности капиталистической техники въ земледѣліи. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ капитализму слѣдовало бы показать себя въ Россіи, такъ это въ производствѣ хлѣбовъ, подчиненномъ условіямъ всемірнаго рынка; однако не болѣе 29,9 % удобныхъ земель во всей территоріи, обслѣдованной Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, принадлежатъ крестьянскимъ общинамъ, а производятъ цѣлыхъ 70 % всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ. Далѣе, вычисляя урожайность двухъ категорій производителей отдѣльно по таблицѣ урожая 1885 года, мы находимъ, что у крестьянъ общинниковъ урожай хлѣба и картофеля выражается цифрами 3,3 и 3,5, а у частныхъ собственниковъ (между ними крупнымъ и среднимъ — начиная отъ 100 десятинъ — принадлежитъ 93,2 % всей собственности) не болѣе 4 и 4,2. Такая незначительная разница, очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ рѣшительнымъ хозяйствомъ у нашихъ земледѣльческихъ „капиталистовъ„, а объясняется недостаткомъ удобренія и тяжестью налоговъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Нѣкоторыя данныя по отдѣльнымъ категоріямъ собственниковъ уясняютъ положеніе дѣлъ лучше. Громадный % личной земельной собственности въ Европейской Россіи составляютъ земли дворянскаго сословія, а именно 79,8 %, подымаясь даже выше, въ типичной области земледѣлія, центральной земледѣльческой.*) Какъ же ведется дворянское хозяйство? Лучшимъ отвѣтомъ на это служатъ операціи дворянскаго банка, не существующаго еще трехъ лѣтъ, а выдавшаго къ 1 Апрѣля 1888 года болѣе 163 ½ милл. ссуды. Въ самомъ дѣлѣ было бы трюизмомъ доказывать вообще паденіе помѣщичьяго хозяйства, на которое махнули рукой сами приверженцы русскаго капитализма; а банкъ былъ послѣднимъ козыремъ въ игрѣ, на который сильно разсчитывали дворяне. Привиллегированнымъ заемщикамъ даны всевозможныя льготы: низкій % ссуды (5 ¾ % годовыхъ), высокій размѣръ ея (до 75 % оцѣнки), долгій льготный срокъ для взноса платежа (6 мѣсяцевъ вмѣсто двухъ, допускаемыхъ уставомъ акціонерныхъ

*) Статист. Временникъ, выпускъ 8, Спб. 1883 (сводная работа г. Ершова по 8 выпускамъ „Статистики поземельной собственности," предисл. XII — XIV). Ср. интересную работу г. Фортунатова „Распредѣленіе поземел. собствен. въ Европ. Россіи," Москва, 1885, въ которой авторъ не могъ еще воспользоваться цифровыми выводами Ершова, но однако близко подходитъ къ нимъ.

банковъ); продажа съ торговъ имѣній неисправныхъ заемщиковъ, существуя лишь на бумагѣ, до сихъ поръ не практиковалась ни разу. И однако сплошь и рядомъ между клієнтами банка попадаются лица, не взносившія до сихъ поръ, т. е. въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ, ни одного платежа. Правительство проектируетъ уже измѣненіе устава банка въ томъ смыслѣ, что должнику теперь нечего будетъ бояться продажи даже въ случаѣ невзноса трехъ и четырехъ послѣдовательныхъ платежей. А сами дворяне ходатайствуютъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, наприм. въ Пензенской, о простомъ приписываніи недоимокъ къ капитальному долгу вплоть до 75 % оцѣнки, что въ сущности дѣлало бы государство собственникомъ дворянскихъ имѣній, сами владѣльцы которыхъ были бы такимъ образомъ на хлѣбахъ изъ милости у правительства. Изъ недавно вышедшаго перваго отчета банка видно, что задолженность каждой десятины помѣщичьей земли уже возросла съ 33 рубл. до 43 рубл., т. е., на 30 %. Съ другой стороны, по изслѣдованіямъ г. Собсовича (см. статью «Къ вопросу о задолженности частнаго землевладѣнія въ Европ. Россіи» въ Зап. Общ. Сел. Хоз. въ Южн. Россіи, 1888) оказывается, что на 30 милл. десятинъ заложенной частной земли, главнымъ образомъ дворянской, лежитъ 700 милліоновъ долгу всѣмъ кредитнымъ учрежденіямъ вообще.

Посмотримъ на купцовъ. По „Статистическому Временнику“ купцы владѣютъ лишь 10,7 % всей частной собственности. При томъ % купеческой собственности сравнительно высокъ лишь въ тѣхъ полосахъ Россіи, гдѣ промышленныя заведенія (фабрики въ Московской и Владимірской губ., заводы въ Пріуральской полосѣ) занимаютъ значительныя пространства подъ постройками или нуждаются въ эксплуатируемыхъ горной промышленностью участкахъ. Онъ высокъ далѣе тамъ, гдѣ (нижне-волжскія губ.) въ особенности развита скупка земель en gros и арендованіе ея крестьянами и гдѣ земледѣліе отступаетъ на задній планъ передъ экстенсивнымъ, гуртовымъ скотоводствомъ. Нѣкоторыя явленія позволяютъ даже видѣть, что мы именно начинаемъ присутствовать при завершеніи купцами покупной спекуляціи на землю, спекуляціи, которая должна возвратиться къ исходному пункту путемъ распродажи, и что покупщиками являются крестьяне*. Сборникъ земскихъ статистическихъ свѣдѣній по Царицын-

*) Эту категорію спекулянтовъ уже въ 1878 г. оффиціальное изданіе Министерства Государственныхъ Имуществъ охарактеризовало достаточно, говоря, что они „ищутъ въ имѣніяхъ скорой наживы и потому покупаютъ большею частію имѣнія съ лѣсомъ, который немедленно вырубаютъ, а землю отдаютъ въ аренду подъ пастбища“ (Матеріалы для изученія современнаго

скому уѣзду констатируетъ, напр., громадную убыль въ 74% купеческаго землевладѣнія за послѣднія 10 лѣтъ. Въ Полтавской губ. усиленное пріобрѣтеніе земли купцами въ началѣ 70-хъ годовъ уступило мѣсто не менѣе усиленному сбыванію ея съ рукъ въ концѣ десятилѣтія. И какъ разъ въ этой губерніи еще къ 1 Марта 1886 г. площадь крестьянскаго землевладѣнія увеличилась лишь при пособіи крестьянскаго банка на 69%. Въ губерніяхъ Саратовской и Уфимской, гдѣ купеческое землевладѣніе достигло почти до 16% (15,2 и 15,5) всей частной собственности, крестьянское землевладѣніе лишь въ теченіи двухъ лѣтъ дѣятельности банка увеличилось въ первой на 79%, во второй на 108%.

Далѣе возьмемъ такія губерніи, которыя характеризуются одновременно густотой населенія и значительнымъ % купеческой собственности, напр. Московскую, Тамбовскую, Полтавскую. Здѣсь-то, казалось, и нужно было бы наблюдать особое увеличеніе интенсивности хозяйства подъ давленіемъ спроса на продукты и благодаря присутствію въ средѣ землевладѣльцевъ лицъ, обладающихъ капиталомъ и предпріимчивостью. И что же мы видимъ? Эти губерніи поражаютъ сильнымъ процессомъ передвиженія собственности изъ рукъ въ руки. Въ Московской губерніи % мобилизаціи, т. е. отношенія площади переходящей въ годъ собственности ко всей площади собственности, нигдѣ не падаетъ ниже 3,3, во многихъ уѣздахъ доходитъ до 5, а въ Дмитровскомъ даже до 6,4. Онъ колеблется около 3% въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тамбовской, а въ Полтавской, превышая 2%, маскируется формой долгосрочной аренды и долженъ быть вообще гораздо выше на самомъ дѣлѣ.* Но вѣдь годовой % мобилизаціи равный 5% или 6% означаетъ, что любой клочекъ земли не можетъ оставаться у одного и того же владѣльца долѣе 20—16 лѣтъ. А между тѣмъ Кирхофъ, цитируемый Марксомъ,**) опредѣляетъ продолжительность срока аренды для выгоднаго трехпольнаго хозяйства по меньшей мѣрѣ въ шесть лѣтъ и считаетъ желательнымъ его удлиненіе до 12, 18 лѣтъ и т. д., а для семипольнаго хозяйства до 14, 28 и т. д. Очевидно, что въ Московской губ., наприм., продолжительность самаго владѣнія землею часто короче срока аренды, необходимаго для введенія интенсивнаго хозяйства, и сколько бы въ такихъ случаяхъ купецъ ни скупалъ земли, трехпольное хозяйство мужика-собственника или мужика-

положенія землевладѣнія и сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи. Выпускъ I. Спб. 1880, стр. 8).

*) Ср. Фортунатовъ, l. c., стр. 20.

** Das Kapital, Zweiter Band, Buch II, Гамбургъ, 1885, стр. 231.

арендатора является почти единственно возможнымъ способомъ земледѣльческой техники.

Существованіе у насъ земледѣльческаго капитала, какъ агента производства и новой техники, по меньшей мѣрѣ проблематично. Нашъ капитализмъ въ самомъ лучшемъ случаѣ вызываетъ „прозрую кооперацію“ рабочихъ, объединяя ихъ на время полевыхъ работъ, или пускаетъ въ дѣло, въ южныхъ губерніяхъ, усовершенствованныя орудія по посѣву и уборкѣ хлѣба и т. п. У насъ жалобы на дороговизну рабочихъ рукъ въ земледѣліи со стороны хозяевъ раздаются въ то самое время, какъ цѣлыя тучи рабочаго люда, не поглощаемаго трудомъ на недостаточномъ надѣлѣ, двигаются весной и лѣтомъ по Россіи, тщетно ища занятій. Сосуществованіе этихъ двухъ повидимому противорѣчивыхъ явленій объясняется однако довольно просто тяжелыми условіями хлѣбнаго рынка. Переполненіе его продуктами Америки, Остъ-Индіи, Австраліи сказалось въ небываломъ пониженіи цѣнъ на хлѣбъ (особенно пшеницу и рожь) и въ сокращеніи русскаго вывоза за границу. Въ то время, какъ въ пятидесятилѣтіе съ 1828 по 1877 цѣна пшеницы равнялась на Лондонскомъ рынкѣ 54 шиллингамъ за квартеръ, съ 1878 по 1885 она упала до 30,5 шиллинговъ, а осенью 1886 даже до 29,5, т. е. до 73 металл. копѣйки за пудъ. Русская рожь не поднималась въ цѣнѣ на Кенигсбергскомъ рынкѣ въ концѣ 1886 выше 43—49 металл. копѣйки за пудъ, а въ центральной Россіи неуспѣшно предлагалась за 35—37 копѣекъ за пудъ.*) Анализируя таблицу внѣшней торговли Россіи, я нахожу съ другой стороны, что цѣнность пшеницы, вывезенной въ пятилѣтіе 1877—1881, равнялась почти 455 милліонамъ металл. рублей, а въ пятилѣтіе 1882—1886 лишь 439 милл., падая при томъ въ неимовѣрно-быстрой пропорціи по годамъ: въ 1883—105 милл., въ 1885—92, въ 1886—55 милл. Цѣнность вывезенной ржи съ 240 милл. въ первое пятилѣтіе сократилась до 182 во второе, при паденіи съ 42 милл. въ 1883 до 37 милл. въ 1885 и 29 въ 1886.**) Россія отступаетъ теперь на третье мѣсто, послѣ Америки и Индіи, и паденію цѣнъ не предвидится конца. Индія, начавъ съ вывоза

*) Чупровъ, Русская экономическая жизнь въ 1886 году; Юридич. Вѣсти., 1887, № 2, стр. 307—308.

**) См. таблицу LXXXV «Статистики». По недавно опубликованнымъ свѣдѣніямъ за 1887 годъ, годъ исключительно-благопріятнаго вывоза, общее количество вывезеннаго хлѣба безпримѣрно въ лѣтописяхъ нашего экспорта, но именно по своей исключительности нимало не идетъ въ разрѣзъ со сказаннымъ выше. Притомъ пшеница, первостепенный предметъ вывоза, не достигла размѣровъ вывоза 1783, ни даже 1885 года.

въ 1868 году 299 тысячъ центнеровъ пшеницы, явилась на рынкѣ 1885 года съ 21 милліономъ центнеровъ*), а въ 1887 г. болѣе чѣмъ съ 22¼ милл. центнеровъ**). Въ брошюрѣ г. Касперова (харьковскаго землевладѣльца), положительномъ знаменіи времени***), интересно видѣть усилія чисто-земледѣльческаго, а не кулацкаго капитала въ Россіи отстоять себя *coûte que coûte*. Авторъ считаетъ у насъ трудъ съ одной стороны дешевымъ, съ другой недостаточно производительнымъ, т. е., значитъ, относительно дорогимъ, и полагаетъ нужнымъ поднять его производительность, питая лучше рабочаго, т. е., стало быть увеличивая ему заработную плату. Совѣтуя перейти отъ международнаго рынка къ внутреннему, авторъ въ сущности ставитъ передъ собою и своими товарищами-землевладѣльцами утопическую задачу: какъ имъ въ качествѣ продавцевъ хлѣба усилить потребленіе того самаго рабочаго, котораго они эксплуатируютъ, какъ покупщики труда****). Отсутствіе выхода изъ этого хроническаго кризиса отразилось уже на частно-владѣльческомъ хозяйствѣ повсюднымъ страшнымъ пониженіемъ арендной платы и цѣнности земли, послѣдней до 25%.*****)

---

*) См. статью «La production du blè et le régime agricole dans l'Inde“ въ L'Economiste francais, 1886, № 51.

**) Bulletin Décadaire de Suez, номеръ отъ 22 Марта 1888 г.

***) „Къ вопросу о причинахъ паденія цѣнъ на пшеницу“; Харьковъ, 1885.

****) Замѣчу, что г. В. В., книжкой котораго «Судьбы капитализма въ Россіи» я не имѣлъ возможности, къ сожалѣнію, воспользоваться для этой статьи, первый указалъ ясно въ русской литературѣ на препятствія, полагаемыя капитализму въ Россіи внутренней игрой чисто-экономическихъ условій (рынка). Борясь противъ «соціалистовъ школы Маркса», онъ, по моему, на самомъ-то дѣлѣ является по духу и пріемамъ изслѣдованія гораздо лучшимъ ученикомъ Маркса, чѣмъ многіе изъ русскихъ марксистовъ. Оцѣнка г. В. В. именно съ этой точки зрѣнія могла бы быть небезъинтересной страницей въ исторіи развитія русской экономической науки.

*****) Нельзя, конечно, отрицать въ принципѣ возможность для Россіи отбиться когда-нибудь отъ конкурентовъ на хлѣбномъ рынкѣ, но никакихъ близкихъ надеждъ на подобное измѣненіе дѣлъ не предвидится. Съ практической точки зрѣнія, для соціалиста-революціонера нашего періода, приходится поэтому совсѣмъ оставить въ сторонѣ подобную чисто-абстрактную возможность, которая предполагаетъ такую перемѣну во всѣхъ существующихъ условіяхъ, что сторонникамъ и противникамъ развитія капитализма въ Россіи пришлось бы становиться на совершенно гадательную почву при этой постановкѣ вопроса.

Съ другой стороны, тамъ, гдѣ капитализмъ въ земледѣліи старается приспособиться къ новымъ условіямъ рынка, онъ переноситъ у насъ центръ тяжести отъ зернового хозяйства къ скотоводству. Такъ г. Распопинъ, горячій защитникъ быстраго развитія въ Россіи земледѣльческаго капитализма*), пытаясь ослабить значеніе того факта, что въ Московской губерніи помѣщики запустили послѣ 1861 года болѣе 75 % всей своей прежней пашни, указываетъ на то, что засѣвавшіяся хлѣбомъ поля переходятъ въ луга и пастбища, и зерновой сѣвооборотъ уступаетъ мѣсто скотоводству. Въ Херсонской губерніи, крупныя имѣнія отводятъ одинаково важную роль съ земледѣліемъ скотоводству *en gros*, выхаживая десятки тысячъ овецъ и т. д. Но вѣдь скотоводство, будучи у насъ очень экстенсивнымъ, отъ 70 до 99 штукъ крупнаго скота среднимъ числомъ на 100 гектаровъ по Янсону**), какъ разъ характеризуется тѣмъ обстоятельствомъ, что оно занимаетъ на томъ же самомъ пространствѣ менѣе живаго труда, менѣе рабочихъ силъ сравнительно съ земледѣліемъ. А этотъ поворотъ можетъ отразиться, стало быть, лишь на сокращеніи того дополнительнаго труда, который русскій мужикъ находитъ въ помѣщичьей экономіи, нанимаясь туда на время полевыхъ работъ или обрабатывая исполу помѣщичью землю, и трудно представить, въ какой новой сфе-

---

Средне-азіатская торговля хлѣбомъ, на которую возлагаютъ большія надежды со времени проведенія закаспійской желѣзной дороги до Самарканда, до сихъ поръ напоминаетъ мечтанія Манилова о домѣ съ бельведеромъ. Довольно сказать, что въ Асхабадѣ русская (закавказская) пшеница обходится почти въ 105 коп. пудъ, а персы доставляютъ ее всего за 90 копѣекъ (отвѣтъ бакинскаго биржеваго комитета Департаменту Торговли и Мануфактуръ отъ 4 Ноября 1887 г.). Успѣшнѣе, можетъ быть, сложатся рыночныя условія съ бухарскимъ хлопкомъ и мануфактурными издѣліями Россіи, если вѣрить очень оптимистическому сообщенію Видемана (Die wirtschaftliche Bedeutung der Transcaspischen Eisenbahn; Verhandl. Gesel. Erdkunde zu Berlin, 1888, № 2, стр. 72—81). Но и въ этомъ отношеніи русскому капиталу придется жутко, и здѣсь уже стоитъ передъ нимъ неизмѣнный „представитель лодзинской ткацкой фабрики“ (стр. 78). Во всякомъ случаѣ это будетъ скорѣе подтвержденіемъ, чѣмъ опроверженіемъ сказаннаго нами въ первой главѣ о русскомъ фабричномъ капитализмѣ.

* „Частно владѣльческое хозяйство“; Юрид. Вѣстникъ, № № 11 и 12, 1887.

**) Сравнительная Статистика Россіи, томъ II, Спб. 1880, г. стр. 628

рѣ русскій капитализмъ откроетъ пріютъ для «освобождаемой» имъ рабочей силы.

III

Какую роль игралъ капитализмъ въ Западной Европѣ? Его значеніе заключалось въ 1) развитіи производительныхъ силъ общества, въ 2) сближеніи разрозненныхъ мелкихъ производителей. Капитализмъ, хоть и развивается въ Россіи въ сферѣ индустріи, далеко, какъ мы видѣли, не выполняетъ послѣдней роли. Онъ идетъ гораздо болѣе въ глубь, чѣмъ въ ширь народной жизни, образуя отдѣльные рабочіе центры, управляясь сравнительно небольшимъ числомъ пролетаріевъ на сравнительно крупныхъ фабрикахъ и отказываясь поглощать растущее населеніе вообще и городское въ особенности. Что касается до развитія производительныхъ силъ страны, то не дѣлая въ этомъ отношеніи особенно блестящихъ успѣховъ по сравненію съ Польшею, не говоря уже о Западной Европѣ, онъ все же исключительно занятъ этой стороной дѣла. Онъ если и не разливаетъ новой техники по всей странѣ, то популяризируетъ ее въ достаточной степени для будущаго соціальнаго строя. Нашъ фабричный капитализмъ имѣетъ значеніе не столько прямаго агента производства, сколько промышленной выставки. Подбирая путемъ конкурренціи, крайне обостренной тутимъ условіями сбыта, все болѣе и болѣе усовершенствованныя орудія, онъ играетъ воспитательную роль, за которую его можно поблагодарить.

Что касается до капитализма земледѣльческаго, то вовсе не развивая производительныхъ силъ страны, онъ можетъ жить лишь спекулятивной игрой въ покупку-продажу земли или ростовщической эксплуатаціей мелкаго производителя. Въ самомъ лучшемъ случаѣ онъ сводится къ „простой кооперации„ рабочихъ во время полевыхъ работъ; а гдѣ онъ приспособляется къ условіямъ международнаго рынка путемъ перехода къ скотоводству, онъ принужденъ „освобождать“ часть рабочей силы.

При этихъ условіяхъ соціалистъ поневолѣ долженъ обратить вниманіе на отношеніе между нашимъ капитализмомъ и болѣе ранними формами труда и собственности, общиной и кустарной промышленностью.*) Прежде всего приходится наблю-

*)Чтобы не удлинять этой статьи, имѣющей общій характеръ, я не касаюсь артели, которая носитъ у насъ гораздо чаще характеръ потребительной ассоціаціи, чѣмъ производительной ячейки.

дать здѣсь, что до сихъ поръ русскій капиталъ не даетъ, для превращенія въ рабочіе, хотя бы и временно выгодныхъ условій крестьянину-общиннику, который предпочитаетъ оставаться на своемъ надѣлѣ. Конечно, капитализмъ, гдѣ бы онъ ни выросталъ, отнюдь не задавался цѣлью даже временнаго поднятія благосостоянія народа. Въ Англіи, классической странѣ капитализма, дѣло началось съ насильственнаго обезземеливанія массъ. Но громадная присасывающая энергія тогдашняго недавно созданнаго всемірнаго рынка открывала передъ капиталистическимъ обществомъ необъятную арену дѣятельности, заманивала отдѣльнаго капиталиста сказочно-высокой прибылью, обѣщала государству быстро растущіе финансовые рессурсы. А посмотрите на Россію: вѣдь, кажется, передъ крестьянской реформой, да и теперь еще, не было и нѣтъ недостатка въ „степныхъ медвѣдяхъ“, какъ называлъ ихъ Герценъ, въ землевладѣльцахъ, и спящихъ и видящихъ обезземеленіе крестьянина или, по крайней мѣрѣ, уничтоженіе общины. И что же? Правительство, которое ужъ, конечно, не имѣло въ виду облагодѣтельствовать мужика, не смѣло предпринять его освобожденія безъ земли; такъ мало оно было увѣрено въ платежныхъ способностяхъ строя, проектированнаго „Вѣстью“ и Орловыми-Давыдовыми. Русское общество било въ набатъ при всякомъ слухѣ о такомъ освобожденіи; такъ искренно оно боялось перспективы внезапнаго созданія многомилліоннаго пролетаріата. Русская интеллигенція, сильно проникнутая соціалистической мыслью Запада, выставила на защиту общины Чернышевскихъ и Герценовъ; такъ мало она преклонялась передъ необходимостью проходить для насъ фазы капитализма.

Но съ другой стороны, тѣ, которые полагаютъ, что община дышетъ на ладонъ и держалась до послѣдняго времени лишь правительственной регламентаціей, сильно ошибаются. Наше земельное законодательство, лживое и двуличное, какъ самъ Александръ II Николаевичъ, издавна уже многими своими статьями мирволило если не обезземеленію, то частному землевладѣнію въ ущербъ общинѣ. Такъ Мѣстн. Великорусс. Положеніе о выкупѣ, подробно опредѣляя пріемы перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному, совершенно не предусматриваетъ обратнаго явленія. А между тѣмъ чисто-экономическія, а не мистическія, условія жизни Россіи заставляютъ подчасъ людей, совершенно непричастныхъ первоначально къ общинѣ, напр. поселенцевъ-латышей въ Уфимской губерніи*), постепенно вводить у себя эту форму земельнаго пользованія. Статья 165 Положенія о выкупѣ съ самаго начала реформы

*) «См. Русскія Вѣдомости», 1888, № 36.

давала право члену общины единовременнымъ досрочнымъ взносомъ выкупной ссуды обращать въ личную собственность надѣльную землю безъ всякаго разрѣшенія міра. Послѣдующія же сенатскія рѣшенія открываютъ возможность для „хозяйственнаго мужичка“ присвоивать и ту полосу, за которую значительную часть выкупной ссуды внесъ его сосѣдъ, лишь бы остающаяся доля была внесена единовременно, и наконецъ ту полосу, которая была лишь въ пользованіи вносящаго выкупъ. Статья 110 Великорусск. Положенія переводила въ потомственное владѣніе дворовъ вмѣстѣ съ усадьбой и тѣ пріусадебныя земли, которыя по воззрѣнію крестьянъ подлежали передѣлу. И между тѣмъ, нисколько не отрицая увеличивающагося % выкупающихъ надѣлъ и разрушающихъ косвеннымъ образомъ общинное владѣніе, мы должны отмѣтить рѣдкую жизненность русской общины и рѣдкую ея способность предотвращать развитіе пролетаріата. Разсматривая таблицу % безземельныхъ дворовъ по уѣздамъ, подвергшимся подворной переписи,*) читатель можетъ видѣть, что наибольшій % такихъ дворовъ даютъ, за исключеніемъ нечерноземныхъ (въ губ. Московской, Смоленской), мѣстности съ частнымъ владѣніемъ. Въ Хотинскомъ уѣздѣ (Бессараб. губ.) этотъ % достигаетъ maximum'а въ 23 %. Въ Полтавской губерніи общій % дворовъ не имѣющихъ пашни, достигаетъ до 31,5 въ Полтавскомъ уѣздѣ, падая въ Гадячскомъ не ниже 14 %. Замѣтимъ, что изъ Сборника свѣдѣній по Полтавскому уѣзду видно, что среди козаковъ, когда-то имѣвшихъ землю среднимъ числомъ до 30 десятинъ, крупные владѣльцы, „богатыри“, составляютъ теперь $^1/_{20}$ часть всего числа владѣльцевъ, но сосредоточили въ своихъ рукахъ уже почти треть казачьей собственности. Съ другой стороны, примѣры перехода общины къ частному владѣнію по рѣшенію міра сравнительно очень рѣдки, и, напр., въ 70-годахъ коммиссія по вопросу о хуторахъ нашла лишь два примѣра такого перехода (въ двухъ деревняхъ Черниговской губерніи), да и то принуждена была сознаться устами автора свѣдѣнія, что крестьяне эти „по сравненію съ окрестными общинниками находятся въ самомъ жалкомъ положеніи“**).

*) Фортунатовъ, l. c., стр. 10 — 11.

**) Доклады коммиссіи Императ. Москов. Общества Сельск. Хозяйства по вопросу о хуторахъ и т. д.; Москва, 1880, стр. 171. Замѣтимъ, что и по даннымъ земскихъ изслѣдованій, касающимся послѣдняго времени, переходъ общинъ къ подворному хозяйству является очень исключительною вещью. Та же изслѣдованія отмѣчаютъ наоборотъ усиленіе за это время передѣловъ, для производства которыхъ малоземельное большинство до жидается новой ревизіи.

БИБЛІОТЕКА

Что касается до другой важной формы примѣненія народнаго труда, кустарной промышленности, то здѣсь приходится довольствоваться приблизительными заключеніями. Кустарная промышленность, особенно развившаяся въ Россіи благодаря извѣстнымъ климатическимъ условіямъ*), занимала у насъ въ 1850 г., по вычисленіямъ Тенгоборскаго, 6 $^1/_2$ милліоновъ человѣкъ, около 10 лѣтъ спустя, по Семенову, 10 милліоновъ, а теперь, вѣроятно, еще болѣе. По сравнительно недавнимъ свѣдѣніямъ г. Е. Андреева, предсѣдателя закрытой нынѣ коммиссіи по кустарной промышленности, число кустарей простирается до 7 $^1/_2$ милліоновъ, а сумма ихъ производства до 1$^1/_2$ милліардовъ руб.; но свѣдѣнія эти крайне неполны. Обособленіе земледѣльческаго труда отъ промысловой дѣятельности проведено у насъ очень слабо, и интересно, что какъ бы много рабочихъ силъ ни посвящалось промышленности, земля бросается крайне неохотно. Можно положить, что среднимъ числомъ лишь $^1/_{10}$ крестьянъ-кустарей разорвала связь съ землей**). Эта именно прочная связь съ надѣломъ, соединенная съ быстрой насыщаемостью русскаго капитала рабочими руками, обусловливаетъ медленность превращенія русскаго кустаря въ фабричнаго рабочаго. Что эти мелкіе промышленники страшно эксплуатируются скупщиками, объ этомъ достаточно говорятъ «Труды по кустарной промышленности», указывающіе на 30 %, 60 %, 100 % и болѣе роста по ссудѣ. Но процессъ, объединяющій мелкихъ самостоятельныхъ производителей на фабрикѣ капиталиста, замѣчается, судя по тѣмъ же „Трудамъ“, лишь мѣстами. Кустарь отстаиваетъ себя до сихъ поръ въ борьбѣ съ крупнымъ капиталомъ и порою тянется успѣшно къ техническому прогрессу. Замѣчательно, что наша промышленность почти исключительно ограничивается конкурренціей между сравнительно крупными

*) Мѣстности Россіи, при одной и той же географической широтѣ по сравненію съ Западной Европой, характеризуются продолжительностію зимняго сезона и долгимъ бездѣйствіемъ земледѣльца: въ южной Россіи земледѣльческія работы продолжаются отъ 7 до 9 мѣсяцевъ, въ средней 6 и менѣе, въ сѣверной полосѣ трехпольнаго земледѣлія лишь отъ 4 до 5. (См. „Прибавленіе о климатѣ и почвѣ въ Россіи“ къ русскому переводу „Сельскаго хозяйства“ Пабста; Спб., 1862, стр. 35—40).

**) Поуѣздныя изслѣдованія говорятъ, напр., что въ Крестецкомъ уѣздѣ (Новг. губ.) 70 % мужчинъ занимаются промыслами, но лишь 7 % дворовъ забросило земледѣліе; то же отношеніе даетъ Ржевскій уѣздъ (Тверск. губ.); въ Сычевскомъ и Гжатскомъ уѣздахъ Смол. губерніи, лицъ занимающихся промысломъ 80 % и 90 %, а дворовъ, порвавшихъ связь съ землей, лишь 13 % и 27 %. (Русс. Вѣдомости, 1888, № 38).

заведеніями, а кустарю въ силу извѣстныхъ условій она обращается скорѣе въ пользу, чѣмъ во вредъ. Мѣстами она сама вызывала къ жизни зависѣвшую сначала отъ фабрики кустарную промышленность, которая давала потомъ толчокъ самостоятельному мелкому промыслу. Такъ съ 1825 г. хлопчато-бумажныя фабрики стали раздавать пряжу по деревнямъ, а съ тридцатыхъ годовъ и суконныя фабрики раздробили часть производства между массой окружающаго населенія. Въ послѣдніе годы, крупное нефтяное производство на Кавказѣ, особенно въ Баку, вызвало къ жизни цѣлую группу ютящихся около нея кустарныхъ промысловъ, существующихъ переработкою огромнаго количества остатковъ крупнаго производства. Вообще, нисколько не предрѣшая окончательной судьбы нашей кустарной промышленности, если современныя условія будутъ продолжаться неопредѣленно, мы имѣемъ полное право надѣяться, что она переживетъ наши теоретическіе споры о томъ, какъ относиться къ ней съ точки зрѣнія соціализма.

Подводя итоги написанному, я прежде всего рѣшительно высказываюсь противъ апріорнаго отвѣта, основаннаго на примѣненіи къ Россіи формулы капиталистическаго общества, данной Марксомъ. Но съ неменьшей рѣшительностью я возстаю и противъ мнѣній объ апріорной невозможности нашего капитализма, мнѣній, опирающагося на вѣру въ особую экономическую подоплеку русскаго народа. Рѣшаетъ вопросъ изученіе современной жизни. Этотъ краткій очеркъ условій, каюсь крайне несовершенный, позволяетъ мнѣ такъ резюмировать экономическія тенденціи Россіи и такъ опредѣлить надежды соціалиста, нисколько не противорѣча духу марксовской теоріи:

1) Въ фабричной промышленности капиталъ концентрируетъ и развиваетъ производительныя силы страны, хотя далеко не въ такой степени, въ какой онъ дѣлаетъ это въ Западной Европѣ или даже Польшѣ. Но по части расширенія и объединенія трудящихся на фабрикѣ онъ очень плохъ. Соціалистъ-революціонеръ не можетъ надѣяться на значительное увеличеніе числа рабочихъ. Ему не дождаться у насъ грозной арміи пролетаріата, объединенной самимъ капиталомъ. Но проводя время въ этихъ ожиданіяхъ, онъ будетъ присутствовать при возрастаніи въ городахъ «золотой роты», «босой команды», этой разсѣянной массы общественныхъ атомовъ, не имѣющихъ никакого представленія о ходѣ цѣлаго, о солидарности трудящихся, о противоположности труда и капитала. Это будетъ возрастаніе невѣжества, нищеты и одичалости народа безъ нуъ революціонной стороны. Это будетъ движеніе къ пролетаріату Рима, а не къ рабочему соціализму.

2) Напиъ капитализмъ, находящійся въ зачаточномъ состояніи въ земледѣліи, будетъ отступать подъ вліяніемъ все бо

лѣе и болѣе неблагопріятно складывающагося хлѣбнаго рынка, передъ мелкимъ производителемъ, для котораго важенъ не чистый, а валовой доходъ. Концентрація земельной собственности не измѣняетъ у насъ условій техники. Соціалистъ революціонеръ не можетъ здѣсь, значитъ, надѣяться не только на организацію сельскихъ рабочихъ, но и на развитіе производительныхъ силъ страны. Если, скрѣпя сердце, онъ будетъ привѣтствовать разложеніе общины, то обезземеленіе народа упрется все же въ концѣ концовъ лишь въ концентрацію правъ на земельную собственность, а не въ концентрацію средствъ производства, сведется къ громаднымъ помѣстьямъ, основаннымъ на трудѣ мелкихъ арендаторовъ. Но вѣдь это не болѣе какъ линій безполезно продѣланный путь въ Ирландію, чтобы возвратиться къ вопросу о націонализаціи земли.

3) Община, хотя и находящаяся подъ невыгодными условіями, относительно очень сильна, благодаря тому, что капитализмъ напъ относительно очень слабъ. Ея разложеніе, которому благопріятствовали съ самаго начала многіе параграфы нашего Положенія о выкупѣ, до сихъ поръ не представляетъ собой общаго явленія. Она значительно препятствуетъ образованію у насъ безземельныхъ, чѣмъ выгодно отличается отъ частнаго владѣнія. Соціалистъ-революціонеръ обязанъ обратить вниманіе на серьезную классовую борьбу, которая происходитъ въ русской общинѣ: это—противоположеніе между интересами большинства общинниковъ, стоящихъ за передѣлы, и интересами меньшинства, привиллегированныхъ семей, которыя значительно расширили размѣръ владѣнія со времени X ревизіи.

4) Кустарная промышленность, получившая сильное распространеніе вслѣдствіе климатическихъ условій, держится до сихъ поръ твердо на своей позиціи, что объясняется малой поглощательной способностью нашего капитала, который предпочитаетъ эксплуатировать ее въ шкурѣ ростовщика. Соціалистъ-революціонеръ обязанъ обратить вниманіе на классовую борьбу между кустаремъ-производителемъ и скупщикомъ-ростовщикомъ.

Но сверхъ всего, въ Россіи есть еще особый классъ, интеллигенція, и соціалистъ-революціонеръ долженъ понимать ея громадное значеніе въ нашей жизни. Созданная вначалѣ правительствомъ для правительственныхъ цѣлей, она скоро переросла его потребность въ чиновникахъ, инженерахъ, ученыхъ. Оторванная отъ оффиціальной куповины, она не могла пристроиться полноправнымъ классомъ къ обществу, потому что послѣднее, сдавленное въ тискахъ деспотизма, не особенно цѣнило интересы мысли и развитія. Она не могла найти средствъ существованія и среди народа, матерьяльная скудость котораго не создавала «дѣйствительнаго спроса» на умственныхъ

работниковъ. И вотъ она, эта интеллигенція, стоитъ передъ нами особымъ классомъ. Но ея жизненнымъ, реальнымъ, классовымъ интересомъ является идеальный интересъ человѣческой мысли вообще, борьбы за идею, отрицанія ея особаго, классоваго положенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отрицанія классоваго общества въ цѣломъ. Въ этомъ ея интересы совпадаютъ съ соціалистической мыслью Запада, выросшей изъ классовой борьбы и отрицающей необходимость этой борьбы въ будущемъ солидарномъ обществѣ. Въ результатѣ, въ лагерь нашего „умственнаго пролетаріата“ переходятъ и многіе представители привиллегированныхъ классовъ, землевладѣльцы и блестящіе военные, Лизогубы и Ашенбреннеры, которыхъ ужъ, конечно, не матерьяльные интересы гонятъ въ этомъ направленіи.

При этихъ условіяхъ, русскій соціалистъ-революціонеръ обязанъ, по моему мнѣнію, какъ можно дѣятельнѣе стремиться къ непосредственному политическому перевороту, и по необходимости въ формѣ захвата власти. Первоначальной точки опоры онъ долженъ искать въ интеллигенціи (и главнымъ образомъ, въ военныхъ, затронутыхъ движеніемъ мысли вообще и соціалистическимъ въ особенности) и въ сравнительно незначительномъ, но уже початомъ идеею пролетаріатѣ нашихъ немногихъ центровъ. Его ближайшей цѣлью должно быть осуществленіе основныхъ стремленій народа. Захватъ власти долженъ поэтому сопровождаться немедленнымъ проведеніемъ такихъ экономическихъ и соціальныхъ реформъ, которыя 1) хоть и не осуществляя сейчасъ же соціалистическаго строя, вели бы Россію по пути къ нему и 2) настолько бы улучшали положеніе народа, чтобы дать ему время и возможность, не подвергая его опасности физическаго и нравственнаго вырожденія, перейти къ общественной организаціи труда. Излагать минимумъ этихъ реформъ уже не мѣсто здѣсь, и я постараюсь въ спеціальной статьѣ вернуться къ этому вопросу. Во всякомъ случаѣ воплощеніе въ жизнь такихъ условій проведетъ, словно огненнымъ плугомъ, глубокую пропасть между настоящимъ и прошлымъ, а разъ народу пришлось воспользоваться этими пріобрѣтеніями, онъ не выпуститъ ихъ изъ рукъ. Милости просимъ тогда пожаловать реакцію и своей мутной волной смывать революціонеровъ, помогшихъ народу въ осуществленіи его основныхъ стремленій. Въ самомъ худшемъ случаѣ эта политическая реакція будетъ вынуждена признать совершившійся экономическій переворотъ, какъ Наполеонъ I призналъ кодексъ буржуазныхъ революціонеровъ и даже наложилъ на него свое имя. А при такихъ условіяхъ народу не трудно будетъ сбросить новую форму политическаго гнета.

Бодро и увѣренно русскій революціонеръ можетъ смотрѣть

на будущее, зная, что чѣмъ скорѣе будетъ совершенъ переворотъ, тѣмъ легче его довести до конца. Не страшны для него разногласія между различными фракціями соціалистовъ, лишь бы эти группы искренно стремились къ общей цѣли, политическому и экономическому освобожденію народа. Не въ этихъ разногласіяхъ должна тратиться его страсть, должно проявляться его негодованіе. Кромѣ прямыхъ враговъ, ему прежде всего должны быть ненавистны люди, замазывающіе свое гоженье различными теоріями, люди малодушно измѣнившіе дѣлу, люди попусту разочаровавшіеся и, наконецъ, люди индифферентные, враждебно относящіяся ко всему, что можетъ вывести ихъ изъ круга мелкихъ личныхъ интересовъ, — эти дантовскія

... l'anime triste di coloro
Che visser senza infamia et senza lodo*).

К. Тарасовъ.

*) „Жалкія души тѣхъ, что прожили жизнь безъ позора и похвалы".

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ТОВАРЪ.

ХАРАКТЕРЪ ТОВАРНАГО ПРОИЗВОДСТВА.

Марксъ въ своемъ „Капиталѣ“ предпринялъ изслѣдовать капиталистическій способъ производства, который въ настоящее время является господствующимъ. Въ своемъ сочиненіи онъ не занимается законами природы, лежащими въ основаніи процесса производства; ихъ изслѣдованіе представляетъ собою одну изъ задачъ механики и химіи, но не политической экономіи. Съ другой стороны онъ не ставитъ себѣ задачей изслѣдовать только тѣ формы производства, которыя общи всѣмъ народамъ, такъ какъ подобное изслѣдованіе можетъ привести большею частью лишь къ общимъ мѣстамъ, въ родѣ слѣдующаго: „Чтобъ имѣть возможность производить, человѣкъ постоянно нуждается въ орудіяхъ, почвѣ и жизненныхъ средствахъ“. Марксъ изучилъ скорѣе законы движенія опредѣленной формы общественнаго производства, которая свойственна опредѣленной эпохѣ (послѣднимъ столѣтіямъ) и опредѣленнымъ націямъ (европейскимъ или вышедшимъ изъ Европы; въ послѣднее время наша форма производства начинаетъ получать граж-

данство и у другихъ народовъ, напр., у Японцевъ и Индусовъ). Этотъ господствующій нынѣ способъ производства, именно капиталистическій, особенности котораго мы изучимъ ближе въ послѣдствіи, рѣзко отличается отъ другихъ способовъ производства, напр., отъ феодальнаго, какъ онъ господствовалъ въ Европѣ въ средніе вѣка, или отъ первобытнаго коммунистическаго, какъ онъ встрѣчается на порогѣ развитія всѣхъ народовъ.

Разсматривая современное общество, мы находимъ, что богатство его состоитъ изъ товаровъ. Товаръ есть продуктъ труда, произведенный не для собственнаго потребленія производителя или связанныхъ съ нимъ лицъ, а съ цѣлью обмѣна на другіе продукты. Слѣдовательно не природныя, а общественныя особенности дѣлаютъ продуктъ товаромъ. Примѣръ поясннтъ это.

Пряжа, которую прядетъ изо льна дѣвушка въ первобытной крестьянской семьѣ, чтобъ соткать полотно, потребляемое самой же семьей, есть предметъ потребленія, а не товаръ. Но когда прядильщикъ прядетъ ленъ съ тѣмъ, чтобы обмѣнять пряжу у сосѣда крестьянина на пшеницу, или когда фабрикантъ изо дня въ день заставляетъ спрядать множество центнеровъ льну съ тѣмъ, чтобъ потомъ продать этотъ продуктъ, — это будетъ уже товаръ. Конечно, это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предметъ потребленія, но такой предметъ потребленія, которому предстоитъ играть особенную общественную роль, т. е., который долженъ будетъ пойти въ обмѣнъ. На самой пряжѣ не видать, что это товаръ, или нѣтъ. Ея природная форма можетъ быть совершенно той же самой, была ли она напрядена въ крестьянской хижинѣ прядильщицей для своего приданаго, или же на фабрикѣ фабричной дѣвушкой, которая можетъ быть и одного волокна не употребитъ изъ нея сама. Только по общественной роли, по общественной функціи, ыполняемой пряжею, можно узнать, товаръ ли она, или нѣтъ.

Въ капиталистическомъ обществѣ продукты труда принимаютъ все въ большей и большей мѣрѣ форму товаровъ; если теперь у насъ не всѣ еще продукты труда — товары, такъ это лишь потому, что остатки прежнихъ способовъ производства еще внѣдрены въ современный способъ.

Если не обращать вниманія на эти совершенно незначительные продукты, то можно сказать, что нынѣ всѣ продукты труда принимаютъ форму товаровъ. Мы не можемъ понять нынѣшняго способа производства, если мы не уяснили себѣ характера товара. Мы должны поэтому начать съ изслѣдованія товара.

Пониманіе этого изслѣдованія будетъ однако, по нашему мнѣнію, значительно облегчено, если мы прежде всего изложимъ характеристическія особенности товарнаго производства въ отличіе отъ другихъ видовъ производства. Мы легче всего достигаемъ черезъ это пониманія той точки зрѣнія, которую принялъ Марксъ при своемъ изслѣдованіи товара.

Насколько мы можемъ заглянуть въ исторію человѣческаго рода, всегда находимъ мы, что люди добывали себѣ жизненныя средства въ большихъ или меньшихъ обществахъ, что производство носило постоянно характеръ общественный. Марксъ представилъ ясно этотъ характеръ уже въ своихъ статьяхъ о „Наемномъ трудѣ и Капиталѣ“, въ „Новой Рейнской газетѣ“ (1849). [1])

„Въ производствѣ люди ставятся въ отношенія не къ одной природѣ“, говорится тамъ: они производятъ, взаимодѣйствуя опредѣленнымъ образомъ и обмѣниваясь между собою различнаго рода дѣятельностями“. Чтобы производить, они вступаютъ въ опредѣленныя отношенія и связи одинъ къ другому, и только внутри этихъ общественныхъ отношеній и связей имѣютъ мѣсто ихъ отношенія къ природѣ, имѣетъ мѣсто производство.

---

[1]) Онѣ появились недавно въ формѣ брошюры.

Сообразно съ характеромъ производительныхъ средствъ будутъ различны, конечно, и тѣ общественныя отношенія, въ которыя взаимно вступаютъ производители, тѣ условія, при которыхъ они обмѣниваютъ свои дѣятельности и принимаютъ участіе въ общемъ актѣ производства. Съ изобрѣтеніемъ новаго орудія войны, огнестрѣльнаго оружія, измѣнилась необходимо и вся внутренняя организація арміи, измѣнились отношенія, внутри которыхъ индивидуумы образуютъ армію и могутъ дѣйствовать, какъ армія, измѣнилось и отношеніе различныхъ армій между собою. Общественныя отношенія, въ которыхъ производятъ индивидуумы, общественныя отношенія производства дѣлаются такимъ образомъ иными и измѣняются съ измѣненіемъ и развитіемъ средствъ производства, производительныхъ силъ. Отношенія производства, въ ихъ совокупности, образуютъ то, что называютъ общественными отношеніями, обществомъ, и при этомъ обществомъ на опредѣленной исторической ступени развитія, — обществомъ съ своеобразнымъ, отличающимъ его характеромъ. Нѣсколько примѣровъ могутъ иллюстрировать сказанное. Возьмемъ какой-нибудь первобытный народъ, который стоитъ на низкой ступени производства, у котораго охота образуетъ главную вѣтвь пріобрѣтенія пищевыхъ средствъ, какъ, напр., Индѣйцы. Доджъ въ своей книгѣ „о современныхъ Индѣйцахъ дальняго запада„ сообщаетъ слѣдующее о родѣ и способѣ ихъ охоты.

„Такъ какъ голова и сердце призываются на помощь лишь при случаѣ, требованія же желудка безпрестанны, то племя находится обыкновенно подъ господствомъ „третьяго сословія.“ Эту власть составляютъ всѣ охотники племени, образующіе родъ цеха или гильдіи, на рѣшенія которой въ сферѣ ихъ спеціальности нѣтъ апелляціи. У племени Шейеновъ люди эти называются „собачьими солдатами“. Наиболѣе молодые и подвижные начальники принадлежатъ постоянно къ этимъ „собачьимъ солдатамъ,“ но не повелѣваютъ необходимо ими. Сами „солдаты“ распоряжаются, при посредствѣ устнаго

рѣшенія, общими дѣлами, частности которыхъ предоставляются затѣмъ избраннымъ между ними славнѣйшимъ и умнѣйшимъ охотникамъ. Среди этихъ „собачьихъ солдатъ“ находится много молодыхъ, которые еще не выдержали испытанія, посвящающаго ихъ въ бойцы. Однимъ словомъ, этотъ цехъ охотниковъ обнимаетъ собою всѣ рабочія силы племени и представляетъ ту власть, которая защищаетъ женъ и дѣтей и снабжаетъ ихъ пищей. Каждый годъ имѣютъ мѣсто большія осеннія охоты съ цѣлью набить по возможности больше дичи, заготовить и высушить значительный запасъ мяса на зиму. Тутъ „собачьи охотники“ являются героями дня и горе несчастному, который осмѣлится ослушаться и пренебречь даже самымъ незначительнымъ изъ ихъ произвольныхъ или демократическихъ рѣшеній! [2]) Когда все готово, лучшіе охотники отправляются въ путь рано утромъ, задолго до разсвѣта. Если открываютъ нѣсколько стадъ буйволовъ, то высматривается для бойни то изъ нихъ, положеніе котораго таково, чтобы предварительныя приготовленія и маневры съ цѣлью окружить его, крики и выстрѣлы при наступленіи всего менѣе могли бы спугнуть остальныя стада... Во все это время, гдѣ нибудь на пригоркѣ, въ сосѣдней лощинѣ, внѣ поля зрѣнія буйволовъ, молча и дрожа отъ волненія, сидитъ на коняхъ мужская

---

[2]) У племени Омага (Omahas), принадлежащаго къ большой этнической группѣ сѣверо-американскихъ дикарей, которая носитъ имя Тегиха, начальники не имѣютъ руководительства на охотѣ, но для этого избираются четыре особыхъ вожака, и они-то выбираютъ изъ числа Уанесовъ или храбрыхъ (такъ называется классъ испытанныхъ солдатъ) необходимыхъ помощниковъ, которымъ въ этомъ случаѣ принадлежитъ роль надзирателей (Rev. Owen Dorsey, Omaha Sociology, Washington, 1885). Дорсэй переводитъ ихъ названіе англійскимъ словомъ policemen. Это племя переходитъ уже къ земледѣлію, быстро цивилизуется, и на одномъ изъ недавнихъ антропологическихъ конгрессовъ Сѣверной Америки публика привѣтствовала громкими аплодисментами докладъ миссъ Флетчеръ, чистокровной индіянки Омага, о бытовыхъ условіяхъ ея роднаго племени.

Примѣч. редактора.

часть племени, способная принять участіе въ предстоящей бойнѣ буйволовъ. Если стадо находится въ положеніи, удобномъ для охоты, то стоящіе во главѣ охотники отсчитываютъ нѣсколько изъ своихъ людей и посылаютъ ихъ подъ временнымъ начальствомъ на заранѣеуказанныя мѣста. Когда затѣмъ предводитель видитъ, что каждый находится на своемъ мѣстѣ и все готово, то онъ пытается съ отрядомъ всадниковъ окружить стадо и отрѣзать выходъ, даетъ потомъ сигналъ и вотъ вся ватага съ страшнымъ крикомъ, который, кажется, могъ бы разбудить мертвыхъ, бросается впередъ и производитъ дружный натискъ на дичь. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ рѣзня въ полномъ ходу; немногимъ буйволамъ удается прорвать кордонъ и ускользнуть, но ихъ не преслѣдуютъ, если вблизи находятся другія стада.

„Когда еще употреблялись лишь лукъ и стрѣлы, всякій воинъ зналъ свою стрѣлу и не имѣлъ никакого затрудненія точно узнать убитыхъ имъ буйволовъ. Они составляли его личную собственность за исключеніемъ той части, которую онъ долженъ былъ отдать въ пользу вдовъ и семействъ, не имѣющихъ воина-попечителя. Если въ одномъ убитомъ буйволѣ находились стрѣлы нѣсколькихъ человѣкъ, то притязанія на собственность рѣшались по положенію стрѣлъ. Если каждая стрѣла нанесла смертельную рану, то буйвола дѣлили на части или нерѣдко цѣликомъ присуждали какой-нибудь вдовѣ. Охотникъ-предводитель разрѣшалъ всѣ подобнаго рода вопросы, но на его рѣшеніе можно было еще аппеллировать къ общему приговору „собачьихъ солдатъ“. Съ тѣхъ же поръ какъ всеобщее употребленіе огнестрѣльнаго оружія сдѣлало невозможнымъ отличеніе убитаго буйвола, индѣйцы стали[3]) бо́льшими коммунистами въ своихъ взглядахъ и вся совокупность мяса и шкуръ раздѣляется теперь на пропорціональныя части на основа-

[3]) Вѣрнѣе было бы сказать: они въ своихъ взглядахъ опять стали коммунистами. Первоначальное хозяйство Индійцевъ было коммунистическимъ, стало быть, и распредѣленіе добычи было коммунистическимъ.

нiи того или иного мѣрила собственнаго изобрѣтенiя (стр. 206—211).

Мы видимъ, что у этого охотничьяго племени производство — общественное; здѣсь взаимодѣйствуютъ различные роды труда съ цѣлью достиженiя одного общаго результата.

Здѣсь мы уже находимъ зачатки раздѣленiя труда и планомѣрнаго сотрудничества [4]) (кооперацiи). Согласно своимъ различнымъ способностямъ, охотники выполняютъ различныя работы, но по общему плану. Результатъ взаимодѣйствiя различныхъ работъ, „обмѣна дѣятельностей", какъ выражается Марксъ въ „Наемномъ трудѣ и капиталѣ", — охотничья добыча не обмѣнивается, а распредѣляется.

Укажемъ здѣсь лишь мимоходомъ на то, какъ измѣненiе въ средствахъ производства — замѣна лука и стрѣлъ огнестрѣльнымъ оружiемъ — имѣетъ своимъ слѣдствiемъ измѣненiе въ способѣ распредѣленiя. [5])

---

[4]) „Та форма труда, при которой много работниковъ трудится планомѣрно въ одномъ и томъ-же или въ разныхъ, но связанныхъ между собою, процессахъ производства, рядомъ или вмѣстѣ другъ съ другомъ, называется кооперацiей„ („Капиталъ" стр. 273 рус. изд., 323 — нѣмецк.). Десятью страницами далѣе Марксъ въ одномъ примѣчанiи говоритъ: „Linguet можетъ быть и правъ, въ своей „Théorie des Lois civiles", считая охоту за первую форму кооперацiи."

[5]) Это „мимоходомъ" брошенное замѣчанiе Каутскаго характеризуетъ черезчуръ-вѣрныхъ учениковъ Маркса. Самъ Марксъ высказалъ просто мысль о зависимости формъ распредѣленiя отъ формъ производства и обмѣна, но не обставилъ особой аргументацiей этого положенiя, — потому-ли, что это субъективно для него казалось аксiомой, или потому, что чисто-экономическiя воззрѣнiя автора „Капитала" въ сущности не особенно тѣсно связаны съ упомянутой мыслью. Во всякомъ случаѣ, здѣсь ученикамъ Маркса былъ просторъ для аргументировки и доказательствъ. И что-же? Они по большей части повторяли, что уже мы слышали отъ самого Маркса, но не дали объясненiя мысли учителя. Въ самомъ дѣлѣ, предполагаетъ ли неизбѣжно особый способъ производства, или особый техническiй характеръ орудiй, и особую форму распредѣленiя продуктовъ? Лично мнѣ кажется, что 1) различныя орудiя производства могутъ существовать при одной

Разсмотримъ теперь другой болѣе высшій родъ общественнаго способа производства, напр., основанную на земледѣліи деревенскую общину Индусовъ. Отъ

и той же формѣ распредѣленія продуктовъ, производимыхъ при помощи этихъ орудій и 2) различныя формы распредѣленія могутъ существовать при одинаковыхъ технически орудіяхъ. Съ одной стороны, представимъ себѣ мелкаго ремесленника, который получаетъ матеріалъ отъ капиталиста, обработываетъ его у себя на дому при помощи мелкихъ инструментовъ, данныхъ тоже хозяиномъ, и отдаетъ его капиталисту, причемъ тотъ оплачиваетъ лишь часть рабочаго времени, а изъ неоплаченнаго труда ремесленника получаетъ прибавочную стоимость. Съ другой стороны, вообразимъ фабричнаго рабочаго, который производитъ продуктъ при помощи громадныхъ машинъ и эксплуатируется капиталистомъ на самой фабрикѣ. Очевидно, что какъ тутъ, такъ и здѣсь форма распредѣленія одна и та-же, а именно капиталистическая (хотя пропорція, въ которой распредѣляется продуктъ, вѣроятно, не та-же самая, въ силу разницы въ производительности труда здѣсь и тамъ). Но ужъ орудія-то производства совершенно различны технически. Наоборотъ, можно представить себѣ совершенно одинаковую въ техническомъ отношеніи фабрику, одинъ разъ управляемую капиталистомъ, другой разъ принадлежащую ассоціаціи рабочихъ. Но форма распредѣленія продукта будетъ уже совсѣмъ иная въ каждомъ изъ этихъ случаевъ. Можно представить себѣ далѣе одинаковый участокъ земли, обрабатываемый при помощи однихъ и тѣхъ-же орудій однъ разъ арендаторомъ, снявшимъ землю на 15 лѣтъ, другой разъ членомъ общины, передѣляющей свои земли каждые 15 лѣтъ. Здѣсь одинаковый продуктъ, производимый при одинаковыхъ техническихъ условіяхъ, будетъ подлежать, очевидно, совершенно иному распредѣленію въ первомъ и во второмъ случаѣ.

Мнѣ кажется, что распредѣленіе продуктовъ обусловливается до извѣстной степени характеромъ производства, но не однимъ этимъ характеромъ, а и цѣлой системой соціальныхъ, юридическихъ, умственныхъ и политическихъ нормъ жизни. Но еще вопросъ, до какой степени всѣ эти нормы вытекаютъ изъ экономическаго строя.

Переходя къ примѣру Шейеновъ, взятому Каутскимъ у Доджа, я долженъ замѣтить прежде всего, что здѣсь-то, конечно, ужъ не техническій характеръ орудій труда, не ихъ большая производительность опредѣлила возвратъ къ общественному распредѣленію дичи, а просто тотъ фактъ, что на пулѣ не видать, кому она принадлежитъ. Будь это со стрѣлой, было бы тоже самое: самъ Каутскій предполагаетъ, что раньше, т. е., значитъ, и при стрѣлахъ, дикари были коммунистами. Кромѣ того, въ основаніи теоріи стро-

первобытнаго коммунизма, господствовавшаго въ ней, находятъ теперь въ Индіи лишь кой-какіе жалкіе остатки.

таго соотвѣтствія между характеромъ производства и характеромъ распредѣленія, легла ошибочная, по моему мнѣнію, мысль о полнѣйшемъ параллелизмѣ въ развитіи индивидуальнаго труда и въ возникновеніи индивидуальной собственности. Предполагаютъ, что разъ извѣстный продуктъ произведенъ личнымъ трудомъ человѣка, онъ уже тѣмъ самымъ долженъ принадлежать послѣднему. Но это мнѣніе опровергается цѣлой массой фактовъ изъ жизни первобытныхъ племенъ, гдѣ общинѣ или родовой группѣ принадлежитъ и результатъ труда отдѣльнаго ея члена. Замѣчу, что одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ соціологовъ-юристовъ, г. Ковалевскій, на „Общинное владѣніе“ котораго часто ссылаются въ подтвержденіе упомянутой ложной мысли, въ своемъ новомъ трудѣ „Современный обычай и древній законъ“ (Москва, 1886, т. I и II) отказывается отъ такого воззрѣнія, какъ отъ „весьма грубой ошибки, повторяемой за мной и г. Зиберомъ“ (стр. 130, т. I). По мнѣнію г. Ковалевскаго, тутъ дѣло въ гораздо большей степени заключается въ упадкѣ кровнаго начала, а до этого упадка „продукты личнаго труда поступали въ общую собственность“. „Моя ошибка“, говоритъ онъ, обращаясь къ г. Зиберу, „состоитъ не въ томъ, что я недостаточно выяснилъ соотношеніе между процессомъ раздѣленія труда и процессомъ индивидуализаціи имуществъ, а наоборотъ въ томъ, что я придалъ слишкомъ большое значеніе началу личнаго труда, какъ фактору частной собственности“ (т. I, стр. 129—130). Мнѣ было пріятно найти эту мысль у г. Ковалевскаго потому, что въ одномъ изъ моихъ — увы, многочисленныхъ! — ненапечатанныхъ этюдовъ я уже года четыре тому назадъ подвергалъ почти тождественному духу разбору какъ разъ тѣ мѣста „Общиннаго владѣнія“, отъ которыхъ отказывается теперь г. Ковалевскій. Если я упоминаю это здѣсь, то, конечно, не за тѣмъ, чтобы сравнивать себя, простаго дилетанта въ соціологіи и политической экономіи, съ ученымъ въ родѣ г. Ковалевскаго. Мнѣ хотѣлось лишь показать читателю, до какой степени слабость теоріи о параллельномъ развитіи личнаго труда и личной собственности бросается въ глаза каждому, независимо отъ умственной силы и эрудиціи, кто только хочетъ критически отнестись къ этому вопросу.

Повторяю: на первыхъ ступеняхъ принципъ частной собственности, основанный на личномъ трудѣ, отступаетъ передъ родовымъ началомъ, но послѣднее врядъ-ли опредѣляется чисто-экономическими отношеніями. Замѣчу однако, что мнѣ и въ голову не приходитъ выводить родовой принципъ изъ половыхъ отношеній и исключительной семьи историческихъ народовъ. Я полагаю, что „родъ“ группировался не только на почвѣ представленія о кров-

Но Неархъ, адмиралъ Александра Македонскаго, сообщалъ (см. Страбона, XV, I, 66) [6] о такихъ мѣстностяхъ Индіи, гдѣ земля была общественной собственностью, сообща обрабатывалась, и по окончаніи жатвы продуктъ дѣлился между односельчанами. По Эльфинстону такія общины существовали еще въ началѣ нашего столѣтія въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи. На Явѣ деревенскій коммунизмъ продолжаетъ еще существовать въ той формѣ, что пахотная земля время отъ времени передѣляется снова между односельчанами, которые получаютъ свой участокъ не въ частную собственность, а въ пользованіе на опредѣленный періодъ. Въ передней Индіи пашня по большей части перешла уже въ частную собствен-

---

ной близости, но вообще на почвѣ совмѣстнаго отношенія группы людей къ природѣ, и въ томъ числѣ, на почвѣ экономическихъ отношеній. Интересно, что по Гранту, цитируемому Макъ-Леннаномъ (см. Studies in ancient history, London, 1876, прим. на стр. 123) кельтическіе (gaelic) термины для семьи, teadhloch и cuedichc означаютъ: первый „живущіе вмѣстѣ“, второй „принимающіе вмѣстѣ пищу“.

Примѣч. редактора.

[6]) Кауцкій, очевидно, имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто Strabonis geographica (я даю здѣсь подстрочный переводъ съ греческаго): „другіе (обитатели Индіи) воздѣлываютъ поля родственными союзами (katá syggéneian, въ латинскомъ контекстѣ стоитъ per cognationes) сообща, а когда собираютъ жатву, то каждый беретъ себѣ извѣстную часть для пропитанія на цѣлый годъ; остатокъ же сжигаютъ, чтобы имѣть возможность снова трудиться и не быть праздными“(?!). Трудно объяснить себѣ вторую половину фразы, въ которой Индусы рисуются поклонниками, такъ сказать, искусства для искусства въ земледѣліи. Можетъ быть, Неархъ видѣлъ просто-на-просто подсѣчное, „огневое хозяйство“, практиковавшееся на jungle'яхъ (тростниковыхъ чащахъ) общины и ложно описалъ его. Прямо отбрасывать свидѣтельство Неарха нельзя на томъ только основаніи, что самъ Страбонъ, пользовавшійся сочиненіемъ Неарха Paraqlous, причисляетъ автора къ длинной вереницѣ писателей, болтавшихъ всякій вздоръ объ Индіи (см. II, 70); многое, что казалось Страбону у Неарха невѣроятнымъ, было въ послѣдствіи подтверждено исторической критикой. — Ср. August Pauly, Real-Encyclopädie der klassischen Alterthumswissenschaft etc. Штутгартъ, 1848, т. 5-ый, стр. 490.

Примѣч. редактора.

ность отдѣльныхъ односельчанъ, лѣса же, пастбища и необработанныя земли находятся еще очень часто въ общей собственности, на которую всѣ общинники имѣютъ право пользованія. [7])

[7]) Русскимъ читателямъ различныя формы общиннаго пользованія, конечно, извѣстны, гораздо больше, чѣмъ западному европейцу. Земельная община составляетъ у насъ очень распространенное и очень живучее явленіе. Но было-бы странно видѣть въ ней что-то, совершенно отличное отъ подобныхъ учрежденій у другихъ народовъ. Я полагаю, что и въ настоящее время можно любой формѣ русской общины подыскать аналогичную форму, хотя бы, напр., въ той-же Остъ-Индіи. Переходъ въ Россіи отъ разросшейся семейной или родовой общины, которая „заводила поселокъ“ при помощи труда родственниковъ, къ общинѣ земельной, включавшей въ себя осадившееся съ теченіемъ времени пришлое и чуждое по крови населеніе, находитъ себѣ pendant въ Индіи, и даже характеризуетъ собой извѣстный моментъ въ развитіи общинной земельной собственности. Сама форма нашей „долевой общины“, въ которой нѣкоторые склонны видѣть особенность русской жизни, сводится легко къ той формѣ общины Индусовъ, при которой разные члены общины, по разной степени близости къ предполагаемому или дѣйствительному родоначальнику, имѣютъ большее или меньшее право на идеальные, разной величины участки въ общинной землѣ. Не доказываетъ особеннаго характера нашей общины и сравнительная недавность ея возникновенія въ центральной и сѣверо-восточной Россіи, хотя бы уже и потому, что здѣсь колонизація началась главнымъ образомъ съ перемѣщеніемъ политическаго центра изъ Кіева во Владиміро-Суздальское княжество, и населеніе могло лишь два вѣка тому назадъ огустѣть до такой степени, чтобъ образовать деревенскую общину въ настоящемъ смыслѣ этого слова. „Деревня въ одинъ или два крестьянскихъ двора, говоритъ г. Ключевскій, является господствующею формою разселенія въ сѣверной Великороссіи до самаго конца XVII столѣтія. Вокругъ такихъ мелкихъ разбросанныхъ деревень трудно было отыскать значительное пространство, которое удобно можно было бы распахать... При томъ тогдашніе пріемы обработки земли сообщали подвижной, неусидчивый, кочевой характеръ этому хлѣбопашеству“ (Литографированный курсъ древней русской исторіи, читанный въ $188^4/_5$ году, стр. 162). Россія два вѣка тому назадъ находилась при условіяхъ, которыя въ другихъ странахъ существовали, можетъ быть, лишь десятью столѣтіями ранѣе. А въ Западной Сибири, гдѣ мѣстами уже значительно густѣетъ населеніе, мы теперь только начинаемъ присутствовать при переходѣ отъ заимочнаго хозяйства несвязанныхъ между собой колонистовъ

Что интересуетъ насъ въ подобной деревенской общинѣ, которая еще не пала жертвой разлагающаго вліянія англійскаго господства, именно благодаря введенной имъ системѣ налоговъ, такъ это — характеръ, какой принимаетъ въ ней раздѣленіе труда. Мы уже на-

---

къ настоящей земельной общинѣ, которая накладываетъ руку на заимочныя земли, вводя ихъ въ кругъ передѣляемой земли.

Но изъ сходства русской общины съ подобной же формой въ другихъ странахъ, такъ же мало слѣдуетъ необходимость ея разложенія, какъ невозможность этого разложенія вообще. Къ этой общинѣ подходитъ теперь серьезная соціалистическая мысль, которая знаетъ по опыту, чего стоило Зап. Европѣ уничтоженіе этой формы, и нисколько не думаетъ прыгать, какъ овцы за передовымъ бараномъ, черезъ принятую прочь палку. Самопроизвольный процессъ разложенія общины въ сущности похожъ на необходимость для человѣка умереть отъ отравленія мухоморомъ или волчьими ягодами. Предупредите его — и онъ не умретъ этой „самопроизвольной“ смертью; а между тѣмъ несомнѣнно, что люди отравлялись грибомъ, пока не выучились различать его. Помимо того, обыкновенно преувеличиваютъ хрупкость общины. До сихъ поръ на земномъ шарѣ эта форма наиболѣе распространена въ томъ или иномъ видѣ. Частная собственность, не смотря на яркость ея проявленій въ цивилизованномъ обществѣ, въ сущности есть лишь эпизодъ экономической жизни. Много-ли разложилось общинъ съ тѣхъ поръ, какъ наука остановила свое вниманіе на этомъ повсюдномъ явленіи? Даже во Франціи, до конца сороковыхъ годовъ, существовали, напр., въ гористой мѣстности Морвана такъ называемыя communautés taisibles, чрезвычайно близко подходящія къ типу сербской задруги, или къ средневѣковымъ французскимъ же общинамъ parsonniers. Да самопроизвольное разложеніе общины кромѣ того и никогда не наблюдалось въ чистомъ видѣ. Всегда и повсюду этотъ процессъ былъ такъ осложненъ враждой между племенами, феодализаціей собственности въ рукахъ предводителей, заселеніемъ земель общины пришлыми элементами (broken-men, какъ ихъ называетъ Мэнъ), что трудно представить, какую роль могли играть при этомъ внутреннія причины, но вполнѣ легко допустить, что разумное отношеніе къ общинѣ дастъ ей возможность полнаго доразвитія до коммунизма. Нѣтъ, можетъ быть, ничего поучительнѣе для изученія призрачности „самопроизвольнаго разложенія общины“, какъ чтеніе главы „The process of feudalisation“ въ „Village Communities“ Мэна и главъ „The chief and his order“ и The chief and the land“ въ „Early History of Institutions“ того-же автора.

Примѣч. редактора.

шли таковое у индѣйцевъ; но гораздо высшее раздѣленіе труда представляетъ сельская община Индусовъ.

Помимо общинной администраціи, называемой „Патель", если она сосредоточена въ одномъ лицѣ, или Панчъ, если она образуетъ родъ коллегіи по большей части изъ пяти лицъ, мы находимъ въ индусской хозяйственной общинѣ еще цѣлый рядъ чиновниковъ: Карнама или Матсадди, счетовода, который обязанъ руководить и наблюдать за финансовыми отношеніями общины къ ея отдѣльнымъ членамъ, къ другимъ общинамъ и государству; Талліера для преслѣдованія преступленій и разныхъ правонарушеній, которому вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежитъ покровительство путешественниковъ и попеченіе о безопасномъ переходѣ ихъ черезъ границу въ ближайшую общину; Тоти — охранителя пашни и землемѣра, который долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы сосѣднія общины не перемѣщали полевыхъ межей, обстоятельство, легко могущее случиться какъ разъ именно при воздѣлываніи риса; надсмотрщика за водопроводами, который долженъ содержать ихъ въ надлежащемъ порядкѣ и заботиться о своевременномъ открытіи и закрытіи ихъ и о томъ, чтобы каждое поле получало достаточно воды, — что крайне важно при воздѣлываніи риса; брамина — для выполненія необходимыхъ богослужебныхъ обрядовъ; школьнаго учителя, который обучаетъ дѣтей чтенію и письму; астролога, который занимается опредѣленіемъ счастливыхъ и несчастныхъ дней для посѣва, жатвы, молотьбы и другихъ важныхъ работъ; кузнеца, плотника и колесника; гончара; мужчину-прачку; цирюльника; врача; девадаши (танцовщицу); порою даже пѣвца.

Всѣ они должны работать на цѣлую общину и не членовъ и вознаграждаются за это или частью общаго поля или же частью продукта жатвы. И здѣсь, при этомъ высоко развитомъ раздѣленіи труда, мы видимъ взаимодѣйствіе работъ и распредѣленіе продуктовъ.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ, который всякому дол-

женъ быть извѣстенъ: патріархальную крестьянскую семью, которая сама удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, примѣръ общественной формы, развившейся изъ такого же способа производства, какой мы только что изобразили въ общинѣ Индусовъ и какой можно указать въ началѣ развитія всѣхъ ближе извѣстныхъ намъ культурныхъ народовъ.

Такая крестьянская семья представляетъ намъ равнымъ образомъ не изолированныхъ людей, а общественное сотрудничество въ различныхъ работахъ, мѣняющихся сообразно съ возрастомъ, поломъ и временемъ года. Тутъ пашутъ, жнутъ, ходятъ за скотомъ и доятъ его, собираютъ дрова, прядутъ, ткутъ, шьютъ, вяжутъ, кроятъ, плотничаютъ и проч., и проч. Самыя различныя работы находятся здѣсь во взаимодѣйствіи, относятся одна къ другой; здѣсь, такъ же какъ и въ предыдущихъ примѣрахъ, продукты отнюдь не о б м ѣ н и в а ю т с я между отдѣльными работниками, а р а з д ѣ л я ю т с я м е ж д у н и м и, с о о б р а з н о с ъ о б с т о я т е л ь с т в а м и.

Положимъ теперь,[8]) что средства производства только что изображенной земледѣльческой общины настолько усовершенствовались, что на воздѣлываніе земли нужно посвящать уже меньше труда, чѣмъ прежде. Въ этомъ случаѣ освобождаются рабочія силы, которыя будутъ употреблены, если развиты достаточно техническія средства, можетъ быть на разработку залежей кремня, находящихся на землѣ общины, на приготовленіе изъ него инструментовъ и оружія. Производительность труда такъ велика, что инструментовъ и оружія изготовляется гораздо болѣе, чѣмъ нуждается община.

---

[8]) Рядъ фактовъ доказываетъ, что первоначальное развитіе товарнаго производства происходило дѣйствительно такимъ образомъ, какъ мы изображаемъ его въ слѣдующихъ строкахъ. Понятно, это послѣдовало не такъ просто, какъ здѣсь описано, но наше изложеніе имѣетъ своею цѣлью представить не и с т о р і ю товарнаго производства, а его о т л и ч и т е л ь н ы я о с о б е н н о с т и, которыя легче всего узнаются чрезъ сравненіе съ другими способами производства.

Племя кочующихъ пастуховъ приходитъ во время своихъ скитаній въ соприкосновеніе съ этой общиной. Производительность труда въ этомъ племени возросла равнымъ образомъ, оно пріобрѣло возможность воспитывать болѣе скота, чѣмъ ему нужно. Легко сообразить, что это племя охотно будетъ обмѣнивать излишекъ своего скота на излишекъ инструментовъ и оружія земледѣльческой общины. Излишекъ скота и излишекъ инструментовъ дѣлаются черезъ этотъ обмѣнъ товарами.

Обмѣнъ товаровъ есть естественное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ за тѣсные предѣлы потребностей первобытныхъ общинъ. На извѣстной высотѣ развитія техники, первобытный коммунизмъ становится препятствіемъ ея дальнѣйшему прогрессу. Способъ производства требуетъ расширенія круга общественнаго труда; но такъ какъ отдѣльныя общины стоятъ чуждыми и независимыми одна по отношенію къ другой, то такое расширеніе не могло совершиться посредствомъ расширенія коммунистическаго планомѣрнаго труда, а только посредствомъ взаимнаго обмѣна излишковъ труда между отдѣльными общинами. Какъ воздѣйствовалъ въ свою очередь обмѣнъ товаровъ на способъ производства внутри общинъ, пока производство товаровъ не превратилось въ производство независимыхъ другъ отъ друга частныхъ работниковъ, которымъ принадлежатъ въ частную собственность орудія и продукты ихъ труда, этого намъ нечего здѣсь изслѣдовать. [9]) Что мы хотимъ показать, такъ это слѣдую-

[9]) Здѣсь читатель снова имѣетъ передъ собою образчикъ отношенія марксистовъ къ положеніямъ учителя. Одна изъ очень важныхъ заслугъ Маркса заключается въ томъ, что онъ впервые ясно указалъ на видоизмѣненіе среди человѣчества борьбы за существованіе смыслъ, что въ человѣческомъ обществѣ борются не столько отдѣльныя личности, сколько группы личностей, враждебныя между собой племена, враждебные классы внутри племенъ. Личности, на порогѣ исторіи, вступаютъ въ извѣстныя отношенія между собою главнымъ образомъ при посредствѣ этихъ группъ. Если представить себѣ, въ какомъ младенче

щее: товарное производство есть общественная форма производства; оно немыслимо внѣ общественныхъ отношеній, оно даже означаетъ расширеніе общественнаго производства за предѣлы пред-

---

ствѣ находилась въ сороковыхъ годахъ наука объ обществѣ, и какъ мало были разработаны тогда данныя этнологіи, поневолѣ удивишься почти пророческой геніальности Маркса, у котораго теорія классовой борьбы уже развита въ общихъ чертахъ въ „Misére de la philosophie“ (1846). Къ сожалѣнію, эта борьба сведена Марксомъ почти исключительно къ столкновенію экономическихъ интересовъ. Въ результатѣ получается, что развитіе сложныхъ соціальныхъ отношеній, не покрываясь даже приблизительно точно экономическими факторами, порою довольно трудно объяснимо изъ игры этихъ факторовъ. Марксъ, почему бы то ни было, не обосновываетъ центральнаго пункта своей соціологической системы. Здѣсь то, казалось бы, и нужно было его ученикамъ вставить дополняющія и поясняющія звенья. Не тутъ-то было: какъ разъ мимо этихъ мѣстъ они проходятъ безъ всякаго разъясненія. Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, фраза Каутцкаго: „на извѣстной высотѣ развитія техники первобытный коммунизмъ становится препятствіемъ ея дальнѣйшему прогрессу“? И почему этотъ коммунизмъ, подрываемый обмѣномъ между враждебными группами общинами, долженъ уступить въ концѣ концовъ мѣсто производству товаровъ частными работниками? Почему сравнительно-высокая техника древней Мексики и древняго Перу могла выработаться въ этихъ обширныхъ коммунистическихъ организаціяхъ, не разлагая общества на частныхъ производителей? Значитъ, первобытный коммунизмъ не всегда ставитъ препятствія резвитію техники? Правда Морганъ и Банделье, которые въ особенности постарались разсѣять мифъ о монархическомъ устройствѣ Мексики, не мало говорятъ о преувеличеніяхъ богатства и техническихъ средствъ страны со стороны Испанцевъ. Но даже при самой большой осторожности въ этомъ смыслѣ остается такъ много свидѣтельствъ о процвѣтаніи Мексики, что Андрью Лэнгъ (Andrew Lang) въ своемъ послѣднемъ трудѣ считаетъ даже возможнымъ упрекнуть Моргана въ томъ, что онъ видитъ повсюду лишь свободолюбивыхъ ирокезовъ, а сомнѣвается въ мексиканскомъ могущественномъ монархѣ, о которомъ достаточно будто-бы говорятъ дворцы, скульптура, золото и соуса мексиканцевъ (см. Myth, Ritual and Religion, Лондонъ, 1887 г., томъ второй, прилож. стр. 346 — 350) Какимъ путемъ, кромѣ того, происходитъ разложеніе, при помощи обмѣна, общины на частныхъ производителей? Этотъ процессъ представимъ довольно трудно. Всякій разъ, когда приходится всматриваться въ то, что называютъ разложеніемъ общины при помощи обмѣна, обыкновенно натыкаешься уже внутри даннаго

шествовшаго ему коммунистическаго (въ племени, въ общинѣ или въ патріархальной семьѣ). Но общественный характеръ его не выступаетъ здѣсь наружу.

Представимъ себѣ гончара и земледѣльца, сначала какъ членовъ коммунистической сельской общины Индусовъ, а затѣмъ какъ двухъ производителей товаровъ. Въ первомъ случаѣ оба они работаютъ одинаково на общину; одинъ доставляетъ ей горшки, другой — полевые плоды; одинъ получаетъ свою часть изъ полевыхъ плодовъ, другой — изъ горшковъ. Во второмъ случаѣ каждый занимается своимъ трудомъ для себя независимо другъ отъ друга, но каждый работаетъ (можетъ быть въ той же мѣрѣ, какъ и прежде) не на одного себя, но и на другаго. Затѣмъ они обмѣниваютъ свои продукты, и очень возможно, что одинъ получитъ при этомъ столько же плодовъ, другой столько же горшковъ, сколько и прежде. Кажется, въ сущности ничего не перемѣнилось, и однако оба процесса кореннымъ образомъ различны между собою. Въ первомъ случаѣ каждый сейчасъ же видитъ, что различныя работы ставятся во взаимную связь обществомъ, которое заставляетъ работать одного для другаго и даетъ каждому его часть прямо въ продуктѣ труда другаго. Во второмъ случаѣ, каждый работаетъ, повидимому, лишь на себя и способъ, какимъ одинъ пріобрѣтаетъ продуктъ другаго, кажется вытекающимъ не изъ общественнаго характера труда, а изъ *особенностей самого продукта*. Тутъ кажется, что не гон-

---

племени на цѣлую іерархію классовъ, обособленную политическую власть, напримѣръ, короля, обладающаго монополіею торговли, какъ это бываетъ у марокканцевъ, малайцевъ, бирманцевъ. Но подобная организація имѣетъ такъ мало общаго съ первобытнымъ коммунизмомъ, что тутъ должна была тянуться цѣлая исторія, наполненная всяческими внѣшними и внутренними пертурбаціями, въ которой обмѣнъ былъ лишь между прочимъ, „въ числѣ драки“, какъ сказалъ бы современный беллетристъ.

Примѣч. редактора.

чаръ и земледѣлецъ работаютъ одинъ для другаго и что, слѣдовательно, не трудъ гончара, равно какъ и не трудъ земледѣльца необходимъ обществу, но что горшкамъ и полевымъ плодамъ присущи какія-то мистическія свойства, которыя вызываютъ обмѣнъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Отношенія лицъ между собою, какъ ихъ обуславливаетъ общественный характеръ труда, получаютъ, при господствѣ товарнаго производства, видъ отношеній вещей, а именно продуктовъ между собою. Пока производство было прямо—общественнымъ,оно подлежало опредѣленію и веденію самого общества, и отношенія производителей другъ къ другу были ясно видны. Но какъ скоро различные роды труда сдѣлались частными родами труда, которые стали вестись независимо одинъ отъ другаго, какъ скоро производство вслѣдствіе этого утеряло планомѣрность, отношенія производителей одного къ другому явились какъ отношенія продуктовъ. Съ этихъ поръ опредѣленіе взаимныхъ отношеній производителей перестало лежать въ этихъ послѣднихъ; эти отношенія развивались независимо отъ воли людей; общественныя силы переросли ихъ; онѣ явились наивному воззрѣнію прошлыхъ вѣковъ какъ божественныя силы, онѣ являются позднѣйшимъ „болѣе просвѣщеннымъ" вѣкамъ какъ силы природы.

Природнымъ формамъ товаровъ приписываются теперь свойства, которыя кажутся мистическими, покуда они не объяснены изъ отношеній производителей одного къ другому. Какъ фетишистъ присочиняетъ своему фетишу свойства, которыя не лежатъ въ его дѣйствительной природѣ, такъ буржуазному экономисту товаръ является чувственною вещью, одаренною сверхчувственными свойствами. Марксъ называетъ это „фетишизмомъ, который налипаетъ на продукты труда, какъ скоро они производятся какъ товары, и который слѣдовательно не отдѣлимъ отъ товарнаго производства."

Этотъ фетишный характеръ товара — и, какъ мы дальше увидимъ, капитала, — открылъ впервые Марксъ. Фетишизмъ-то и затрудняетъ пониманіе отличилеьт

ныхъ свойствъ товаровъ и дѣлаетъ его даже невозможнымъ, пока онъ не разъясненъ. Невозможно достигнуть полнаго пониманія товарной стимости, не сознавая ясно фетишнаго характера товара. Глава „о фетишномъ характерѣ товара и его тайнѣ“ представляется намъ поэтому одной изъ важнѣйшихъ главъ „Капитала“, которой каждый читатель этой книги обязанъ посвятить особенное вниманіе. А между тѣмъ какъ разъ эта глава почти вовсе не принимается въ разсчетъ противниками, да пожалуй и приверженцами марксовскихъ ученій.

---

2. Стоимость. Разъ мы уяснили себѣ фетишный характеръ товара, дальнѣйшее его изученіе представляетъ уже сравнительно незначительныя трудности.

Какъ мы уже видѣли, товаръ имѣетъ своею цѣлью обмѣнъ. Но этимъ обусловливается, что товаръ долженъ удовлетворять какую-либо человѣческую потребность — дѣйствительную ли или только воображаемую. Никто не будетъ обмѣнивать свой продуктъ на другой, если тотъ ему безполезенъ. Товаръ долженъ быть, слѣдовательно, полезною вещью, онъ долженъ обладать потребительною стоимостью. Потребительная стоимость предмета опредѣляется физическими свойствами тѣла товара. Потребительныя стоимости образуютъ вещественное содержаніе богатства, какова бы ни была его общественная форма. Потребительная стоимость не есть, слѣдовательно, особенное свойство одного лишь товара. Есть такія потребительныя стоимости, которыя отнюдь не представляютъ собой товаровъ, напр., какъ мы видѣли выше, продукты коммунистическаго общества; да, даже есть такія потребительныя стоимости, которыя нисколько не представляютъ собой продуктовъ труда, какъ напр., плоды въ первобытномъ лѣсу, вода въ рѣкѣ. Напротивъ того, нѣтъ ни одного товара, который бы не обладалъ потребительною стоимостью.

Какъ скоро потребительныя стоимости дѣлаются то-

варами, т. е. взаимно обмѣниваются, мы замѣчаемъ, что этотъ обмѣнъ постоянно совершается въ опредѣленномъ числовомъ отношеніи. Отношеніе, въ которомъ одинъ товаръ обмѣнивается на другой, называютъ мѣновою стоимостью. Это отношеніе можетъ измѣняться сообразно времени и мѣсту, но для опредѣленнаго мѣста и опредѣленнаго времени оно есть всетаки величина постоянная. Если мы обмѣниваемъ 20 локтей холста на 1 сюртукъ, и въ то же время 20 локтей холста на 40 фунтовъ кофе, то мы можемъ быть увѣрены, что и 1 сюртукъ, разъ дѣло дойдетъ до обмѣна, будетъ обмѣненъ на 40 фунтовъ кофе. Мѣновая стоимость сюртука имѣетъ совершенно иной видъ, когда я обмѣниваю его на холстъ, чѣмъ когда я обмѣниваю его на кофе. Но какъ бы различно ни выглядѣла мѣновая стоимость товара, въ основаніи ея въ опредѣленное время и на опредѣленномъ мѣстѣ лежитъ постоянно одинаковая сущность. Когда я говорю, что тѣло вѣситъ 16 килограммовъ или 32 фунта, или 1 русскій пудъ, то я знаю, что въ основаніи всѣхъ этихъ различныхъ выраженій лежитъ опредѣленная сущность, опредѣленная тяжесть тѣла. Точно также въ основаніи различныхъ выраженій мѣновой стоимости товара лежитъ опредѣленная сущность, и ее то мы называемъ стоимостью товара.

Здѣсь мы дошли до важнѣйшей, до основной категоріи политической экономіи, до категоріи, безъ которой не можетъ быть вѣрно понятъ механизмъ господствующаго нынѣ способа производства.

Что образуетъ стоимость товара? вотъ вопросъ, требующій отвѣта.

Возьмемъ два товара, напримѣръ, пшеницу и желѣзо. Каково бы ни было ихъ мѣновое отношеніе, оно всегда представимо при помощи математическаго уравненія, напримѣръ: 1 гектолитръ пшеницы = 2 центнерамъ желѣза. Но вѣдь это уже извѣстное положеніе, которому учатъ и въ народной школѣ, что математическія дѣйствія могутъ быть совершаемы только надъ однородными величинами; изъ 10 яблокъ я могу, наприм.,

вычесть 2 яблока, но не два орѣха. Поэтому въ товарахъ, пшеницѣ и желѣзѣ, должно быть нѣчто общее, что̀ дѣлаетъ возможнымъ ихъ сравненіе. Это-то какъ разъ и есть ихъ стоимость. Теперь, является-ли это „общее“ какимъ-нибудь природнымъ свойствомъ товаровъ? Какъ потребительныя стоимости они обмѣниваются лишь потому, что имѣютъ различныя, а не общія природныя свойства. Эти свойства образуютъ побудительное основаніе обмѣна, но не могутъ опредѣлять отношенія, въ которомъ этотъ обмѣнъ совершается.

Если оставить въ сторонѣ потребительную стоимость тѣла товаровъ, то у нихъ остается еще лишь одно свойство: быть продуктами труда.

Но оставляя въ сторонѣ потребительную стоимость продуктовъ, оставляютъ также и различныя опредѣленныя формы труда, который произвелъ эти продукты; тогда они не являются уже болѣе продуктами труда столяра или прядильщика и т. п., но лишь продуктами человѣческаго труда вообще. И, какъ таковые, они — стоимости.

Товаръ, слѣдовательно, имѣетъ стоимость только потому, что въ немъ овеществленъ человѣческій трудъ вообще. Какъ же теперь измѣрить величину его стоимости? Количествомъ заключеннаго въ немъ созидателя стоимости, количествомъ труда. Количество же труда имѣетъ въ свою очередь своимъ мѣриломъ время.

Могло бы казаться, что, разъ время, затраченное на приготовленіе товара, опредѣляетъ его стоимость, то чѣмъ лѣнивѣе и неискуснѣе человѣкъ, тѣмъ бо́льшую стоимость будетъ имѣть его товаръ. Но вѣдь здѣсь дѣло идетъ не объ индивидуальномъ, а объ общественномъ трудѣ. Припомнимъ себѣ, что товарное производство представляетъ систему различныхъ родовъ труда, которые хотя совершаются и независимо одинъ отъ отъ другаго, но все же въ извѣстной общественной связи. „Вся вмѣстѣ взятая рабочая сила общества, которая представляется въ стоимостяхъ міра товаровъ, считается здѣсь какъ одна и таже человѣческая рабочая сила, хотя она состоитъ изъ безчисленныхъ индивидуальныхъ

рабочихъ силъ. Каждая изъ этихъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ является той же самой человѣческой рабочей силой, какъ и всякая другая, поскольку она обладаетъ характеромъ средней, общественной рабочей силы и дѣйствуетъ какъ таковая средняя общественная рабочая сила, поскольку она, стало быть, употребляетъ на производство товара лишь средне-необходимое или общественно-необходимое рабочее время. Общественно-необходимое рабочее время есть рабочее время, требуемое на то, чтобы произвести какую-либо потребительную стоимость при существующихъ общественно-нормальныхъ условіяхъ производства и со средней общественной степенью искусства и интенсивности труда". Если измѣняется производительная сила труда, то измѣняется также общественно-необходимое рабочее время, — измѣняется и стоимость.

Время, которое необходимо для приготовленія извѣстнаго продукта, конечно, всегда при всякомъ способѣ производства должно имѣть важность для человѣка; равнымъ образомъ всегда, даже и при коммунистическихъ способахъ производства, оно должно имѣть вліяніе на величину отношенія, въ какомъ дѣйствуютъ совмѣстно различные роды труда.

Возьмемъ опять примѣръ коммунистической сельской общины Индусовъ. Пусть она употребляетъ двухъ кузнецовъ на изготовленіе своихъ земледѣльческихъ орудій. Пусть какое-нибудь открытіе повыситъ настолько производительность труда, что надобенъ лишь одинъ кузнецъ для изготовленія въ данное время потребныхъ земледѣльческихъ орудій. Теперь эту работу не поручатъ уже болѣе двумъ кузнецамъ, а одному; другаго же употребятъ, можетъ быть, на производство оружія или украшеній. Пусть, напротивъ, производительность полеваго труда остается той же самой. Должно затрачивать столько же рабочаго времени, какъ и прежде, чтобы удовлетворять, какъ прежде, потребность общины въ полевыхъ плодахъ.

Каждый членъ общины получитъ при этихъ обсто-

ятельствахъ такую же долю полевыхъ плодовъ, какъ и прежде, но теперь есть слѣдующая разница: производительность кузнечнаго труда удвоилась; на приготовленіе земледѣльческихъ орудій падаетъ теперь лишь одна доля изъ полевыхъ плодовъ, а не двѣ. Измѣненіе въ отношеніи между различными родами труда здѣсь очень просто и видно насквозь. Но оно становится мистическимъ, какъ скоро трудъ кузнеца и трудъ земледѣльца не дѣйствуютъ прямо одинъ въ связи съ другимъ, но приводятся во взаимное отношеніе лишь въ своихъ продуктахъ. Измѣненіе въ производительности кузнечнаго труда является тогда какъ измѣненіе въ мѣновомъ отношеніи продукта кузнечнаго труда къ другимъ продуктамъ, какъ измѣненіе стоимости этого продукта.

Уже Рикардо открылъ, что величина стоимости товара опредѣляется количествомъ затраченнаго на его производство труда. Но онъ не проникъ въ общественный характеръ труда, скрытый въ формѣ стоимости товара, т. е., не проникъ въ фетишизмъ товара. Столь же мало отдѣлялъ онъ — по крайней мѣрѣ отчетливо и съ полнымъ сознаніемъ — сторону труда, создающую мѣновую стоимость, отъ стороны, создающей потребительную стоимость. Мы уже выяснили фетишный характеръ товара. Послѣдуемъ теперь за Марксомъ въ его изученіи двойственнаго характера труда, заключеннаго въ товарахъ.

Товаръ явился намъ какъ потребительная стоимость и какъ стоимость мѣновая. Его вещество доставлено природой. Его стоимость создана трудомъ; но трудомъ же создана и его потребительная стоимость. Какимъ же образомъ трудъ создаетъ стоимость мѣновую и какимъ потребительную?

Съ одной стороны трудъ является для насъ производительнымъ расходованіемъ человѣческой рабочей силы вообще, съ другой стороны опредѣленной человѣческой дѣятельностью для достиженія какой-либо особенной цѣли. Первая сторона труда образуетъ собой общее свойство всякой производительной дѣятельности человѣка.

Вторая сторона различна при различныхъ производительныхъ дѣятельностяхъ. Если мы возьмемъ трудъ земледѣльческій и трудъ кузнеца, то имъ обоимъ обще то, что они представляютъ издержку человѣческой рабочей силы вообще. Но каждый изъ нихъ различенъ по своей цѣли, своему способу дѣйствія, своему предмету, своимъ средствамъ труда, своему результату.

Опредѣленная, цѣлесообразная человѣческая дѣятельность создаетъ потребительную стоимость. Ея различіе отъ другой создаетъ основаніе товарнаго производства. Товары обмѣниваются, лишь когда они различны; никто не станетъ обмѣнивать пшеницу на пшеницу или косы на косы. Потребительныя стоимости могутъ выступать одна противъ другой, какъ товары, лишь когда въ нихъ заключены квалитативно (качественно) различные полезные роды труда.

Но ,какъ стоимости (мѣновыя), товары различаются не квалитативно, а квантитативно (количественно). Они обмѣниваются потому что различны, какъ потребительныя стоимости; они сравниваются при обмѣнѣ и поставляются въ извѣстное отношеніе между собою потому, что равны какъ стоимости. Не трудъ, какъ опредѣленная цѣлесообразная дѣятельность со своими качественными различіями, можетъ создавать стоимость, а только трудъ съ его одинаковымъ для всѣхъ отраслей характеромъ, какъ издержка человѣческой рабочей силы вообще. Какъ такія издержки рабочей силы, различные роды труда, равно какъ и стоимости, различны не качественно, но лишь количественно. Это значитъ, что по отношенію къ образованію стоимости всякій трудъ разсматривается какъ простой средній трудъ, какъ расходованіе простой рабочей силы, которой обладаетъ средній человѣческій организмъ. Сложный трудъ является въ этомъ отношеніи только умноженнымъ простымъ трудомъ. Небольшое количество сложнаго труда приравнивается бо́льшему количеству простаго труда. Сообразно съ характеромъ товарнаго производства, процессъ, который устанавливаетъ отношенія одного къ

другому различныхъ родовъ труда, сводя ихъ къ труду простому, есть процессъ общественный, но въ тоже время безсознательный. Но для человѣка, коснѣющаго въ фетишизмѣ товарнаго міра, причины, которыя позволяютъ различнымъ родамъ сложнаго труда являться какъ умноженному простому труду, кажутся не общественными, а природными. Цѣлый рядъ мелко-буржуазныхъ соціалистовъ, которые желали „конституировать“ т. е. разъ навсегда утвердить стоимость для того, чтобы „очистить отъ плаковъ“ и увѣковѣчить товарное производство, — пытался установить эти мнимо-природныя причины и опредѣлить, для каждаго рода труда, въ какой мѣрѣ онъ создаетъ стоимость. (Срав. нормальный рабочій день Родбертуса.) Въ дѣйствительности эти причины — общественныя, непрерывно измѣняющіяся.[10])

Мало есть областей, въ которыхъ проявлялось бы столько ошибочныхъ взглядовъ, какъ въ области стоимости. Нѣкоторые изъ нихъ надлежащимъ образомъ разобралъ самъ Марксъ.

Одна ошибка именно очень легко совершается какъ приверженцами, такъ и противниками марксовскихъ теорій: это смѣшиваніе стоимости съ богатствомъ.

Въ уста Маркса очень часто вкладываютъ изреченіе „трудъ есть источникъ всякаго богатства“. Кто слѣдилъ за предъидущими разсужденіями, легко увидитъ, что это изреченіе стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ осно-

[10])Мало есть въ политической экономіи вещей, которыя бы были развиты съ такой логичностью, какъ теорія стоимости Маркса. До сихъ поръ эта теорія объясняетъ съ наибольшей легкостью наибольшее число экономическихъ явленій. Она выгодно отличается этимъ отъ безчисленныхъ другихъ опредѣленій стоимости, схватывающихъ эту и простую и трудную вещь въ какомъ нибудь одномъ моментѣ ея проявленія: ткъ одни отождествляютъ ее съ цѣной, другіе съ потребительными качествами предмета, третьи съ услугой, четвертые прямо съ чисто-субъективнымъ „мнѣніемъ“ и т. д. Я бы сказалъ даже, что теорія стоимости Маркса такъ же истинна, какъ кеплеровскій законъ движенія планетъ по эллипсамъ, если бы не находилъ,

вами марксовскихъ воззрѣній и предполагаетъ коснѣніе въ фетишизмѣ товарнаго міра. Стоимость есть историческая категорія, годная лишь для періода товарнаго производства; она есть общественное отношеніе. Богатство есть напротивъ нѣчто вещественное, оно слагается изъ потребительныхъ стоимостей. Богатство производится при всѣхъ способахъ производства: существуетъ богатство, доставляемое только природой, не содержащее въ себѣ нисколько труда, но нѣтъ богатства, которое возникло бы изъ одной только дѣятельности человѣческаго труда. „Трудъ“ говоритъ Марксъ „ есть не единственный источникъ произведенныхъ имъ стоимостей, вещественнаго богатства. Трудъ — его отецъ, какъ говоритъ William Petty, а земля его мать“.

что въ двухъ-трехъ пунктахъ она требуетъ еще разъясненія. Къ числу ихъ принадлежитъ именно вопросъ о сведеніи сложнаго труда на извѣстное (бо́льшее) количество труда простаго. Марксъ, нисколько не доказывая этого, прямо говоритъ, что это сведеніе есть процессъ общественный, происходящій за спиною производителей и представляющійся имъ поэтому какъ обычай. Тоже повторяетъ популяризаторъ. Рикардо говоритъ, что подобное приведеніе, напр. труда ювелира къ труду простаго рабочаго, совершается на рынкѣ съ достаточной точностью для практическихъ цѣлей, и разъ установившаяся лѣстница сравненія измѣняется лишь незначительно. Адамъ Смитъ видитъ въ этомъ сравненіи тоже не какую-нибудь обсолютно точную мѣру, а результатъ борьбы на рынкѣ между продавцемъ и покупателемъ, родъ грубой справедливости, годной для обыденныхъ сдѣлокъ. Трудность, по моему мнѣнію, заключается здѣсь въ томъ, что, оставаясь вѣрными духу марксовскаго ученія о стоимости, мы должны анализировать логически этотъ процессъ приведенія труда сложнаго къ труду простому совершенно помимо условій рынка. Въ самомъ дѣлѣ, нужно различать, по Марксу, между стоимостью, которая опредѣляется количествомъ общественно-необходимаго рабочаго времени, потраченнаго на предметъ, и цѣною, которая есть выраженіе рыночное, находящееся подъ давленіемъ спроса и предложенія и потому лишь тяготѣющее, но далек не всегда точно совпадающее со стоимостью. Точно также нужнй различать между разложеніемъ сложнаго труда на простой, коьо торое совершается на рынкѣ и выражается въ относител оно-

Съ возрастаніемъ производительности труда, возрастаетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, вещественное богатство страны; оно уменьшается съ уменьшеніемъ производительности. Сумма же существующихъ стоимостей можетъ одновременно остаться той же самой, если количество затраченнаго труда осталось то же. Благопріятная жатва увеличиваетъ богатство страны; сумма товарныхъ стоимостей, которую представляетъ эта жатва, можетъ быть той же, что и въ прошломъ году, если количество затраченнаго общественно-необходимаго труда осталось то же.

цѣнѣ продуктовъ простаго и сложнаго трудовъ, и между разложеніемъ извѣстнаго сложнаго труда на большее количество простаго, до рынка и независимо отъ рынка. Въ рыночной цѣнѣ выражается лишь тяготѣніе къ извѣстной опредѣленной величинѣ стоимости предмета. Въ рыночномъ отношеніи между продуктами сложнаго и простаго труловъ выражается лишь тяготѣніе къ той пропорціи, въ какой оба рода труда находятся сами по себѣ, независимо отъ рынка. Признаюсь, что рѣшить эту трудность я не въ силахъ; попробую, по крайней мѣрѣ, довести мое приближеніе къ вопросу до крайнихъ предѣловъ.

Представимъ себѣ для простоты товарное общество состоящимъ изъ непосредственныхъ частныхъ производителей, обмѣнивающихъ продукты на продукты, и при этомъ одинаково сильныхъ, одинаково обезпеченныхъ, одинаково пускающихъ въ ходъ при производствѣ лишь простой трудъ. Не трудно будетъ заключить, что послѣ нѣкоторыхъ колебаній наиболѣе устойчивой формой этого общежитія, наиболѣе естественной организаціей для независимыхъ участниковъ въ этомъ общественномъ раздѣленіи труда будетъ обмѣнъ продуктовъ, произведенныхъ равными количествами труда. Мы сказали „послѣ нѣкоторыхъ колебаній“, т. е. предположили извѣстныя фактическія рыночныя попытки перемѣстить продукты изъ рукъ въ руки причемъ каждый старался перехитрить и припадуть другаго. Но такъ какъ всѣ одинаково сильны физически, умственно и матеріально, то во избѣжаніе безполезныхъ препирательствъ каждый согласился „по совѣсти“ взять въ продуктѣ другаго столько же затраченнаго чужаго труда, сколько онъ самъ употребилъ на свой отдаваемый въ обмѣнъ продуктъ. Для слѣдующаго рыночнаго перемѣщенія установилась уже такимъ образомъ—независимо отъ того, какъ сложится новый рынокъ—вещь, называемая стоимостью, т. е. такое отношеніе людей при по-

Разъ Марксъ не сказалъ, что трудъ есть источникъ всякаго богатства, разъ это положеніе покоится на смѣшеніи потребительной стоимости со стоимостью товарной, тогда теряютъ значеніе и всѣ послѣдствія, связываемыя по отношенію къ Марксу съ этимъ положеніемъ. Но теперь ясно, какъ совершенно неоснова-

---

мощи продуктовъ, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ взаимной силѣ личностей даннаго общества.

Въ такое общество введемъ теперь производителей занимающихся сложнымъ трудомъ. Каково будетъ отношеніе обмѣна между представителями простаго труда и труда сложнаго? Для меня наиболѣе вѣроятнымъ представляется слѣдующій отвѣтъ: отношеніе стоимостей, заключенныхъ въ единицѣ времени труда простаго и въ единицѣ труда сложнаго, должно быть, при прочихъ равныхъ условіяхъ, прямо пропорціонально отношенію числа единицъ простаго труда, потраченнаго на воспитаніе простаго производителя, къ числу единицъ простаго же труда, потраченнаго на воспитаніе производителя высшаго рода. Иначе, у родителей не было бы побужденія, при общественномъ строѣ, предположенномъ нами, готовить дѣтей къ высшаго рода дѣятельности. При этомъ мы полагаемъ равнымъ общее число рабочихъ часовъ, доставленныхъ въ теченіе цѣлой жизни какимъ-нибудь поденьщикомъ съ одной стороны и ювелиромъ съ другой. Если на воспитаніе поденьщика было потрачено 10000 часовъ простаго труда, а на воспитаніе ювелира — 20000 часовъ, то при прочихъ равныхъ условіяхъ 1 часъ труда поденьщика долженъ такъ относиться къ часу труда ювелира, какъ 10000 : 20000, или равняться $^1/_2$ часа ювелира. Нисколько не претендуя на непогрѣшимость моей формулы, я полагаю, что она составляетъ хоть маленькій шагъ въ сложномъ вопросѣ. Мнѣ бы хотѣлось лишь предупредить нѣкоторыя возраженія и недоразумѣнія. Во первыхъ, я не говорю, чтобы существовало какое-нибудь постоянное отношеніе между числомъ единицъ труда, потраченнаго на воспитаніе новаго производителя, и тѣмъ числомъ единицъ труда, какое самъ онъ произведетъ въ теченіе своей рабочей жизни. Это отношеніе мѣняется сообразно техникѣ, природной обстановкѣ, привычкамъ и обычаямъ общества. Но въ данный моментъ природная и соціальная среда обусловливаетъ среднимъ числомъ упомянутое отношеніе и для простаго работника, и для работника высшаго разряда, хотя это отношеніе можетъ быть неодинаково для перваго, и для втораго. И вотъ здѣсь-то, вѣроятно, придется внести въ данную выше формулу нѣкоторый коэффиціентъ,

тельно многіе противники Маркса упрекали его въ томъ, что онъ просмотрѣлъ роль природы въ производствѣ. Но противники то эти дѣйствительно кой-что просмотрѣли, а именно: разницу между тѣломъ товара и представленнымъ при его посредствѣ общественнымъ отношеніемъ. „Какъ сильно нѣкоторая часть экономистовъ обманывается налипшимъ на товарный міръ фетишизмомъ, или предметною видимостью общественныхъ опредѣленій труда, доказываетъ между прочимъ скучно-нелѣпый споръ о роли природы въ образованіи мѣновой стоимости. Такъ какъ мѣновая стоимость есть извѣстная общественная манера выражать трудъ, употребленный на какую нибудь вещь, то она можетъ заключать въ себѣ не болѣе природнаго вещества, чѣмъ хотя бы вексельный курсъ“.

который тѣмъ въ большей степени повыситъ отношеніе между двумя родами труда, къ невыгодѣ простаго, чѣмъ меньше число часовъ привиллегированный работникъ отдаетъ обществу въ теченіе своей жизни по сравненію съ поденьщикомъ и т. д. Но пока я не рѣшаюсь идти далѣе. Во вторыхъ, я не говорю здѣсь о заработной платѣ, которую получаютъ оба сорта работниковъ въ капиталистическомъ обществѣ. Я говорю здѣсь не о „стоимости труда“, а о трудѣ, производящемъ стоимость, и для простоты я предполагаю, что каждый производитель есть лицо независимое и работающее лишь на себя. Въ третьихъ, я отбрасываю ту стоимость, какую въ единицу времени трудъ человѣка переноситъ съ инструментовъ на продуктъ, изнашивая мало-по-малу, но постоянно, орудіе труда. Способность сложнаго труда производить въ данный промежутокъ времени большія стоимости по сравненію съ простымъ трудомъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторую величину, которая можетъ часто объясняться большей дороговизной тонкихъ инструментовъ, употребляемыхъ при сложномъ трудѣ, ихъ скорымъ изнашиваніемъ и быстрымъ перенесеніемъ на продуктъ ихъ стоимости. Въ четвертыхъ, наконецъ, пусть не подумаетъ читатель, что я не замѣтилъ круга въ доказательствѣ, сводя человѣческій трудъ, затраченный при воспитаніи простаго работника и работника высшаго разряда, исключительно къ простому труду, когда именно требуется еще найти формулу этого приведенія. Этотъ кругъ кажущійся. Во всякомъ случаѣ, былъ въ развитіи общества такой моментъ,

Маркс, какъ видятъ, не „проглядѣлъ“ роли природы при производствѣ потребительныхъ стоимостей. Если онъ выключилъ ее изъ опредѣленія мѣновой стоимости, то это покоилось не на забывчивости, а произошло на основаніи взгляда на общественный характеръ товарнаго производства,— взгляда, какого до сихъ поръ не хватаетъ еще тѣмъ экономистамъ, которые выводятъ законы общества изъ состоянія безъ-общественности, изъ изолированнаго человѣка.

Дальнѣйшее довольно распространенное заблужденіе относительно марксовской теоріи стоимости состоитъ въ смѣшеніи стоимости-образующей силы труда со стоимостью рабочей силы. Должно строго отличать эти двѣ вещи. Трудъ, какъ источникъ стоимости, имѣетъ столь же мало стоимости, какъ тяжесть — вѣса, какъ теплота — температуры. Мы говорили до сихъ поръ лишь о стоимости, которую создаетъ простой или сложный трудъ, а не о стоимости, которой обладаетъ рабочая сила и которая находитъ свое выраженіе въ платѣ рабочему — носителю рабочей силы. До сихъ поръ мы

когда первый портной, сшивній скверный сюртукъ, былъ воспитанъ старшимъ поколѣніемъ, ходившимъ нагишемъ. Кромѣ того, чѣмъ далѣе мы подвигаемся назадъ, тѣмъ меньшее раздѣленіе труда встрѣчаемъ мы въ человѣческомъ обществѣ, тѣмъ число сложныхъ функцій, исполняемыхъ личностью, становится меньше и тѣмъ бо́льшую роль начинаютъ играть инстинктивныя, органическія дѣйствія, бѣганье, лазанье, хватанье, представляющія собой лишь видоизмѣненія простаго человѣческаго труда. Въ концѣ концовъ, мы можемъ представить себѣ такой моментъ, когда работникъ высшаго разряда былъ созданъ только благодаря тому, что его заставляли потреблять большее количество единицъ простаго труда по сравненію съ сотоварищами. Такъ, и только такъ мы можемъ представить себѣ отправный пунктъ для нашей формулы, которая пытается выяснить процессъ приведенія сложнаго труда къ простому независимо отъ рынка, подобно тому, какъ марксовская теорія стоимости развиваетъ это понятіе логически помимо и до рыночнаго движенія цѣнъ, этой эквилибристики стоимости на легко колеблющемся канатѣ спроса и предложенія.

Примѣч. редактора.

предполагаемъ лишь простое товарно производство и простой товарный обмѣнъ. Рабочая сила, какъ товаръ, для насъ еще не существуетъ.

О человѣческой рабочей силѣ и объ ея стоимости мы будемъ говорить подробнѣе еще ниже. Здѣсь же удовольствуемся этимъ легкимъ указаніемъ, чтобъ предостеречь отъ заблужденія.

Большая часть возраженій противъ марксовской теоріи стоимости покоится именно на такихъ заблужденіяхъ, если только они не опровергаютъ положеній, которыхъ Марксъ никогда не выставлялъ, или не являются лишь голыми заподазриваніями, какъ, напр., излюбленный упрекъ Марксу въ догматизмѣ.

Чтобы предостеречь себя отъ такого ошибочнаго пониманія, должно постоянно имѣть передъ глазами характеръ какого-угодно закона, какимъ является и законъ стоимости.

Всякій законъ, естественно-научный или общественный, есть попытка объяснить явленіе въ природѣ или обществѣ. Но едвали хоть одно изъ этихъ явленій обусловливается какою либо единственной причиной. Въ основаніи различныхъ явленій лежатъ самыя разнообразныя и самыя сложныя причины, и сами эти явленія совершаются не независимо другъ отъ друга, а перекрещиваются въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Поэтому изслѣдователь взаимной связи между явленіями въ природѣ или обществѣ имѣетъ двойную задачу. Онъ долженъ, во первыхъ, отдѣлить другъ отъ друга различныя явленія, изолировать ихъ; онъ долженъ, во вторыхъ, отдѣлить причины, лежащія въ основаніи этихъ явленій, одну отъ другой, и при томъ существенныя отъ несущественныхъ, правильно совершающіяся отъ случайныхъ. Оба рода изслѣдованія возможны лишь при помощи абстракціи. Естествоиспытатель опирается при этомъ на цѣлый рядъ безконечно усовершенствованныхъ инструментовъ и методовъ наблюденія и опыта. Изслѣдователь общественныхъ законовъ долженъ отъ послѣднихъ совершенно отказаться, а по отношенію къ первымъ

довольствоваться очень несовершенными вспомогательными средствами.

Путемъ абстракціи изслѣдователь достигаетъ до пониманія закона, лежащаго въ основаніи явленій, которыя онъ желаетъ объяснить. Безъ этого знанія закона данныя явленія не могутъ быть объяснены; но одного этого закона никоимъ образомъ не достаточно, чтобы объяснить эти явленія вполнѣ. Одна причина можетъ быть ослаблена другой, да даже вполнѣ уничтожена въ своем дѣйствіи; однако было бы совершенно ложно заключить изъ одного такого случая, что причина вообще не существуетъ. Законы, напримѣръ, паденія имѣютъ значеніе лишь въ безвоздушномъ пространствѣ: здѣсь кусокъ свинца и перо падаютъ на землю одинаково быстро. Въ пространствѣ, наполненномъ воздухомъ, результатъ — иной, вслѣдствіе сопротивленія воздуха. Несмотря на это законъ паденія вѣренъ.

Также и со стоимостью. Какъ скоро товарное производство сдѣлалось господствующей формой производства, участникамъ въ этомъ производствѣ должна была броситься въ глаза законосообразность товарныхъ цѣнъ и привести къ тому, что люди стали пытаться изучить причины, лежащія въ ея основаніи. Изслѣдованіе товарныхъ цѣнъ привело къ опредѣленію величины стоимости. Но точно такъ же, какъ сила тяжести не есть единственная опредѣляющая причина явленій паденія, точно также стоимость товара не есть единственная причина его цѣны. Марксъ самъ указываетъ на то, что существуютъ товары, цѣна которыхъ не только временно, но и постоянно можетъ стоять ниже ихъ стоимости. Такъ, напримѣръ, золото и алмазы еще никогда, вѣроятно, не оплачивались по своей полной стоимости Точно также товаръ — рабочая сила можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ долго оплачиваться ниже своей стоимости.[11])

[11])Все сказанное Каутскимъ какъ разъ бьетъ въ точку по отношенію къ тѣмъ буржуазнымъ экономистамъ и про-

Большая часть возраженій противъ марксовской теоріи стоимости покоится на смѣшеніи цѣны со стоимостью. Но объ эти вещи должны быть строго отличаемы другъ отъ друга.

Нужно также постоянно имѣть въ виду историческій характеръ марксовской теоріи стоимости. Она должна составлять основаніе лишь для объясненія явленій товарнаго производства. Но со всѣхъ сторонъ, даже и теперь еще, въ этотъ способъ производства вдаются остатки другихъ способовъ. Такъ, въ крестьянскомъ обиходѣ жизненныя средства, а также многія орудія и одежда приготовляются часто не какъ товары,

---

стымъ дѣльцамъ, которые никакъ не могутъ понять значенія обобщающихъ формулъ, среднихъ выводовъ и вообще того, что называется «закономъ явленія». Мнѣ хотѣлось бы подчеркнуть лишь одну сторону вопроса, оставленную авторомъ нѣсколько въ тѣни. Законъ существуетъ не въ природѣ, а въ головѣ человѣка; онъ есть такая формула, которая въ данный моментъ наиболѣе удачно выражаетъ связь явленій во времени и пространствѣ. Ошибочно было бы думать, что въ естественномъ законѣ есть элементъ внѣшней принудительности, который, такъ сказать, тащитъ за шиворотъ одно явленіе за другимъ. Законъ наоборотъ должень выражаться въ извѣстной формулѣ, которая наиболѣе естественно, т. е., наименѣе пригибая факты, вноситъ порядокъ въ смѣну и связь явленій. Планеты обращались вокругъ солнца прежде, чѣмъ Кеплеръ подыскалъ ихъ разнообразнымъ перемѣщеніямъ въ пространствѣ извѣстный законъ движенія по эллипсисамъ. Съ другой стороны, и старинная теорія эпицикловъ, несмотря на всю свою сложность и запутанность, давала извѣстную формулу для объясненія явленій, которыя совершались въ извѣстной послѣдовательности на небѣ. Наконецъ, строго говоря, планеты обращаются не по эллипсисамъ, а по нѣкоторымъ кривымъ, которыя приближаются къ эллипсису. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы законъ Кеплера уступилъ мѣсто новому болѣе удачному выраженію. Но планеты будутъ, конечно, обращаться по прежнему. Слѣдуетъ ли однако изъ этого, что законъ Кеплера невѣренъ для данной эпохи? Попробуйте построить иной, попробуйте остаться при прежней теоріи эпицикловъ, и вы сейчасъ же наткнетесь на противорѣчія, которыя указываются теперь на первыхъ страницахъ любаго курса космографіи. Законъ стоимости Маркса есть подобная же формула, подобранная для объясненія движеній стоимостей въ капиталистическомъ обществѣ. Существовали и теперь еще существуютъ другія теоріи стоимости, объясняющія

т. е. на продажу, но на собственное употребленіе. Если при подобныхъ обстоятельствахъ и обнаруживаются явленія, которыя, повидимому, стоятъ въ противорѣчіи съ теоріей стоимости, то, конечно, они нисколько не говорятъ противъ нея.

Но прежде всего, какъ уже сказано, слѣдуетъ не ослѣпляться фетишнымъ характеромъ товара, не принимать общественныя отношенія, которыя находятъ свое выраженіе въ тѣлѣ товара, за его природныя свойства. Если никогда не упускаютъ изъ виду, что товарное производство есть видъ общественнаго производства, при которомъ люди производятъ другъ для друга, хотя и не вмѣстѣ другъ съ другомъ, и что стоимость товаровъ представляетъ не отношеніе в е щ е й, но скрытое подъ вещественною оболочкою отношеніе л ю д е й другъ

худо ли или хорошо мѣновыя отношенія товаровъ. Съ другой стороны, и на законъ Маркса нельзя смотрѣть какъ на окончательную формулу. А между тѣмъ стоимости будутъ обмѣниваться, принятъ ли за объясненіе законъ Маркса или какая-нибудь иная теорія. Попробуйте однако внести извѣстный порядокъ въ пестрый міръ мѣновыхъ отношеній, и вы убѣдитесь, что формула Маркса, для насъ, людей XIX вѣка, есть наиболѣе удачное выраженіе этихъ отношеній, что она объясняетъ наибольшее число фактовъ наиболѣе естественно и удачно разрѣшаетъ такія противорѣчія, которыя осуждали на гибель цѣлую массу прежнихъ экономическихъ теорій стоимости. Надѣюсь, что всѣмъ намъ, держащимся за экономическія доктрины Маркса, нечего претендовать для теоріи стоимости Маркса на большее значеніе, чѣмъ какое астрономы придаютъ Кеплеровскому закону. Но тогда мы имѣемъ полное право прикладывать ее къ нормальному ходу капиталистическаго общества, хотя бы она и заключала нѣкоторые пробѣлы, точно такъ же, какъ астрономъ не откажется прикладывать къ движенію Марса или Юпитера законы Кеплера потому только, что есть такія кометы, путь которыхъ, не укладываясь въ форму этихъ законовъ, требуетъ формулы гораздо болѣе сложной. Теорія стоимости Маркса, хотя логически развиваемая внѣ и до условій рынка, есть какъ ни какъ формула мѣновыхъ отношеній, ни больше, ни меньше. Но другой, болѣе удачной формулы, до сихъ поръ не существуетъ, и мы должны держаться за нее, чтобъ осмыслить міръ мѣновыхъ, повидимому случайныхъ явленій, а отнюдь не возводить случай въ формулу, какъ это дѣлаютъ буржуазные экономисты.

Прим. редактора.

къ другу, тогда узнаютъ, какъ слѣдуетъ понимать марксовское положеніе, составляющее основаніе изслѣдованій „Капитала“. Только количество общественно-необходимаго труда или общественно необходимое рабочее время для созданія какой нибудь потребительной стоимости опредѣляетъ величину ея стоимости.

3. Мѣновая стоимость. Величина стоимости какого нибудь товара опредѣляется общественно необходимымъ для его созданія рабочимъ временемъ. Но величина стоимости выражается не въ этихъ терминахъ. Не говорятъ: „этотъ сюртукъ стоитъ 40 рабочихъ часовъ“, а говорятъ: „онъ стоитъ столько же, сколько 20 локтей холста или 10 граммовъ золота“. Сюртукъ, разсматриваемый самъ по себѣ, еще не есть товаръ; онъ становится таковымъ, лишь когда я хочу его обмѣнять. Поэтому и стоимость товара не обнаруживается, если я не сравниваю его съ какимъ нибудь другимъ, на который я задумываю обмѣнять первый. Величина стоимости товара опредѣляется конечно количествомъ общественно-необходимаго для его созданія труда; но выражается она при помощи отношенія къ величинѣ стоимости одного или нѣсколькихъ другихъ товаровъ, при помощи своего мѣноваго отношенія. Буржуазная политическая экономія часто однако принимаетъ, что именно мѣновое отношеніе товара опредѣляетъ его величину стоимости.

Примѣръ уяснитъ намъ нелѣпость этого воззрѣнія. Возьмемъ голову сахару. Вѣсъ ея данъ заранѣе, но выразить его я могу только черезъ сравненіе съ вѣсомъ какого нибудь другаго тѣла, напримѣръ желѣза. Я кладу голову сахару на одну чашку вѣсовъ, а на другую — соотвѣтствующее число кусковъ желѣза каждый опредѣленнаго вѣса, который мы называемъ, напр. фун-

томъ. Число кусковъ желѣза позволяетъ намъ узнать вѣсъ сахара; но было бы глупо утверждать, что сахаръ вѣситъ 10 фунтовъ потому, что я положилъ 10 фунтовиковъ на другую чашку вѣсовъ. Скорѣе я долженъ былъ положить на чашку вѣсовъ десять такихъ гирь потому, что сахаръ вѣситъ 10 фунтовъ. Здѣсь это отношеніе вещей ясно. Но точно также обстоитъ дѣло съ величиной стоимости и формой стоимости.

Выраженіе вѣса тѣла представляетъ нѣкоторое сходство съ выраженіемъ стоимости товара, т. е. съ формой, въ которой мы выражаемъ величину его стоимости. Голова сахару вѣситъ 10 фунтовъ — это значитъ собственно, говоря строго, если мы продолжимъ наше сравненіе, что голова сахару вѣситъ столько же, сколько десять опредѣленныхъ кусковъ желѣза; подобно тому мы можемъ сказать о сюртукѣ, что онъ стоитъ столько же, сколько 20 локтей холста. Мы не могли бы поставить желѣзо и сахаръ въ извѣстное отношеніе одно къ другому какъ тѣла, еслибъ имъ не было обще одно природное свойство: тяжесть; точно также не могли бы мы привести въ отношеніе сюртукъ и холстъ одинъ къ другому какъ товары, еслибъ они не обладали однимъ общимъ общественымъ свойствомъ: быть продуктомъ общечеловѣческаго труда, — стоимостями.

Желѣзо и сахаръ играютъ въ первомъ уравненіи двѣ различныя роли: 1 голова сахару вѣситъ столько же, сколько 10 фун. желѣза. Сахаръ выступаетъ здѣсь какъ сахаръ, но желѣзо не какъ желѣзо, а какъ воплощеніе тяжести, какъ форма ея проявленія. Въ этомъ уравненіи мы оставляемъ въ сторонѣ не особенныя тѣлесныя свойства сахара, но тѣлесныя свойства желѣза. Подобное же явленіе представляетъ намъ уравненіе: 1 сюртукъ — 20 локтямъ холста. Какъ сюртукъ такъ и холстъ, оба суть товары, слѣдовательно потребительныя стоимости и стоимости (мѣновыя). Но въ формѣ стоимости, въ мѣновомъ отношеніи сюртукъ

выступаетъ лишь какъ потребительная стоимость, холстъ напротивъ лишь какъ форма проявленія стоимости.

Я могу опредѣлить вѣсъ сахара не однѣми желѣзными гирями, но также мѣдными, свинцовыми и проч. Такъ и стоимость сюртука я могу выразить не только въ холстѣ, но и во всякомъ другомъ товарѣ. Въ уравненіи, 1 сюртукъ — 20 локтямъ холста я совершенно оставляю поэтому въ сторонѣ особенную природную форму холста; онъ имѣетъ значеніе въ этомъ уравненіи, какъ уже сказано, лишь какъ стоимость, какъ воплощеніе общечеловѣческаго труда. Холстъ становится формой проявленія стоимости сюртука въ противоположность тѣлу сюртука. Присущая сюртуку, какъ и всякому другому товару, противуположность потребительной стоимости и товарной стоимости — отражается и въ выраженіи стоимости, внутри котораго тѣлесная форма его какъ сюртука, имѣетъ значеніе лишь какъ внѣшній видъ потребительной стоимости, тѣлесная же форма товара холста — лишь какъ внѣшній видъ товарной стоимости, какъ форма стоимости.

Но всетаки потребительная стоимость товара, въ которомъ выражается стоимость другаго товара (Марксъ называетъ его эквивалентомъ), не безразлична. Оба товара должны имѣть различную потребительную стоимость, они должны быть различны. Уравненіе 1 сюртукъ — 1 сюртуку — безсмысленно. Я могу выразить стоимость сюртука не только въ холстѣ, а и во всякомъ другомъ, отличномъ отъ него, товарѣ. Но я могу также перевернуть уравненіе и выразить стоимость холста, какъ и всякаго другаго товара, въ сюртукахъ. Я могу построить уравненіе:

1 сюртукъ — { 20 локтямъ холста
10 фунтамъ чаю
40 фунтамъ кофе
5 центнерамъ желѣза
2 шефелямъ пшеницы
и т. д.

Но я могу также перевернуть это уравненіе и сказать:

{ 20 локтей холста
10 фунтовъ чаю
40 фунтовъ кофе
5 центнеровъ желѣза
2 шефеля пшеницы
и т. д. } — 1 сюртуку

Оба уравненія, повидимому, говорятъ то же самое: они говорятъ то же самое, разсматриваемыя только какъ математическія уравненія; какъ различныя выраженія формъ стоимости, они имѣютъ однако логически и исторически разное значеніе.

При началѣ товарнаго производства продукты обмѣнивались лишь то тамъ, то сямъ, временно и случайно. Этотъ періодъ можетъ быть изображенъ простымъ уравненіемъ стоимости, въ которомъ какой нибудь товаръ ставится въ извѣстное отношеніе только къ единственному другому товару, напримѣръ 1 бронзовый молотокъ — 20 фунтамъ каменной соли; эту форму Марксъ называетъ простой или единичной формой стоимости. Какъ скоро напротивъ продуктъ труда, напр, скотъ, уже не исключительнымъ образомъ, а обычно обмѣнивается на другіе продукты труда, выраженіе стоимости принимаетъ форму перваго изъ двухъ только что приведенныхъ уравненій, какъ напр.:

1 корова — 2 рабамъ
1 мечу
1 поясу
10 сандаліямъ
3 кубкамъ
и т. д.

Эту форму стоимости, примѣры которой мы находимъ еще у Гомера, Марксъ называетъ полной или развернутой формой стоимости.

Но товарное производство развивается еще далѣе. Растетъ число продуктовъ труда, приготовляемыхъ для обмѣна, слѣдовательно какъ товары, и обычный обмѣнъ простирается все на бо́льшее количество самыхъ различныхъ товаровъ. Не только скотъ, теперь обмѣниваютъ обычно и мечи, пояса, кубки и т. д. Самый ходячій изъ этихъ товаровъ, напримѣръ скотъ, становится такимъ товаромъ, въ которомъ, пока онъ является единственнымъ, наичаще выражаются стоимости товаровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы достигли того пункта, когда вступаетъ въ дѣйствіе вторая изъ вышеприведенныхъ формулъ, а именно: всеобщая форма стоимости.

Разсмотримъ теперь ближе эквивалентную форму въ этомъ уравненіи. Какъ мы уже видѣли выше, эквивалентная форма является воплощеніемъ человѣческаго труда вообще. Но въ прежнихъ формахъ выраженія товаръ являлся въ этомъ видѣ лишь случайно и преходящимъ образомъ. Въ уравненіи: 1 сюртукъ —20 локтямъ холста, холстъ имѣетъ значеніе, разумѣется, лишь какъ форма проявленія стоимости. Но если 20 локтей холста приравниваются 1 шефелю пшеницы или 1 сюртуку, то теперь уже воплощеніемъ общечеловѣческаго труда выступаетъ пшеница или сюртукъ, между тѣмъ какъ холстъ фигурируетъ какъ потребительная стоимость. Иначе при всеобщей формѣ стоимости. Тутъ одинъ единственный товаръ служитъ эквивалентомъ; товаръ этотъ — общій эквивалентъ. Онъ, какъ и всѣ другіе товары, послѣ какъ и прежде пред-

ставляетъ потребительную стоимость и товарную стоимость. Но всѣ другіе товары выступаютъ теперь по отношенію къ нему повидимому только какъ потребительныя стоимости, самъ же онъ имѣетъ значеніе какъ всеобщая и единственная форма проявленія стоимости, какъ всеобщее общественное воплощеніе человѣческаго труда вообще. Онъ теперь такой товаръ, который непосредственно обмѣниваемъ на всѣ двугіе товары и который поэтому всякій беретъ. Съ другой стороны, всѣ другіе товары теряютъ черезъ это способность и возможность непосредственно обмѣниваться другъ на друга. Каждый обмѣнъ двухъ товаровъ можетъ теперь происходить только при посредствѣ всеобщаго эквивалента, въ которомъ отражаются всѣ другія товарныя стоимости.

---

4. Обмѣнъ товаровъ. Долженъ ли произойти обмѣнъ товаровъ, для этого необходимо наступленіе двухъ условій: 1. Идущіе въ обмѣнъ товары должны быть потребительными стоимостями для тѣхъ, которые ими не владѣютъ, и не быть потребительными стоимостями для своихъ владѣльцевъ. 2. Приступающіе къ обмѣну должны взаимно признавать другъ друга частными собственниками идущихъ въ обмѣнъ товаровъ. Правовое отношеніе частной собственности есть лишь зеркало волевыхъ отношеній обмѣнивающихся лицъ, отношеній, которыя обусловливаются экономическими отношеніями. Люди не принялись обмѣнивать товары потому, что увидѣли другъ въ другѣ частныхъ собственниковъ отчуждаемыхъ вещей но наоборотъ, они начали взаимно признавать себя частными собственниками, когда имъ пришлось обмѣнивать другъ съ другомъ товары.

Самая первоначальная форма, въ которой продуктъ труда перестаетъ быть потребительной стоимостью для своего владѣльца, и, слѣдовательно, первая форма товара

есть форма излишка продуктовъ труда надъ потребностями ихъ владѣльца. Эти продукты не производятся еще заранѣе для обмѣна, но для собственнаго употребленія. Они только чрезъ обмѣнъ становятся товарами.

Что касается втораго, пункта взаимнаго признанія владѣльцами отчуждаемыхъ вещей за частныхъ собственниковъ этихъ послѣднихъ, то такое признаніе возможно лишь тамъ, гдѣ выступаютъ одна противъ другой независимыя между собой личности. „Подобное отношеніе взаимной чужести не существуетъ однако для членовъ естественно-возросшей общины, имѣетъ-ли она форму патріархальной семьи, древней общины Индусовъ, или государства Инковъ и т. п. Обмѣнъ товаровъ начинается тамъ, гдѣ кончаются общины, въ пунктахъ ихъ соприкосновенія съ чужими общинами или съ членами чужихъ общинъ. Но какъ скоро вещи становятся товарами во внѣшней жизни общины, они становятся ими съ теченіемъ времени путемъ отраженія и во внутренней.[12])

---

[12]) Здѣсь намъ придется повторить, что мы уже раньше сказали въ одномъ изъ примѣчаній. Марксъ бросилъ мысль о разложеніи общины путемъ обмѣна мимоходомъ, не развивши ея, къ сожалѣнію, съ той замѣчательной логикой и эрудиціей, которая характеризуетъ этого мыслителя. Его ученики не попробовали разъяснить этого, очевидно, долгаго и сложнаго процесса. Единственной попыткой является до сихъ поръ, если не ошибаемся, богатая матеріаломъ книга нашего соотечественника Зибера, изданная въ 1883 г. подъ заглавіемъ «Очерки первобытной экономической культуры». Но какъ разъ въ спеціальной главѣ объ обмѣнѣ (глава IX) мы натыкаемся тамъ на такое изложеніе генезиса обмѣна, которое представляетъ вопросъ далеко не въ чистомъ видѣ, а осложненнымъ сильными междуплеменными столкновеніями: «Торговлѣ между различными племенами долженъ былъ предшествовать взаимный грабежъ, служившій, вѣроятно, первоначальнымъ способомъ ознакомленія съ продуктами сосѣдей. Только долговременная взаимная борьба могла научить дикарей прибѣгать для удовлетворенія взаимныхъ потребностей къ обмѣну на нейтральной почвѣ, вслѣдствіи чего этотъ послѣдній долговременно сохраняетъ слѣды своего враждебнаго происхожденія и т. д.» (стр. 374). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 143) авторъ говоритъ даже, что «взаимный грабежъ порождаетъ обмѣнъ».

При началѣ обмѣна величина стоимости и форма стоимости являются еще очень мало развитыми. Отношеніе величинъ или количествъ, въ которомъ обмѣниваются продукты, еще случайно и чрезвычайно подвержено колебаніямъ. Но обмѣнъ продуктовъ дѣлается все болѣе и болѣе правильнымъ общественнымъ явленіемъ. Начинаютъ обмѣнивать не только излишекъ потребительныхъ стоимостей надъ собственными потребностями, но и производить потребительныя стоимости собственно съ цѣлію обмѣна. Вмѣстѣ съ тѣмъ отношеніе, въ которомъ онѣ обмѣниваются, становится все болѣе и болѣе зависимо отъ условій ихъ производства. Величина стоимости товара начинаетъ становиться величиною, опредѣляемой необходимымъ, для его произведенія, рабочимъ временемъ.

Но какъ скоро продукты труда производятся собственно для обмѣна, то должно ясно выступить наружу и дремлющее въ природѣ товара противорѣчіе потребительной стоимости и стоимости.

Это присущее всякому товару противорѣчіе находитъ, какъ мы знаемъ, свое выраженіе въ формѣ стоимости. Въ выраженіи 20 локтей холста = 1 сюртуку самъ холстъ говоритъ намъ, что онъ и потребительная стоимость (холстъ) и стоимость (равенъ сюртуку). Но въ простой формѣ стоимости еще трудно закрѣпить это противорѣчіе, такъ какъ товаръ, служащій здѣсь эквивалентомъ, воплощеніемъ человѣческаго труда вообще, принимаетъ эту роль лишь преходящимъ образомъ. Въ развернутой формѣ стоимости противорѣчіе это выступаетъ уже явственнѣе, такъкакъ теперь эквивалентами служатъ и могутъ служить уже нѣсколько товаровъ, пото-

---

Но вѣдь это означаетъ, что первоначальная община должна была подвергаться такимъ соціальнымъ и политическимъ катастрофамъ, что въ ея разложеніи обмѣнъ былъ далеко не единственнымъ элементомъ. Вообще, по моему мнѣнію, этотъ вопросъ еще ждетъ изслѣдователей.

Прим. редактора.

му что имъ обще нѣчто одно: свойство продуктовъ труда или стоимостей.

Но чѣмъ болѣе развивается обмѣнъ товаровъ, чѣмъ болѣе продукты дѣлаются товарами, тѣмъ необходимѣе дѣлается одинъ общій эквивалентъ. При началѣ обмѣна всякій мѣняетъ то, въ чемъ онъ не нуждается, непосредственно на то, въ чемъ онъ нуждается. Это становится тѣмъ все труднѣе и труднѣе, чѣмъ болѣе товарное производство становится всеобщей формой общественнаго производства. Положимъ, напримѣръ, что товарное производство развилось уже такъ далеко, что занятія портнаго, пекаря, мясника, столяра образуютъ самостоятельные промыслы. Портной отчуждаетъ сюртукъ столяру. Для портнаго сюртукъ не есть потребительная стоимость, для столяра онъ—потребительная стоимость. Но портной не нуждается въ столярныхъ издѣліяхъ. Онъ обладаетъ уже достаточнымъ количествомъ мебели. Стулья и столы не составляютъ потребительной стоимости для портнаго, но не болѣе и для самаго столяра. Съ другой стороны, портной нуждается въ хлѣбѣ пекаря въ мясѣ мясника, ибо прошли уже тѣ времена, когда онъ дома и пекъ хлѣбъ и откармливалъ свиней. Мясо и хлѣбъ, которыя надобны портному, не составляютъ потребительныхъ стоимостей для мясника и пекаря, но мясникъ и пекарь не нуждаются въ данный моментъ въ сюртукѣ; портному грозитъ такимъ образомъ опасность умереть съ голоду, несмотря на то, что онъ нашелъ покупщика на сюртукъ. Въ чемъ онъ нуждается, такъ это въ товарѣ, который служилъ бы всеобщимъ эквивалентомъ, который, какъ непосредственное воплощеніе стоимости, имѣлъ бы всегда и для каждаго потребительную стоимость.

То же развитіе, которое дѣлаетъ необходимымъ этотъ эквивалентъ, ведетъ за собой и его возникновеніе. Какъ скоро различные товаровладѣльцы стали обмѣниваться различными товарами, то долженъ былъ наступить случай, что нѣкоторые изъ послѣднихъ были

сравнены, какъ стоимости, съ однимъ общимъ родомъ товара, что для нихъ нашелся такимъ образомъ одинъ общій эквивалентъ. Сначала какой нибудь товаръ служилъ таковымъ лишь преходящимъ образомъ и случайно. Но какъ скоро явилось выгоднымъ, чтобы одинъ особый товаръ принялъ всеобщую эквивалентную форму, все болѣе и болѣе должно было закрѣпляться соединеніе эквивалентной формы съ этимъ товаромъ. Къ какому роду товара прилипла эквивалентная форма, это было опредѣлено самыми различными обстоятельствами. Но окончательно-то монополію служить всеобщей эквивалентной формой пріобрѣли благородные металлы, которые сдѣлались деньгами. Отчасти на это могло повліять то, что украшенія и матеріалы для украшеній были съ самаго начала важными статьями обмѣна; но главнымъ образомъ для этого было рѣшающимъ обстоятельствомъ то, что природныя качества золота и серебра соотвѣтствуютъ общественнымъ функціямъ (отправленіямъ), которыя долженъ совершать общій эквивалентъ. Укажемъ здѣсь лишь на тѣ два обстоятельства, что благородные металлы всегда одинаковаго качества и не измѣняются въ воздухѣ и водѣ — слѣдовательно съ практической точки зрѣнія неизмѣнны — и что они по произволу могутъ быть раздробляемы и составляемы. Они поэтому идутъ очень хорошо для воплощенія безразличнаго общечеловѣческаго труда, для представленія величины стоимости, различія которыхъ являются лишь различіями количественными (квантитативными), а не качественными (квалитативными) [13]).

---

13) Способность дѣлиться на части или слагаться изъ одинаковыхъ единицъ и вообще подлежать количественному измѣренію при извѣстной однородности частей принадлежитъ, конечно, не однимъ благороднымъ металламъ. Все, что въ большей или меньшей степени удовлетворяетъ этому требованію, употребляется среди низшихъ племенъ какъ монета. Такъ капитанъ Бриджъ говоритъ о жителяхъ архипелага Бисмарка (прежней Новой Бретани): «Они имѣютъ интересный сортъ денегъ, называемый dapatta, состоящій изъ малень-

Золото и серебро могли пріобрѣсть монополію служить всеобщимъ эквивалентомъ лишь потому, что они выступали по отношенію къ другимъ товарамъ, какъ товары. Они могли сдѣлаться деньгами лишь потому, что были товарами. Деньги не изобрѣтеніе одного или нѣсколькихъ лицъ, но и не простой знакъ стоимости. Стоимость денегъ и ихъ опредѣленныя общественныя функціи не суть нѣчто произвольно созданное. Благородные металлы стали денежнымъ товаромъ, благодаря роли, которую они, какъ товары, играли при процессѣ обмѣна.

.....

кихъ раковинъ, продѣтыхъ и нанизанныхъ на фибры одного растенія. Счетъ имъ ведется на длину (it is counted by mean of length) (Cruises in Melanesia, Micronesia and Western Polinesia etc. by Captain Cyprian Bridge; Proceed. of Royal Geogr. Soc., Лондонъ, 1886, № 9, p. 552). Штолль, путешественникъ по центральной Америкѣ, съ своей стороны сообщаетъ: «Бобы какао служили монетой въ до-испанскія времена, да и теперь еще индѣйцы во многихъ мѣстностяхъ часто употребляютъ ихъ какъ мелкую монету при незначительныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, при чемъ обыкновенно 16 бобовъ считаются за Cuartillo (¼ Real = 16 сантимовъ). Восемь бобовъ носятъ названіе «Racion» (Stoll, Guatemala. Reisen und Schilderungen aus den Jahren 1878 bis 1883). Въ сѣверной Монголіи роль денегъ играютъ плитки кирпичнаго чаю разныхъ размѣровъ, и за богатымъ монголомъ, ѣдущимъ на рынокъ, вѣчно тянется телѣжка со съѣдобной монетой, которая доказываетъ, какъ нельзя лучше, что деньги не только знакъ стоимости, но и товаръ. Замѣтимъ, что такихъ примѣровъ, если бы мы хотѣли, можно набрать сотнями.

Прим. редактора.

Глава вторая

ДЕНЬГИ.

Цѣна. Главная функція денегъ состоитъ въ томъ, чтобы служить мѣриломъ стоимости и доставлять товарному міру матеріалъ, въ которомъ выражается стоимость.

Товары становятся однородными и сравнимыми между собою не черезъ деньги; но именно потому, что они какъ стоимости представляютъ овеществленный человѣческій трудъ, и, стало быть, однородны уже сами по себѣ, они могутъ всѣ вообще измѣряться однимъ и тѣмъ же опредѣленнымъ товаромъ, который они превращаютъ въ силу этого въ ихъ общее мѣрило стоимости или въ деньги. Деньги, какъ мѣрило стоимости, есть необходимая форма проявленія присущаго товарамъ мѣрила стоимости, рабочаго времени.[1])

[1]) По поводу развиваемыхъ здѣсь мыслей Марксъ дѣлаетъ интересное замѣчаніе объ утопіи, которая и теперь еще сидитъ у многихъ въ головѣ. «Вопросъ, говоритъ онъ, почему деньги не представляютъ непосредственно само рабочее время — такъ что бы напр., какой нибудь банковый билетъ изображалъ рабочіе часы — сводится просто на просто къ вопросу, почему, на основаніи товарнаго производства продукты труда должны представляться какъ товары, разъ представленіе товара заключаетъ его раздвоеніе на товаръ и денежный товаръ, или почему частный трудъ можетъ быть разсматриваемъ какъ непосредственно общественный трудъ, какъ его противоположность. Я подробно выяснилъ поверхностный утопизмъ «денегъ-труда», на основаніи товарнаго производства въ другомъ мѣстѣ. (Zur Kritik der pol. Oekonomie. 1859, Страсбургъ. Это мѣсто перепечатано въ приложеніи къ нѣмецкому изданію «Нищеты философіи» Маркса, Штутгартъ, 1885.) Здѣсь замѣчу лишь, что напр. оуэновскія «деньги-трудъ» столь же мало «деньги», какъ хотя бы театральный

Стоимостное выраженіе товара въ денежномъ товарѣ составляетъ его денежную форму или его цѣну. Напр. 1 сюртукъ—10 граммамъ золота.

Цѣна товара есть нѣчто совершенно отличное отъ его природныхъ свойствъ. Ее въ немъ нельзя ни видѣть ни осязать. Товаровладѣлецъ долженъ сообщить ее покупателямъ. Но чтобы выразить цѣну товара въ золотомъ товарѣ, т. е. чтобы опредѣлить его цѣну, для этого не нужно реальныхъ денегъ. Портному не нужно имѣть въ карманѣ золота, чтобы имѣть возможность объяснить, что цѣна сюртука, который онъ продаетъ, равна 10 граммамъ золота. Мѣриломъ стоимости деньги служатъ поэтому лишь какъ мыслимыя, какъ представляемыя деньги.

Но несмотря на это цѣна зависитъ лишь отъ реальнаго денежнаго товара. Портной можетъ—мы здѣсь оставляемъ, конечно, въ сторонѣ всѣ побочныя, нарушающія обстоятельства—обозначить цѣну своего товара 10 граммами золота лишь тогда, если въ этомъ количествѣ золота воплощено столько же общественно необходимаго труда, какъ въ сюртукѣ. Вырази портной стоимость своего сюртука не въ золотѣ, а въ серебрѣ или мѣди, и выраженіе цѣнъ будетъ другое.

Гдѣ два различныхъ товара, напр. золото и серебро, имѣютъ значеніе мѣрила стоимости, тамъ всѣ товары имѣютъ поэтому два различныхъ выраженія цѣнъ, цѣны въ золотѣ и въ серебрѣ. Всякое измѣненіе въ отношеніи стоимости между золотомъ и серебромъ даетъ толчокъ къ колебанію цѣнъ.

билетъ. Оуэнъ предполагаетъ непосредственно обобществленный трудъ, форму производства, діаметрально противоположную товарному производству. Рабочее свидѣтельство констатируетъ только индивидуальное участіе производителя въ общей работѣ и его индивидуальное право на потребленіе опредѣленной части общаго продукта. Но Оуэну не приходило въ голову предполагать товарное производство и тѣмъ не менѣе желать обойти его необходимыя условія".

Прим. автора.

Двойственность мѣрила стоимости есть въ сущности безсмыслица, противорѣчіе въ функціи денегъ, какъ масштаба стоимости. Гдѣ ни пытались установить законно два товара масштабами стоимости, на дѣлѣ всегда функціонировалъ, какъ мѣрило стоимости, лишь одинъ. Золото и серебро еще теперь поставляются въ нѣкоторыхъ странахъ рядомъ другъ съ другомъ законными масштабами стоимости. Но опытъ всегда приводилъ къ абсурду эти опредѣленія закона. Золото и серебро, какъ и всякій товаръ, подвержены постояннымъ колебаніямъ стоимости; когда оба они ставятся закономъ какъ равно значущія, когда можно по желанію платить тѣмъ или другимъ металломъ, тогда платятъ, конечно, тѣмъ металломъ, стоимость котораго падаетъ, а тотъ металлъ, который повышается въ стоимости, продаютъ туда, гдѣ онъ съ выгодой можетъ быть проданъ, т. е. за границу.[2]) Въ странахъ, гдѣ господствуетъ двойное

[2]) Если нѣмецкіе аграріи громко требуютъ теперь, когда стоимости серебра и золота такъ сильно колеблятся, двойнаго выраженія стоимости, то это показываетъ только ихъ незнаніе — если не нѣчто другое. Всѣ государства, которые не являются банкротами въ финансовомъ отношеніи, переходятъ сегодня къ опредѣленію цѣны исключительно золотомъ. Во Франціи, Бельгіи и Швейцаріи эта мѣра подготовляется, въ Италіи она уже практически введена. Въ Соединенныхъ Штатахъ лишь вліяніе владѣльцевъ серебряныхъ рудниковъ поддерживаетъ еще номинально двойную оцѣнку. Паденіе стоимости серебра и одновременное повышеніе стоимости золота будетъ поэтому продолжаться, и если аграріямъ удастся замедлить введеніе въ Германіи исключительной оцѣнки золотомъ, то единственнымъ послѣдствіемъ этого будетъ то, что Германія, когда она будетъ принуждена позже нагонять то, въ чемъ она запаздываетъ теперь, должна будетъ покупать золото дороже и продавать серебро дешевле, чѣмъ это возможно было бы теперь. Наибольшую выгоду отъ перехода Германіи къ другой оцѣнкѣ извлекутъ тѣ, которые здѣсь же во время оцѣнки золотомъ понадѣлали долговъ, которые они тогда смогутъ заплатить серебромъ. Наибольшее число такихъ долгосрочныхъ долговъ составляютъ долги гипотечные. Отсюда интересъ аграріевъ.

Прим. автора

Въ древности и въ средніе вѣка отношеніе стоимости серебра къ стоимости золота (при одномъ и томъ же вѣсѣ) равнялось 1 : 8,

выраженіе цѣны, такъ называемый биметаллизмъ, въ дѣйствительности — то, слѣдовательно, функціонируетъ только одинъ родъ денежнаго товара, какъ масштабъ стоимости и именно тотъ, который падаетъ въ цѣнѣ; другой же, который повышается въ стоимости, измѣряетъ, какъ и всякій другой товаръ, свою цѣну въ переоцѣненномъ металлѣ, функціонируетъ какъ товаръ, а не какъ мѣрило стоимости. Чѣмъ больше колебанія въ отношеніи стоимости между золотомъ и серебромъ тѣмъ сильнѣе выступаетъ наружу безсмыслица биметаллизма. Марксъ, ради простоты, предполагаетъ въ „Капиталѣ" золото единственнымъ денежнымъ товаромъ. Но золото и фактически становится денежнымъ товаромъ нынѣшняго капиталистическаго производства.[3])

---

1 : 10, 1 : 12. Еще не такъ давно его принимали равнымъ: 1 : 15,5. Начиная съ 1876 г., благодаря особенно сильному уменьшенію издержекъ производства и увеличенію общаго количества продукта, стоимость серебра пала ниже этого уровня; въ 1886, по Зетберу, это отношеніе равнялось среднимъ числомъ 1 : 20,78. Интересно, что въ иныя эпохи, напр., въ 1876, стоимость серебра ужасно колебалась по сравненіи съ золотомъ, поднимаясь до 1 : 16,12 и опускаясь до 1 : 20,17. (См. Ad. Soetbeer. Quelques aperçus sur les métaux précieux etc." въ Almanach de Gotha на 1888, стр. 1068). Легко понять, что за раздолье представляется здѣсь спекуляціи. Недаромъ «солидные» экономисты пропагандируютъ для Латинскаго Монетнаго Союза необходимость перейти исключительно къ золотой оцѣнкѣ (см. статьи Леруа-Болье „La production et la consommation de l'or et de l' argent et la question monetaire въ L' Economiste francais, 1885, №№ 43 и 44).

Прим. редактора

[3]) Въ странахъ съ новѣйшимъ способомъ производства, стоимость денежнаго запаса (монеты и слитковъ) въ благородныхъ металлахъ оцѣнивали:

		золота	серебра
1831	въ	2 232 000 000 марокъ,	8 280 000 000 мар.
1880	„	13 170 000 000 „	8 406 000 000 „

Золото слѣдовательно есть нынѣ значительно преобладающій денежный товаръ.

Прим. автора.

Подводя итогъ даннымъ Зетбера (l. c., стр. 1069), я получаю,

Въ выраженіи цѣны всякій товаръ представляется какъ опредѣленное количество золота. Необходимо, конечно, измѣрять между собою и различныя количества золота, которыя выражаютъ различныя цѣны, необходимо создать масштабъ цѣнъ. Металлы обладаютъ такимъ природнымъ масштабомъ въ своемъ вѣсѣ. Вѣсовыя названія металловъ, фунтъ, ливръ, талантъ и т. п., образуютъ поэтому первоначальныя названія для единицъ масштаба цѣнъ.

Рядомъ съ функціей денегъ какъ мѣрила стоимости мы знакомимся здѣсь съ другой функціей ихъ, какъ масштаба цѣнъ. Какъ мѣрило стоимости, деньги представляютъ стоимости товаровъ въ опредѣленныхъ, воображаемыхъ количествахъ золота. Какъ масштабъ цѣнъ, онѣ измѣряютъ различныя количества золота однимъ оп-

---

что въ концѣ 1885 года общая стоимость золотаго фонда «цивилизованныхъ странъ» равнялась 13 364 000 000 марокъ, серебрянаго 7 843 000 000. Въ 1881 году было произведено золота на 443 200 000 марокъ, серебра на 396 700 000, итого на 839 900 000; въ 1885 общее производство равнялось 435 600 000 маркамъ въ золотѣ, и 433 400 000 въ серебрѣ, итого вообще 869 100 000 маркамъ. Нужно замѣтить, что серебро, которое нѣкогда (напр. въ пятидесятыхъ годахъ) составляло лишь 22 — 23 % годоваго производства благороднымъ металловъ, составляетъ теперь почти половину, а въ 1884 достигло даже болѣе 52 % годоваго производства. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, общая стоимость производимаго серебра даже очень значительно превышаетъ стоимость золота: въ 1884 на 30 800 000 долларовъ золота приходилось 48 800 000 долларовъ серебра (см. годовой отчетъ директора монетнаго двора за 1884: Burchard, Report of the Director of Mint). Вообще, по крайней мѣрѣ по отношенію къ годовому производству, мысль Каутскаго о рѣшительномъ преобладаніи золота надъ серебромъ должна приниматься съ нѣкоторымъ ограниченіемъ.

Въ сравнительно недавно вышедшемъ трудѣ Чернуски «Анатомія монеты», находится слѣдующая картина, говорящая воображенію читателя: «Человѣческій родъ обладаетъ 18 тысячами кубическихъ метровъ серебра и 500 кубическихъ метровъ золота, вообще же 18 500 кубическихъ метровъ металлической монеты. Объемъ этой монеты уменьшился бы лишь на $^{1}/_{37}$, еслибъ не существовало золота, и на цѣлыхъ $^{36}/_{37}$, еслибъ не существовало серебра». (Henri Cernuschi, Anatomie de la Monnaie; Парижъ, 1886, въ самомъ началѣ).

редѣленнымъ количествомъ золота, которое принимается за единицу, напр. однимъ фунтомъ золота.

Различіе между мѣриломъ стоимостей и масштабомъ цѣнъ дѣлается яснымъ, если мы разсмотримъ это по отношенію къ измѣненію въ стоимости. Положимъ, что единицей масштаба цѣнъ будетъ 10 граммовъ золота. Какова бы ни была стоимость золота, 20 граммовъ золота будутъ всегда стоить вдвое дороже 10 граммовъ золота. Паденіе или повышеніе стоимости золота не имѣетъ, стало быть, никакого вліянія на масштабъ цѣны.

Примемъ теперь золото за мѣрило стоимостей. Пусть сюртукъ равенъ 10 граммамъ золота. Но пусть стоимость золота измѣнилась; пусть въ одно и тоже общественно необходимое рабочее время производится теперь вдвое больше золота, чѣмъ до сихъ поръ. Въ продуктивности же портняжнаго труда не произошло никакого измѣненія. Что случится? Цѣна сюртука равняется теперь 20 граммамъ золота. Измѣненіе въ стоимости золота отражается такимъ образомъ чувствительно на его функціи какъ мѣрила стоимости. Масштабъ цѣнъ можетъ быть опредѣленъ произвольно, точно такъ же, какъ напр. мѣра длины. Съ другой стороны масштабъ этотъ нуждается во всеобщемъ признаніи. Установленный сначала условно, при посредствѣ обычныхъ дѣленій вѣса, онъ регулируется окончательно закономъ. Различныя вѣсовыя дѣленія благородныхъ металловъ получаютъ при оффиціальномъ крещеніи имена, отличныя отъ ихъ вѣса. Мы не говоримъ $^1/_{70}$ фунта золота, а монета въ 20 марокъ. Цѣны выражаются теперь не въ вѣсѣ золота, но въ признанныхъ закономъ названіяхъ для счетныхъ единицъ золотаго масштаба.

Цѣна есть денежное названіе для величины стоимости товара. Но въ то же время она — выраженіе мѣноваго отношенія товара къ денежному товару, къ золоту. Стоимость товара не можетъ никогда проявиться изолированно, сама по себѣ, а всегда лишь въ

мѣновомъ отношеніи къ другому товару. Но это отношеніе можетъ, помимо одной величины стоимости, подвергаться вліянію еще и другихъ обстоятельствъ. Этимъ открывается возможность отклоненія цѣны отъ величины стоимости. Если портной говоритъ, что цѣна его сюртука равняется 10 граммамъ золота, или въ счетныхъ единицахъ, 30 маркамъ, то онъ говоритъ этимъ, что онъ во всякое время отдаетъ свой сюртукъ за 10 граммовъ золота. Но онъ черезчуръ поторопился бы, еслибы захотѣлъ утверждать, что всякій сейчасъ же готовъ дать ему за его сюртукъ 10 граммовъ золота. Превращеніе сюртука въ золото, конечно, безусловно необходимо, разъ онъ долженъ выполнить свою роль какъ товаръ. Товаръ стремится къ деньгамъ; цѣны ни что иное какъ пламенные любовные взгляды, бросаемые имъ блестящему Galanť'у. Но на товарномъ рынкѣ дѣло происходитъ не такъ, какъ въ романахъ. Любовь не всегда оканчивается бракомъ. Часто товаръ оставляется безъ всякаго вниманія золотомъ, ищущимъ невѣсть, и долженъ влачить безрадостное существованіе въ складѣ.

Взглянемъ поближе на похожденія товара въ его отношеніяхъ къ золоту.

2. Продажа и покупка. Послѣдуемъ за нашимъ старымъ знакомымъ портнымъ на рынокъ. Онъ обмѣниваетъ сшитый имъ сюртукъ на 30 марокъ. На эту сумму онъ покупаетъ боченокъ вина. Мы имѣемъ здѣсь на лицо два противоположныя превращенія: сначала превращеніе товара въ деньги; затѣмъ обратное превращеніе денегъ въ товаръ. Но товаръ, который является въ концѣ процесса, уже иной, чѣмъ былъ въ началѣ его. Первый товаръ не былъ для своего владѣльца потребительною стоимостью, второй же — потребительная стоимость для него. Полезность перваго состояла для него въ свойствѣ товара какъ стоимости, какъ продукта общечеловѣческаго труда, въ обмѣниваемости его на другой продуктъ этого общечеловѣческаго труда,

на золото. Полезность другаго товара, вина, состоитъ для него въ тѣлесныхъ свойствахъ товара, въ свойствѣ его быть продуктомъ не человѣческаго труда вообще, а опредѣленныхъ формъ труда, напримѣръ труда винодѣла и т. п. Формула простаго товарнаго обращенія гласитъ: товаръ — деньги — товаръ, т. е. продажа для покупки.

Изъ двухъ превращеній товаръ-деньги и деньги-товаръ первое, какъ извѣстно, наитруднѣйшее. Покупка, если только есть деньги, причиняетъ мало заботы. Гораздо труднѣе продажа съ цѣлью получить деньги. А деньги, при господствѣ товарнаго производства, необходимы всякому товаровладѣльцу; чѣмъ болѣе развивается общественное раздѣленіе труда, тѣмъ односторонняе его трудъ, тѣмъ многостороннѣе его потребности.

Для того, чтобы „salto mortale товара", превращеніе его въ деньги, удалось, необходимо прежде всего, чтобы онъ былъ потребительной стоимостью, чтобы онъ удовлетворялъ какой нибудь потребности. Разъ это случается, разъ ему удается превращеніе въ деньги, тогда является вопросъ: во сколько денегъ?

Этотъ вопросъ не касается насъ здѣсь, впрочемъ, ближе, отвѣтъ на него принадлежитъ уже къ изслѣдованію законовъ цѣнъ. Что насъ интересуетъ здѣсь, такъ это измѣненіе въ формѣ: товаръ — деньги, не обращая вниманія на то, проиграетъ-ли или выиграетъ товаръ при этомъ въ величинѣ стоимости. Портной сбываетъ свой сюртукъ и получаетъ за это деньги. Положимъ, онъ продаетъ его крестьянину. Что со стороны портнаго — продажа, то со стороны крестьянина — покупка. Всякая продажа есть покупка и наоборотъ. Но откуда деньги у крестьянина? Онъ получилъ ихъ въ обмѣнъ за свою пшеницу. Если мы прослѣдимъ путь по которому переходилъ денежный товаръ, золото, начиная отъ мѣста его производства, рудника, отъ одного товаровладѣльца къ другому, то мы найдемъ, что всякая перемѣна во владѣніи была всегда результатомъ

какой нибудь продажи.

Превращеніе: сюртукъ - деньги является, какъ мы видѣли, членомъ не одного, а двухъ рядовъ превращеній. Одинъ рядъ гласитъ: сюртукъ - - - деньги — вино. Другой: пшеница — деньги — сюртукъ. Начало ряда превращеній одного товара есть вмѣстѣ съ тѣмъ заключеніе превращеній другаго товара и наоборотъ. Положимъ, что винодѣлъ купилъ на тѣ 30 марокъ, которыя онъ получилъ за свое вино, котелъ и уголья. Тогда превращеніе: деньги — вино есть послѣдній членъ въ ряду: сюртукъ — деньги — вино, и первый въ двухъ другихъ рядахъ: вино — деньги — уголья и вино — деньги — котелъ.

Каждый изъ этихъ рядовъ превращеній образуетъ круговоротъ: товаръ — деньги — товаръ. Онъ начинается и кончается товарной формой. Но всякій оборотъ одного товара переплетается съ оборотами другихъ товаровъ. Общее движеніе этихъ безчисленныхъ взаимно переплетающихся оборотовъ образуютъ товарное обращеніе.

Товарное обращеніе существенно отлично отъ непосредственнаго обмѣна продуктовъ или простой мѣновой торговли. Послѣдняя была вызвана выростаніемъ производительныхъ силъ за предѣлы первобытнаго коммунизма. Благодаря обмѣну товаровъ система общественнаго труда расширилась за предѣлы общины; обмѣнъ повліялъ на то, чтобы различныя общины и члены различныхъ общинъ работали другъ для друга. Но простой обмѣнъ продуктовъ становился въ свою очередь препятствіемъ, когда производительныя силы развивались все болѣе и болѣе, и оно было перешагнуто товарнымъ обращеніемъ.

Простой обмѣнъ продуктовъ требуетъ, чтобы я бралъ у покупателя моего продукта одновременно и его продуктъ. Это ограниченіе устранено въ товарномъ обращеніи. Конечно, всякая продажа есть въ тоже время покупка: сюртукъ не можетъ быть проданъ порт-

нымъ безъ того, чтобы его не купилъ кто нибудь другой, напр. крестьянинъ. Но ничуть, во первыхъ, не необходимо, чтобы портной покупалъ сейчасъ же. Онъ можетъ положить деньги въ ящикъ и ждать, пока ему захочется что нибудь купить. Во вторыхъ, онъ ничуть не вынужденъ покупать что нибудь теперь или позже у того крестьянина, который купилъ у него сюртукъ, или на томъ же рынкѣ, на которомъ продаетъ. Временныя, мѣстныя и индивидуальныя ограниченія обмѣна продуктовъ падаютъ такимъ образомъ при товарномъ обращеніи долой.

Но между мѣновой торговлей и товарнымъ обращеніемъ имѣетъ мѣсто еще и другое различіе. Простой обмѣнъ продуктовъ состоитъ въ отчужденіи излишнихъ продуктовъ и оставляетъ на первыхъ порахъ безъ измѣненія формы производства первобытнаго коммунизма, формы, которыя стоятъ подъ непосредственнымъ контролемъ участвующихъ.

Напротивъ развитіе товарнаго обращенія дѣлаетъ отношенія производства все болѣе запутанными, болѣе трудными для общаго взгляда, болѣе трудными для контроля. Отдѣльные производители становятся все независимѣе другъ отъ друга, но за то все зависимѣе отъ общественныхъ соотношеній, которыя они не могутъ уже болѣе контролировать, какъ это было при первобытномъ коммунизмѣ. Общественныя силы пріобрѣтаютъ такимъ образомъ власть слѣпо дѣйствующихъ силъ природы, которыя, разъ помѣшать ихъ дѣйствію, нарушить ихъ равновѣсіе, проявляются въ катастрофахъ, подобно бурямъ и землетрясеніямъ.

А съ товарнымъ обращеніемъ развиваются уже и зародыши такихъ катастрофъ. Возможность, представляемая имъ, продавать безъ того, чтобы непремѣнно покупать непосредственно вслѣдъ за этимъ, заключаетъ уже въ себѣ возможность остановокъ въ сбытѣ, возможность кризисовъ. Но производительныя силы должны развиться за рамку простаго товарнаго обра-

щенія, прежде чѣмъ возможность сдѣлается дѣйствительностью.

3. Обращеніе денегъ. Припомнимъ себѣ различныя обращенія товаровъ, которыя мы прослѣдили въ послѣднемъ параграфѣ: пшеница — деньги — сюртукъ — деньги — вино — деньги — уголья и проч. Ходъ этихъ обращеній сообщаетъ движеніе и деньгамъ, но послѣднее не есть движеніе круговое. Деньги, уходя отъ крестьянина, все больше и больше удаляются отъ него. „Форма движенія, непосредственно сообщенная товарнымъ обращеніемъ деньгамъ, состоитъ поэтому въ постоянномъ ихъ удаленіи отъ исходнаго пункта, въ переходѣ ихъ изъ рукъ одного товаровладѣльца въ руки другаго, или въ ихъ обращеніи (Umlauf).

Обращеніе денегъ есть слѣдствіе обращенія товаровъ, а не причина его, какъ это часто принимаютъ. На ступени простаго товарнаго обращенія, на которой мы стоимъ теперь при нашемъ изслѣдованіи, когда нѣтъ еще и рѣчи о правильной торговлѣ и перепродажѣ, товаръ, какъ потребительная стоимость, уже при первомъ шагѣ своего движенія выпадаетъ изъ обращенія, чтобы войдти въ сферу потребленія, и новая потребительная стоимость, но имѣющая равную товарную стоимость, вступаетъ на его мѣсто въ обращеніе. Въ оборотѣ — пшеница — деньги — сюртукъ, пшеница уже послѣ первой формы превращенія: пшеница — деньги, изчезаетъ изъ циркуляціи, и равная мѣновая стоимость, но отличная отъ прежней потребительной, возвращается къ продавцу пшеницы: деньги — сюртукъ. Деньги, какъ средство обращенія, не выпадаютъ изъ обращенія, а вращаются постоянно въ ея сферѣ.

Теперь спрашивается, сколько денегъ требуетъ обращеніе товаровъ?

Мы знаемъ уже, что всякій товаръ приравнивается опредѣленному количеству денегъ, т. е. что цѣна его опредѣляется прежде, чѣмъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ реальными деньгами. Этимъ заранѣе опредѣ-

ляется конечная цѣна всякаго отдѣльнаго товара и сумма цѣнъ всѣхъ товаровъ, предполагая стоимость золота за данную. Сумма цѣнъ товаровъ есть опредѣленная воображаемая сумма золота. Чтобы товары могли обращаться, эта воображаемая сумма золота должна превратиться въ реальную; количество обращающагося золота опредѣляется такимъ образомъ суммою цѣнъ обращающихся товаровъ. (Нужно постоянно имѣть въ виду, что здѣсь мы находимся въ области простаго обращенія товаровъ, гдѣ кредитные деньги, взаимное погашеніе счетовъ и т. п. еще не извѣстны.) При неизмѣняющихся цѣнахъ, эта сумма цѣнъ колеблется вмѣстѣ съ количествомъ циркулирующихъ товаровъ; а при неизмѣняющемся количествѣ товаровъ вмѣстѣ съ ихъ цѣнами, все равно, будетъ ли это колебаніе вызвано колебаніемъ рыночныхъ цѣнъ, или измѣненіемъ въ стоимости золота или товаровъ, все равно также, будетъ ли это колебаніе цѣнъ касаться всѣхъ или только нѣкоторыхъ товаровъ.

Однако отдѣльныя продажи товаровъ не всегда совершаются безъ всякой связи, равно какъ и не всѣ одновременно.

Возьмемъ опять нашъ прежній примѣръ. Мы имѣемъ рядъ формальныхъ превращеній: 5 гектолитровъ пшеницы — 30 марокъ — 1 сюртукъ — 30 марокъ — 40 литровъ вина — 30 марокъ — 20 центнеровъ угольевъ — 30 марокъ. Сумма цѣнъ этихъ товаровъ равна 120 маркамъ; но для выполненія этихъ четырехъ продажъ достаточно 30 марокъ, которые четыре раза мѣняютъ свое мѣсто, т. е. стало быть выполняютъ одинъ за другимъ четыре оборота. Если мы предположимъ, что всѣ названныя продажи имѣютъ мѣсто въ одинъ день, то количество денегъ, функціонирующихъ какъ средство обращенія въ извѣстномъ районѣ обращенія въ продолженіи одного дня, будетъ равно: $^{120}/_{4} = 30$ маркамъ, или говоря вообще:

$$\frac{\text{сумма цѣнъ товаровъ}}{\text{число оборотовъ одноименной монеты}} = \text{количеству де-}$$

негъ, функціонирующихъ въ продолженіи извѣстнаго промежутка, какъ средство обращенія.

Время обращенія для различныхъ монетъ въ одной странѣ, конечно, различно; одна остается годами лежать въ ящикѣ, другая въ продолженіи одного дня совершитъ можетъ быть тридцать оборотовъ. Но средняя скорость ихъ обращенія есть всетаки величина опредѣленная. Скорость обращенія денегъ обусловливается скоростью обращенія товаровъ. Чѣмъ быстрѣе товары исчезаютъ изъ циркуляціи, чтобы быть потребленными, и чѣмъ быстрѣе они замѣняются новыми товарами, тѣмъ скорѣе и обращеніе денегъ. Чѣмъ медленнѣе обращеніе товаровъ, тѣмъ медленнѣе обращеніе денегъ, тѣмъ рѣже приходится видѣть деньги. Люди, взглядъ которыхъ скользитъ лишь по поверхности, полагаютъ тогда, что мало денегъ и что недостатокъ въ деньгахъ и производитъ остановку въ обращеніи; послѣдній случай конечно также возможенъ, но едвали имѣетъ мѣсто теперь въ теченіи долгихъ періодовъ. [3])

---

3) Вѣрное пониманіе законовъ, управляющихъ количествомъ денегъ и измѣненіемъ цѣнъ въ товарахъ, впервые встрѣчается у Тука, извѣстнаго автора добросовѣстной «Исторіи цѣнъ» (первое изданіе въ 1822, второе въ 1848 г.), а послѣ него у Вильсона въ его «Капиталѣ, монетномъ обращеніи и банкахъ» и у Фуллартона въ его этюдѣ о «Регулированіи монетнаго обращенія» (2 изданіе 1845 г.). Марксъ въ своей „Kritik der politischen Oekonomie“ появившейся, какъ извѣстно, въ 1859 г., развиваетъ въ сущности взглядъ Тука, хотя придаетъ ему гораздо болѣе научную форму и прочно связываетъ его съ рикардіанской теоріей стоимости. Въ этомъ пунктѣ, можетъ быть, всего поучительнѣе наблюдать разницу въ интеллектуальныхъ типахъ англичанина и нѣмца: англичанина съ его умомъ, направленнымъ на частные вопросы, подталкиваемымъ практической злобой дня, и нѣмца, который прежде всего заботится прочно уложить частный результатъ на опредѣленное мѣсто въ своемъ міровоззрѣніи. Но это между прочимъ. Суть обыкновенной банальной теоріи денежнаго обращенія, которой былъ опутанъ и Рикардо, и

4. Монета. Бумажныя деньги. Для торговли было, конечно, большимъ неудобствомъ, что при каждой покупкѣ и продажѣ нужно было опредѣлять содержаніе и вѣсъ каждаго куска золота, который пойдетъ въ обмѣнъ. Это было устранено, какъ только какой-нибудь общепризнанный авторитетъ гарантировалъ вѣрность вѣса и содержанія каждаго куска золота. Такъ изъ слитковъ золота получились приготовляемыя государствомъ золотыя монеты.

многіе другіе, такова: вся совокупность товаровъ даннаго общества перемѣщается совокупностью всѣхъ денегъ этого общества, и металлическихъ и бумажныхъ. При этомъ цѣна товаровъ принимается вначалѣ за извѣстную. Но государственныя бумажки съ принудительнымъ курсомъ у всѣхъ этихъ изслѣдователей превращаются, помимо ихъ воли, въ самый якобы чистый типъ денегъ, какъ орудія обращенія. Вотъ они и начинаютъ прилагать къ деньгамъ вообще законы, которые собственно примѣнимы лишь именно къ этимъ бумажкамъ съ принудительнымъ курсомъ. Эти бумажки, подобно кредитнымъ вообще, не имѣютъ сами по себѣ цѣны: стало быть, и деньги вообще имѣютъ лишь условную стоимость. Эти бумажки, разъ онѣ принудительны, могутъ проникать всюду, и всѣ онѣ, хочешь не хочешь, должны будутъ поглотиться обращеніемъ: значитъ, и деньги вообще, сколько бы ихъ ни было въ странѣ, должны войти въ обращеніе. Но у продавцевъ товаровъ въ концѣ концовъ есть единственное средство привести въ удобное для обмѣна равновѣсіе весь міръ товаровъ съ одной стороны и принудительныхъ денегъ съ другой, и къ этому результату они придутъ даже фатально въ силу увеличенія спроса со стороны владѣльцевъ бумажекъ: именно они подымутъ соотвѣтственно цѣны товаровъ. Тоже самое переносятъ банальные экономисты и на деньги вообще, и серьезно думаютъ, что сколько бы ни было пущено въ обращеніе металлическихъ денегъ и кредитныхъ билетовъ, они всѣ пойдутъ на то, чтобъ передвигать міръ товаровъ и тѣмъ самымъ подымутъ цѣну товаровъ. Но, продолжаютъ они, поднятіе цѣнъ товаровъ есть въ данномъ случаѣ лишь выраженіе паденія въ цѣнѣ черезчуръ обильнаго денежнаго обращенія. И вотъ вамъ цѣликомъ уже создана теорія, по которой выходитъ не то, что деньги отражаютъ на себѣ движеніе товаровъ и поглощаются въ количествѣ сообразномъ съ общей цѣной перемѣщаемыхъ товаровъ; нѣтъ, а что цѣна товаровъ опредѣляется количествомъ денегъ. При этомъ забывается цѣлая масса вещей: что далеко не вся совокупность находящихся въ странѣ денегъ поступаетъ въ обращеніе, что металлическія деньги, если ихъ черезчуръ много, вывозятся за границу или просто сохраняются безъ употре-

Монетная форма денегъ вытекаетъ изъ ихъ функціи, какъ средства обращенія. Но разъ деньги приняли монетную форму, онѣ скоро получаютъ въ области процесса обращенія самостоятельное существованіе, независящее отъ монетнаго содержанія. Ручательство государства въ томъ, что монетный знакъ содержитъ опредѣленное количество золота или равенъ ему, скоро дѣлается при извѣстныхъ обстоятельствахъ достаточнымъ для того, чтобы монетный знакъ могъ, подобно полному и реальному количеству золота, функціонировать какъ средство обращенія.

Уже само обращеніе золотыхъ монетъ вліяетъ на это. Чѣмъ дольше монета въ обращеніи, тѣмъ больше она изнашивается, тѣмъ все больше и больше различаются между собою ея мнимое и дѣствительное содержаніе; старая монета легче той, которая только что вышла съ монетнаго двора,— несмотря на это обѣ онѣ могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, представлять собой, какъ средство обращенія, равныя стоимости.

Разница между мнимымъ и дѣйствительнымъ содержаніемъ обнаруживается еще рѣзче въ размѣнной монетѣ. Очень часто низшіе металлы, напр. мѣдь, являлись первоначальными деньгами, которыя позже были вытѣсняемы драгоцѣнными металлами. Мѣдь, а со введеніемъ

бленія, что кредитные билеты возвращаются къ банкиру, который ихъ выпустилъ и т. п. Забывается также, что при нормальныхъ условіяхъ, — а ихъ то вѣдь и нужно всегда брать въ разсчетъ при изслѣдованіи крупныхъ законовъ — инициатива, опредѣляющая количество потребнаго денежнаго обращенія, исходитъ отъ товаровъ, а именно обусловливается съ одной стороны общей массой вступающихъ въ обмѣнъ товаровъ, а съ другой цѣной каждой единицы ихъ. На этомъ мы обрываемъ наше разсужденіе о деньгахъ не желая вступать въ частности, которыя бы могли идти нѣсколько въ разрѣзъ съ общимъ характеромъ какъ книжки Каутскаго, такъ и нашихъ примѣчаній къ ней. Читатели, не знающія нѣмецкаго, могутъ обратиться за деталями къ переводу главы Маркса о деньгахъ изъ Zur Kritik, помѣщенному покойнымъ Зиберомъ въ приложеніи къ новому русскому изданію Рикардо, вышедшему, если не ошибаюсь, въ 1882.

Прим. редактора.

оцѣнки на золото, и серебро, перестали служить мѣриломъ стоимости, но мѣдныя и серебряныя монеты функціонировали послѣ, какъ и прежде, въ качествѣ денегъ при мелкой торговлѣ. Теперь онѣ стали соотвѣтствовать опредѣленнымъ вѣсовымъ дѣленіямъ золота; стоимость, которую онѣ представляли, измѣнилась въ томъ же самомъ отношеніи, какъ стоимость золота, она осталась внѣ вліянія колебаній въ стоимости серебра и мѣди. Оказывается, что при этихъ обстоятельствахъ металлическое содержаніе монеты не имѣетъ никакого вліянія на ея функцію, какъ монеты; что можно произвольно опредѣлить законами государства, какое количество золота должно быть представлено мѣдной или серебряной монетой. Отсюда былъ только шагъ до того, чтобъ поставить на мѣсто металлической марки марку бумажную и приравнять закономъ ничего нестоющую бумажку опредѣленному количеству золота.

Такъ возникли государственныя бумажныя деньги, — не смѣшивать съ кредитными деньгами, которыя выросли изъ другой функціи денегъ.

Бумажныя деньги могутъ замѣнить золотыя деньги только, какъ средство обращенія, а не какъ мѣрило стоимости, однѣ могутъ замѣнять другія, лишь поскольку онѣ представляютъ опредѣленныя количества золота. Для бумажныхъ денегъ, какъ средствъ обращенія, имѣютъ силу тѣ самые законы, что для металлическихъ денегъ, мѣсто которыхъ онѣ заступаютъ. Бумажныя деньги никогда не могутъ замѣнить бо́льшаго количества золота, чѣмъ какое можетъ быть поглощено товарнымъ обращеніемъ. Если товарное обращеніе страны нуждается въ 100 милліонахъ марокъ золота, а государство пускаетъ въ обращеніе 200 милліоновъ марокъ бумажками, то это будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ только то, что, напр. на двѣ двадцатимарочныя бумажки я могу купить лишь столько, сколько на одну золотую монету въ 20 марокъ. Цѣны, выраженныя въ бумажныхъ деньгахъ, въ этомъ случаѣ стоятъ вдвое

выше цѣнъ въ золотѣ. Бумажныя деньги обезцѣниваются излишнимъ ихъ выпускомъ. Это въ настоящій моментъ имѣетъ мѣсто въ Россіи, гдѣ выпускаемыя въ громадномъ количествѣ государственныя бумажныя деньги уже болѣе 30 лѣтъ стоятъ ниже металлической стоимости, которую онѣ должны представлять[4]). Крупнѣйшій примѣръ такого обезцѣненія бумажныхъ денегъ, вслѣдствіе излишняго выпуска ихъ, составляютъ ассигнаты великой французской революціи, которыхъ въ продолженіи семи лѣтъ (отъ 1790 до Марта 1797) было выпущено на 45 581 милліоновъ франковъ и которые вслѣдствіе этого сдѣлались окончательно лишенными всякой стоимости.

5. Деньги. Мы прослѣдили возникновеніе простаго товарнаго обращенія и видѣли, какъ вмѣстѣ съ нимъ развивались функціи денегъ, какъ мѣрила стоимости и какъ средства обращенія. Однако деньги не остаются ограниченными лишь этими функціями.

---

[4])Послѣдній разъ русскій рубль стоилъ 4 франка въ Маѣ 1857 г. и бумажныхъ денегъ было на 735 милліоновъ рублей. Съ тѣхъ поръ, рубль не переставалъ въ общемъ падать въ очень значительной степени, параллельно въ увеличеніемъ числа бумажекъ. Если вѣрить де-Клерку, служащему при отдѣленіи Credit Lyonnais въ Петербургѣ, въ Маѣ 1886 Россія имѣла 1073 милліона бумажныхъ рублей (см. H. M. de Clercq, Les finances de l'Empire de Russie; Амстердамъ и Парижъ, 1886). Но въ какой степени эта цифра хоть приблизительно выражаетъ дѣйствительный размѣръ нашего обращенія, сказать трудно. Недаромъ шутники изображаютъ нашего двуглаваго орла вѣчно пожирающимъ золото одной пастью и вѣчно извергающимъ бумагу другой: schönes Thier, frisst Gold, schisst Papier. Интересно, что если птенцы гнѣзда Каткова были всегда инфлаціонистами (отъ англійскаго inflate, раздувать), т. е. стояли за созданіе денегъ изъ ничего, изъ бумаги, гарантирующей предъявителю выдачу «плюхи изъ казначейства», то экономисты «Русскаго Курьера» стараются теперь отстоять неприкосновенность нашей бумажной горы инымъ манеромъ: поднимите, говорятъ, производительность страны поскорѣе до такихъ размѣровъ, чтобы денегъ какъ разъ лишь хватало на перемѣщеніе возросшаго количества продуктовъ и чтобы рубль сталъ al pari — и дѣло въ шляпѣ. Какъ совѣтъ, очень хорошо!

Прим. редактора.

Вмѣстѣ съ самымъ товарнымъ обращеніемъ развиваются также и необходимость и жадное желаніе удерживать и накоплять денежный товаръ, золото. Особенности денегъ соотвѣтствуютъ особенностямъ товарнаго производства: какъ это послѣднее есть такая форма, въ которой практикуется общественное производство независимыми частными производителями, такъ и деньги суть общественная сила, которая однако не есть сила общества, но можетъ сдѣлаться частной собственностью каждаго лица. Чѣмъ больше та сумма денегъ, которой располагаютъ, тѣмъ больше и та общественная сила, — блага, удовольствія, продукты труда другихъ, — которой располагаютъ. Золото можетъ все, оно есть единственный товаръ, который всякій можетъ потреблять, всякій беретъ. Такъ пробуждается и растетъ вмѣстѣ съ товарнымъ обращеніемъ жадность къ золоту.

Но копленіе денегъ становится съ развитіемъ товарнаго производства не только страстью, но и необходимостью. Чѣмъ больше продуктовъ дѣлается товарами, чѣмъ менѣе производится для собственнаго потребленія, тѣмъ необходимѣе обладаніе деньгами, чтобы вообще можно было жить. Я долженъ безпрестанно покупать, а чтобы быть въ состояніи покупать, я долженъ продавать; но производство товаровъ, которыя я продаю, требуетъ времени, продажа ихъ зависитъ отъ случая Чтобъ поддерживать производство товара на ходу, чтобъ имѣть возможность жить во время производства, я долженъ обладать запасомъ денегъ. Таковой необходимъ также и для регулированія остановокъ въ обращеніи. Мы видѣли выше, что количество циркулирующихъ денегъ зависитъ отъ цѣнъ товаровъ, ихъ количества и скорости ихъ обращенія. Каждый изъ этихъ факторовъ безпрестанно измѣняется, и количество циркулирующихъ денегъ подвержено поэтому постояннымъ колебаніямъ. Откуда приходятъ деньги, которыя необходимы, и куда утекаютъ деньги, которыя становятся

излишними? Денежныя сокровища, накопляющіяся въ различныхъ пунктахъ, образуютъ тотъ общій резервуаръ, который то принимаетъ въ себя, то снова изливаетъ деньги, и такимъ образомъ регулируетъ остановки въ процессѣ обращенія.

Въ началѣ товарнаго обращенія, какъ и при простомъ обмѣнѣ, постоянно вымѣниваются непосредственно другъ на друга два товара, лишь съ тою разницей, что теперь одинъ товаръ есть всегда всеобщій эквивалентъ, денежный товаръ. Съ развитіемъ товарнаго обращенія возникаютъ однако такія отношенія, въ силу которыхъ отчужденіе товаровъ отдѣляется во времени отъ полученія суммы денегъ, соотвѣтствующей его цѣнѣ. Теперь выступаютъ обстоятельства, требующія, чтобы за товаръ платили раньше чѣмъ его получаютъ, или, что чаще случается, чтобъ за него платили позже. Приведемъ въ поясненіе примѣръ. Возьмемъ итальянскаго ткача шелка, хоть что-ли, XIII-го столѣтія. Онъ получаетъ переработываемый имъ шелкъ изъ сосѣдней мѣстности. Но шелковыя ткани, которыя онъ ткетъ, идутъ въ Германію; прежде чѣмъ онѣ придутъ на мѣсто назначенія, будутъ проданы, и выручка возвратится въ Италію, проходитъ 3—4 мѣсяца. Ткачъ приготовилъ кусокъ шелковой матеріи, а въ то же время, сосѣдъ его, шелкопрядильщикъ, извѣстное количество шелку. Прядильщикъ продаетъ немедленно свой товаръ ткачу, но этотъ получаетъ выручку за свой товаръ лишь черезъ четыре мѣсяца. Что же происходитъ? Ткачъ покупаетъ шелкъ, но платитъ за него лишь черезъ 4 мѣсяца. Покупатель и продавецъ получаютъ теперь иную физіономію. Продавецъ дѣлается кредиторомъ, покупатель должникомъ. Но и деньги получаютъ теперь новую функцію. Въ данномъ случаѣ онѣ не служатъ средствомъ обращенія товара, онѣ заканчиваютъ свое обращеніе самостоятельно. Онѣ являются въ этой функціи не средствомъ обращенія, а платежнымъ средствомъ, средствомъ выполнить при-

нятое обязательство на доставку извѣстной суммы стоимостей.

Но такому обязательству не зачѣмъ вытекать непремѣнно всегда изъ процесса обращенія товаровъ. Чѣмъ болѣе развивается товарное производство, тѣмъ болѣе является стремленіе превратить доставку опредѣленныхъ потребительныхъ стоимостей въ платежъ деньгами, этой формой всеобщей стоимости. Натуральныя государственныя повинности превращаются въ денежныя суммы, плата чиновникамъ натурою — въ жалованіе деньгами и т. д. Функція денегъ, какъ платежнаго средства, выступаетъ теперь изъ предѣловъ товарнаго обращенія.

Возвратимся къ нашему ткачу шелковыхъ матерій. Онъ покупаетъ шелкъ у шелкопрядильщика, не будучи въ состояніи сейчасъ же уплатить за него. Но въ денежныхъ дѣлахъ нѣтъ мѣста добродушію. Шелкопрядильщикъ думаетъ себѣ: что́ написано чернымъ по бѣлому, съ тѣмъ можно спокойно придти домой. Онъ заставляетъ поэтому ткача дать ему расписку, по которой тотъ обязуется уплатить черезъ 4 мѣсяца сумму денегъ, соотвѣтственную общей цѣнѣ проданнаго шелка. Но шелкопрядильщикъ долженъ съ своей стороны произвести извѣстныя расплаты, прежде чѣмъ истекутъ 4 мѣсяца. Такъ какъ наличныхъ денегъ у него нѣтъ, то онъ платитъ распиской ткача. Она функціонируетъ теперь, стало быть, какъ деньги, возникаетъ новый сортъ бумажныхъ денегъ: кредитныя деньги (векселъ, чекъ и проч.)

Можетъ наступить еще другой случай. Положимъ, что ткачъ купилъ у прядильщика шелку на сумму 5 дукатовъ. Этотъ же купилъ у золотыхъ дѣлъ мастера браслетъ для своей жены за 6 дукатовъ. Одновремнно съ этимъ золотыхъ дѣлъ мастеръ взялъ у ткача шелковыхъ тканей стоимостью на 4 дуката. Платежи падаютъ единовременно. Всѣ трое, прядильщикъ, ткачъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ, сталкиваются. Первый имѣетъ заплатить послѣднему 6 дукатовъ, но въ тоже время имѣетъ получить 5 дукатовъ отъ ткача. Онъ платитъ поэтому

золотыхъ дѣлъ мастеру одинъ дукатъ и отсылаетъ его за остальными деньгами къ ткачу. Но послѣдній долженъ получить отъ золотыхъ дѣлъ мастера 4 дуката; онъ платитъ поэтому ему только одинъ. Такъ, посредствомъ взаимнаго уравниванія, три платежа въ сложности на сумму 15 дукатовъ были произведены только двумя дукатами.

Конечно, это происходитъ въ дѣйствительности не такъ просто, какъ здѣсь предположено. Но фактически взаимные платежи продавцовъ товаровъ отчасти погашаются и притомъ, съ развитіемъ товарнаго обращенія, въ постоянно возрастающей степени. Концентрированіе платежей въ немногихъ мѣстахъ и въ опредѣленные сроки развиваетъ особенныя учрежденія и методы для ихъ погашенія, въ родѣ virements въ средневѣковомъЛіонѣ. Извѣстныя банки жиро (Girobanken) Clearinghouses, кассовые союзы [5]) (Kassenvereine), служащіе той же цѣли. Лишь тѣ платежи, которые не погашаются взаимно, должны быть произведены деньгами.

Кредитная система заставляетъ исчезнуть собира-

5) Операціей Giro, отъ итальянскаго слова, обозначающаго «кругъ, оборотъ», называется въ банковомъ дѣлѣ взаимное уничтоженіе, при посредствѣ чековъ, дебета и кредита кліентовъ, при чемъ деньги пускаются въ ходъ лишь для платежа разницы между двумя общими итогами. Представьте себѣ теперь такое учрежденіе, которое объединяетъ своей операціей нѣсколько банковъ, вступившихъ между собою въ договоръ погашать взаимныя требованія своихъ кліентовъ (см., напр. Стенли Джевонса, Money and the Mechanism of Exchange) — и вы получите то, что называется въ наукѣ clearing house, «учрежденіе для очистки счетовъ» или, какъ мѣтко называетъ его коммерческій жаргонъ, bankers' bank, «банкъ банкировъ», Saldirungs - Verein по нѣмецки, chambre de compensation des Banquiers по французски и, почти аналогично съ этимъ, stanza di Compensazione по итальянски. По Генриху Раухбергу (см. «Die Entwickelung des Clearing-Verkehres въ «Bulletin de l'Institut International de statistique», печатающемъ статьи по международной статистикѣ на главныхъ европейскихъ языкахъ, Римъ, 1886, т. I, выпуски 1 и 2, стр. 148), оборотъ нью-іоркскаго Clearing House простирался въ 1884 до 177 милліоновъ франковъ (въ 1881 даже до 252), Лондонскаго до 144 и т. д. Можно видѣть, до какой степени эта взаимная «очистка» вошла теперь въ коммерческую рутину.

Прим. редакт.

ніе сокровищъ, какъ самостоятельную форму обогащенія. Кто хочетъ сохранить свое богатство, тому не зачѣмъ болѣе, разъ развивается кредитная система, прятать деньги въ землю или по разнымъ шкатулкамъ и ларямъ. Онъ можетъ ссудить ихъ. Съ другой стороны кредитная система понуждаетъ къ временному образованію сокровищъ, къ накопленію денежныхъ суммъ, которыя служатъ для уплаты въ опредѣленный день срочныхъ долговъ.

Но не всегда удается такое накопленіе сокровищъ. Припомнимъ себѣ нашего ткача шелковыхъ матерій. Онъ обѣщалъ уплатить черезъ 4 мѣсяца, потому что онъ надѣялся къ этому времени продать свой товаръ. Но допустимъ, что онъ не находитъ покупателя на свой товаръ, стало быть, не можетъ уплатить. А шелкопрядильщикъ разсчитываетъ на этотъ платежъ; въ надеждѣ на него онъ самъ далъ денежное обязательство, положимъ золотыхъ дѣлъ мастеру, этотъ же въ свою очередь другимъ; мы видимъ, что платежная несостоятельность одного влечетъ за собою платежную несостоятельность другихъ и притомъ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ болѣе развита система слѣдующихъ другъ за другомъ и другъ изъ друга платежей и ихъ взаимное погашеніе. Предположимъ теперь, что не одинъ, а цѣлый рядъ производителей (вслѣдствіе всеобщаго перепроизводства, что-ли) не въ состояніи продать своихъ товаровъ. Несостоятельность ихъ влечетъ за собою несостоятельность другихъ, уже продавшихъ свои товары. Денежныя обязательства теряютъ цѣну; всѣ требуютъ чистогана, всеобщаго эквивалента; возникаетъ общій недостатокъ въ деньгахъ, денежный кризисъ, который, начиная съ извѣстной высоты развитія кредита, есть необходимый спутникъ каждаго промышленнаго или торговаго кризиса. Онъ самымъ яснымъ образомъ показываетъ, что при системѣ товарнаго производства, деньги не могутъ быть замѣнимы лишь голыми обязательствами на товары.

Деньги имѣютъ двоякую область обращенія: внут-

ренній рынокъ каждаго государства и всемірный рынокъ. Формой монеты и знаковъ стоимости деньги обладаютъ лишь внутри страны, а не въ сношеніяхъ одной страны съ другой. На всемірномъ рынкѣ онѣ снова принимаютъ свой первоначальный видъ, слитковъ благороднаго металла, золота и серебра. Оба служатъ до сихъ поръ на всемірномъ рынкѣ мѣриломъ стоимости, между тѣмъ какъ въ области внутренняго обращенія страны лишь денежный товаръ можетъ функціонировать въ дѣйствительности, какъ мѣрило стоимости.

Намъ, впрочемъ, кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ Марксъ писалъ свой „Капиталъ“, золото пріобрѣло несомнѣнную тенденцію сдѣлаться единственнымъ денежнымъ товаромъ и на всемірномъ рынкѣ.

Главная функція всемірныхъ денегъ есть функція ихъ какъ платежнаго средства, для уравненія международныхъ балансовъ, — излишковъ и дефицитовъ въ ввозѣ и вывозѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПРЕВРАЩЕНІЕ ДЕНЕГЪ ВЪ КАПИТАЛЪ.

Что такое капиталъ? Мы прослѣдили во второй главѣ развитіе товарнаго обращенія изъ обмѣна продуктовъ.

Сдѣлаемъ теперь шагъ дальше. При простомъ обращеніи товаровъ товаровладѣлецъ продаетъ свои товары, чтобъ купить другіе. Но со временемъ изъ этой формы обращенія товаровъ развивается новая форма движенія: покупка для продажи. Формула простаго обращенія товаровъ гласитъ, какъ мы знаемъ: товаръ — деньги — товаръ; формула новой формы обращенія гласитъ: деньги — товаръ — деньги. Сравнимъ обѣ формулы между собою. Движеніе: товаръ — деньги — товаръ имѣетъ своею цѣлью потребленіе. Я продаю товаръ, не составляющій для меня потребительной стоимости, чтобъ имѣть возможность получить другіе, составляющіе для меня потребительную стоимость. Обращеніе: товаръ — деньги — товаръ замкнуто въ себѣ. Деньги, вырученныя при продажѣ, превращаются въ товаръ, который потребляется и выпадаетъ изъ обращенія. Сами деньги были издержаны разъ навсегда, онѣ удаляются въ своемъ движеніи отъ своего первоначальнаго владѣльца. Товаръ, которымъ завершилось обращеніе, при нормальныхъ для простаго товарнаго обращенія условіяхъ, — а только о такихъ и можетъ быть здѣсь рѣчь, — равенъ по стоимости тому товару, которымъ началось обращеніе.

Другое дѣло обращеніе: деньги — товаръ — деньги. Оно имѣетъ цѣлью не потребленіе; что́ стоитъ при завершеніи оборота, такъ это не товаръ, а деньги. Деньги, брошенныя при началѣ въ обращеніе, не издержаны, а лишь ссужены. Онѣ возвращаются снова къ своему первоначальному владѣльцу. Обращеніе не есть здѣсь нѣчто замкнутое въ себѣ, оно переходитъ во внѣ себя; ссуженныя деньги возвращаются назадъ, чтобъ снова быть брошенными въ обращеніе, и снова вернуться; такимъ образомъ эта игра повторяется до безконечности. Движеніе денегъ, которое порождено обращеніемъ деньги — товаръ — деньги не имѣетъ границъ.

Но гдѣ-же побудительная сила этого движенія? Причина движенія въ обращеніи: товаръ — деньги — товаръ — ясна; не является-ли наоборотъ безсмысленнымъ обращеніе: деньги — товаръ — деньги. Когда я продаю библію, чтобы на выручку купить хлѣба, то въ концѣ оборота товаръ иной, чѣмъ въ началѣ его, хотя стоимость его таже самая. Одинъ товаръ утоляетъ мой духовный голодъ, но очень мало полезенъ для меня, когда послѣдній утоленъ, когда я, напримѣръ, знаю библію наизусть, но не имѣю средствъ утолить тѣлесный голодъ. Но когда я покупаю на 100 марокъ кортофелю, чтобъ снова продать его за 100 марокъ, то я при концѣ стою не дальше начала, и весь процессъ не имѣетъ ни цѣли ни выгоды. Послѣдняя имѣлась бы лишь въ томъ случаѣ, еслибъ сумма денегъ въ концѣ сдѣлки была бы иная, чѣмъ въ началѣ. Но одна сумма денегъ отличается отъ другой только величиною. Слѣдовательно, обращеніе: деньги — товаръ — деньги имѣетъ цѣль лишь тогда, когда сумма денегъ, которой оно заканчивается, больше чѣмъ та, которой оно начинается. И это увеличеніе суммы денегъ и есть въ дѣйствительности побудительный мотивъ обращенія. Кто покупаетъ, чтобы продать, покупаетъ, чтобы продать дороже. Обращеніе: деньги — товаръ — деньги совершается нормально лишь тогда, когда сумма денегъ при концѣ больше, чѣмъ при началѣ. Обращеніе товаръ — деньги — товаръ происхо-

дитъ, напротивъ, какъ мы знаемъ, только тогда нормально, когда стоимость товара, которымъ оно заключается, равно стоимости товара, которымъ оно начинается.

Каждая покупка есть продажа и наоборотъ. Поэтому кажется, что обращеніе: деньги — товаръ — деньги сводится къ тому же, что и обращеніе: товаръ — деньги — товаръ. Но мы уже и теперь видимъ, что оба обращенія существенно отличны другъ отъ друга. Когда я, (чтобы остаться при нашемъ примѣрѣ) покупаю на 100 марокъ картофелю, чтобы его перепродать, то я дѣлаю это съ намѣреніемъ продать его дороже, можетъ быть за 110 марокъ т. е. за 100 + 10 марокъ, слѣдовательно говоря вообще, за сумму равную первоначальной, увеличенной на извѣстный лишекъ.

Если мы обозначимъ товаръ черезъ Т, первоначальную сумму денегъ черезъ Д, прибавочную сумму черезъ д, то мы можемъ изобразить полную формулу слѣдующимъ образомъ: Д — Т — (Д + д). Этотъ, излишекъ въ стоимости, который появляется сверхъ первоначально затраченной стоимости, въ концѣ этого обращенія, Маркъ называетъ прибавочной стоимостью. Ея такъ же не должно смѣшивать съ формами ея проявленія, прибылью, процентомъ и т. п., какъ стоимости съ цѣною. До сихъ поръ въ нашемъ изложеніи дѣло идетъ постоянно лишь объ основныхъ началахъ, а не о формахъ проявленія экономическихъ формъ. Это мы замѣчаемъ во избѣжаніе недоразумѣній.

Прибавочная стоимость образуетъ отличительную особенность обращенія Д—Т—(Д+д). Стоимость, движущаяся по этой формѣ обращенія, получаетъ при посредствѣ прибавочной стоимости новый характеръ, она становится капиталомъ.

Только въ этомъ движеніи можно понять капиталъ. Онъ есть стоимость, насиживающая прибавочную стоимость. Кто оставляетъ въ сторонѣ это движеніе и хочетъ представить капиталъ, какъ вещь неподвижную, тотъ постоянно будетъ наталкиваться на противорѣчія. Отсюда путаница въ обычныхъ учебникахъ въ

понятіи о капиталѣ и въ вопросѣ о томъ, какія вещи должно считать капиталомъ. Одни опредѣляютъ его, какъ орудіе,—и тогда мы приходимъ къ капиталистамъ каменнаго періода, да что, даже обезьяна, разбивающая камнемъ орѣхъ, представляетъ уже собой капиталиста; равнымъ образомъ палка бродяги, которой тотъ сбиваетъ плодъ съ деревьевъ, становится капиталомъ, а самъ бродяга — капиталистомъ. Другіе опредѣляютъ капиталъ какъ накопленный трудъ, въ силу чего хомякамъ и муравьямъ выпадаетъ на долю честь фигурировать коллегами Ротшильда, Блейхредера и Круппа. Нѣкоторые экономисты причислили къ капиталу даже все то, что помогаетъ труду и дѣлаетъ его болѣе производительнымъ: государство, знаніе человѣка, душу его.

Ясно, что такія общія опредѣленія ведутъ лишь къ общимъ мѣстамъ, которыя очень поучительно прочесть въ дѣтскихъ книжкахъ, но которыя, однако, ничуть не помогаютъ нашему познаванію человѣческихъ общественныхъ формъ, ихъ законовъ и побудительныхъ пружинъ. Марксъ впервые изгналъ совершенно изъ политической экономіи общія мѣста, которыя до него почти неограниченно господствовали во многихъ ея областяхъ. Это относится преимущественно къ области изученія особенностей капитала.

Мы видѣли, что капиталъ есть стоимость, наживающая прибавочную стоимость, и что его общая формула: Д—Т—(Д+д). Уже изъ послѣдней вытекаетъ, какъ показываютъ факты, что денежная форма есть именно та форма, въ которой каждый новый капиталъ начинаетъ свое движеніе. Но изъ нея также видно, что это движеніе обусловливаетъ необходимымъ образомъ превращеніе капитала изъ денежной формы въ разнообразныя формы міра товаровъ, равно какъ и обратное превращеніе изъ этихъ формъ въ деньги. Мы видимъ далѣе изъ этой формулы, что не всякія деньги, и не всякій товаръ представляютъ собою капиталъ, что они становятся имъ, лишь продѣлывая опредѣленное движеніе. Но это движеніе въ свою очередь опирается на особыя

историческія предположенія, съ которыми мы еще познакомимся. Деньги, которыя я издерживаю, чтобы купить для себя какой нибудь предметъ потребленія, хлѣбъ что ли или сюртукъ, функціонируютъ въ этой сдѣлкѣ такъ же мало въ качествѣ капитала, какъ и тотъ товаръ, который я самъ произвелъ и продаю.

Средства производства, накопленный трудъ и проч. образуютъ, конечно, вещество капитала, но лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Отвлекаясь отъ этихъ условій, или абстрагируя ихъ, какъ гласитъ новѣйшее академическое выраженіе, имѣющее смыслъ проглядыванія чего либо существеннаго,— оставляютъ тѣмъ самымъ въ сторонѣ и особенности современнаго способа производства и распространяютъ на нихъ туманъ, при которомъ очень удобно бормотать что угодно, въ силу чего и ученые и неученые представители капитализма знать ничего не хотятъ ни о марксовской теоріи капитала, ни о теоріи стоимости, на которой она покоится.

2. Источникъ прибавочной стоимости.

Мы знаемъ теперь общую формулу капитала: Д—Т—(Д+д). Но мы еще не знаемъ, откуда происходитъ д,—прибавочная стоимость. Данная формула показываетъ повидимому, что акты покупки и продажи создаютъ прибавочную стоимость, что послѣдняя слѣдовательно, проистекаетъ изъ товарнаго обращенія. Этотъ взглядъ очень распространенъ, но онъ покоится по большей части на смѣшиваніи товарной стоимости со стоимостью потребительной. Это въ особенности касается того мнѣнія, что при обмѣнѣ выигрываютъ обѣ стороны, такъ какъ каждая отдаетъ то, что ей не нужно и получаетъ то, что ей нужно. Это выражаютъ слѣдующимъ образомъ: „Я отдаю нѣчто, что имѣетъ для меня мало стоимости и получаю за это нѣчто, что имѣетъ для меня бо́льшую стоимость „ Такое представленіе о возникновеніи прибавочной стоимости возможно лишь тамъ, гдѣ понятіе о стоимости еще совершенно туманно. Чтобы удовлетвориться такимъ представленіемъ, надо съ одной стороны забыть, что обмѣнъ товаровъ покоится на неравен-

ствѣ ихъ потребительныхъ стоимостей, но въ тоже время на равенствѣ ихъ мѣновыхъ стоимостей. Съ другой стороны надо быть такимъ добродушнымъ, каково большинство читателей вульгарныхъ экономистовъ чтобы принимать, безъ всякаго разсмотрѣнія, за чистую монету все, что эти разсказываютъ, и дѣйствительно вѣрить, что дѣловыя операціи, напримѣръ современнаго купца, стоятъ на одной ступени съ первобытнымъ обмѣномъ среди дикарей. Но мы знаемъ, что прибавочная стоимость возникаетъ не на ступени обмѣна, но на ступени товарнаго обращенія, которое происходитъ при посредствѣ денегъ, и что прибавочная стоимость проявляется въ большемъ количествѣ денегъ. О „выигрышѣ“ отъ полученія того, что имѣетъ для меня потребительную стоимость, въ замѣнъ того, что не имѣетъ для меня никакой потребительной стоимости, не можетъ быть, слѣдовательно, и рѣчи при сдѣлкѣ, которая выражается формулой Д — Т — (Д + д).

Мы встрѣчаемся здѣсь съ маневромъ вульгарной политической экономіи, который она охотно употребляетъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы затруднить пониманіе современныхъ экономическихъ отношеній, что и составляетъ ея главную задачу: она приравниваетъ современныя явленія явленіямъ давно прошедшихъ временъ.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ обмѣномъ, а съ товарнымъ обращеніемъ. Какъ тотъ такъ и другое не въ состояніи создать прибавочной стоимости при нормальныхъ условіяхъ, когда равныя товарныя стоимости постоянно отдаются за равныя.

Но допустимъ, что законы товарнаго обращенія нарушены; что товаровладѣльцамъ предоставлена, напримѣръ, привиллегія продавать свои товары съ надбавкой 10 % противъ ихъ первоначальной стоимости. Портной продаетъ сюртукъ вмѣсто 30 за 33 марки. Но о горе! За боченокъ вина, который онъ ранѣе покупалъ за 30 марокъ, онъ долженъ теперь также заплатить 33 марки. Онъ, стало быть, ничего не выиг-

ралъ. Результатъ тотъ же самый, какъ еслибы перемѣнились названія монетъ.

Мы можемъ сдѣлать еще попытку объяснить возникновеніе прибавочной стоимости тѣмъ, что лишь не всѣ, но нѣкоторые товаровладѣльцы умѣютъ продавать товары выше ихъ стоимости и покупать ниже ихъ стоимости. Пусть купецъ покупаетъ у крестьянина 40 центнеровъ картофеля стоимостью въ 100 марокъ за 90 марокъ, и продаетъ его портному за 110 марокъ. Въ концѣ процесса въ рукахъ купца находится конечно большая стоимость, чѣмъ въ началѣ его. Но общая масса существующихъ стоимостей осталась той же самой. Въ началѣ мы имѣли стоимость на 100 марокъ (у крестьянина) + 90 марокъ (у купца) + 110 марокъ (у портнаго), всего на 300 марокъ. Въ концѣ: 90 марокъ (у портнаго) + 110 марокъ (у купца) 100 марокъ (у портнаго) — всего 300 марокъ.

Бо́льшая стоимость возникла, стало быть, не изъ какого-либо увеличенія стоимости въ рукахъ купца, а изъ уменьшенія стоимости въ рукахъ другихъ. Если я хочу называть прибавочной стоимостью эту бо́льшую стоимость, то я съ такимъ же успѣхомъ могу назвать прибавочной стоимостью и ту стоимость, которую воръ прямо крадетъ изъ чужаго кармана.

Историческое возникновеніе присвоенія прибавочной стоимости произошло, конечно, этимъ способомъ, черезъ присвоеніе чужихъ стоимостей, или черезъ участіе *торговаго капитала* въ товарномъ обращеніи, или совершенно открыто, безъ всякаго такого участія, при посредствѣ *ростовщическаго капитала*. Но оба эти рода капитала были возможны лишь благодаря *нарушенію* законовъ товарнаго обращенія, благодаря открытому и грубому нарушенію его основнаго закона, что стоимости обмѣниваются лишь на равныя стоимости. Поэтому, капиталъ, пока онъ былъ лишь торговымъ или ростовщическимъ капиталомъ, стоялъ въ *противорѣчіи* съ экономической организаціей своего времени и, стало быть, съ его *нравственными* воззрѣніями. Въ древ-

ности, равно какъ и въ средніе вѣка, торговля и ростовщичество стояли на дурномъ счету; они одинаково клеймились античными языческими философами какъ и отцами церкви; папами, какъ и реформаторами.

Если мы хотимъ установить типъ млекопитающаго животнаго, то мы не поставимъ на первое мѣсто яйценесущаго утконоса. Точно также, если мы хотимъ изучить капиталъ, который опредѣляетъ экономическое строеніе современнаго общества, мы не должны исходить изъ, его такъ сказать, допотопныхъ формъ, торговаго и ростовщическаго капиталовъ. Лишь послѣ того какъ образовалась иная, высшая форма капитала, образуются и средніе члены, которые приводятъ въ согласіе функціи торговаго и приносящаго проценты капитала съ законами господствующей теперь формы товарнаго производства. Лишь съ этихъ поръ они по необходимости перестаютъ носить характеръ простаго мошенничества и прямаго грабежа. Торговый и ростовщическій капиталы могутъ быть поэтому поняты только по изученіи современной основной формы капитала. Понятно отсюда, почему Марксъ не разсмотрѣлъ торговаго и ростовщическаго капиталовъ въ первыхъ двухъ томахъ „Капитала“; они посвящены изслѣдованію основныхъ законовъ капитала.

Здѣсь намъ нечего, стало быть, заниматься дальше двумя только что упомянутыми формами капитала. Какъ результатъ изслѣдованія нужно удержать лишь тотъ фактъ, что прибавочная стоимость не можетъ возникнуть изъ товарнаго обращенія. Ни покупка, ни продажа не создаютъ прибавочной стоимости.

Но съ другой стороны прибавочная стоимость не можетъ возникнуть и внѣ сферы обращенія. Товаровладѣлецъ можетъ измѣнить форму товара при посредствѣ труда и тѣмъ прибавить ему новую стоимость, опредѣляемую количествомъ затраченнаго общественно-необходимаго труда, но стоимость первоначальнаго товара тѣмъ это не повышается; товаръ не получаетъ прибавочной стоимости. Если ткачъ шелковыхъ матерій

переработываетъ шелкъ стоимостью въ 100 марокъ въ шелковую матерію, то въ этой матеріи проявится стоимость шелка, равно какъ стоимость, которую создалъ употребленный на тканье трудъ. Стоимость шелка, какъ таковаго, этимъ трудомъ не повышена.

Итакъ мы стоимъ передъ странной загадкой: прибавочная стоимость не создается изъ товарнаго обращенія; она не создается и внѣ этой сферы.

3. Рабочая сила, какъ товаръ. Взглянемъ поближе на общую формулу капитала. Она гласитъ: Д — Т — (Д+д). Она слагается изъ двухъ актовъ: Д—Т, покупка товара, Т — (Д+д) продажа. По законамъ товарнаго обращенія стоимость Д должна быть равна стоимости Т, а Т равно (Д+д). Это возможно лишь въ томъ случаѣ, если Т возрастаетъ само собой, если оно есть такой товаръ, который въ самомъ потребленіи производитъ бо́льшую стоимость, чѣмъ какой обладаетъ самъ. Загадка прибавочной стоимости рѣшена, какъ скоро мы находимъ товаръ, потребительная стоимость котораго обладаетъ своеобразнымъ свойствомъ быть источникомъ стоимости, потребленіе котораго есть созданіе стоимости, такъ что формула Д—Т—(Д+д) по отношенію къ нему гласитъ: Д—Т....(Т+т)—(Д+д)

Но мы знаемъ, что товарныя стоимости создаются только трудомъ. Вышеприведенная формула можетъ слѣдовательно осуществиться только тогда, когда рабочая сила есть товаръ.

„Подъ рабочею силою или способностью къ труду„, говоритъ Маркъ, „мы разумѣемъ совокупность физическихъ и умственныхъ способностей, которыя существуютъ въ тѣлесности, въ живой личности человѣка, и которыя онъ приводитъ въ движеніе каждый разъ, когда производитъ потребительныя стоимости какого бы то ни было рода“.

Рабочая сила должна появиться на рынкѣ, какъ товаръ. Что это значитъ? Мы видѣли выше, что товарный обмѣнъ имѣетъ своимъ предположеніемъ право товаровладѣльца вполнѣ свободно распоряжаться своимъ

товаромъ. Владѣлецъ рабочей силы, работникъ, долженъ, слѣдовательно, быть свободнымъ человѣкомъ, для того чтобы его рабочая сила могла сдѣлаться товаромъ. Его рабочая сила должна оставаться товаромъ; онъ можетъ поэтому продавать ее не навсегда, но лишь на опредѣленный промежутокъ времени, иначе онъ дѣлается рабомъ и превращается изъ товаровладѣльца въ товаръ.

Еще другое условіе должно быть выполнено, разъ рабочая сила должна сдѣлаться товаромъ. Мы видѣли, что потребительная стоимость, чтобы сдѣлаться товаромъ, должна не быть потребительною стоимостью для своего владѣльца. Такъ и рабочая сила не должна имѣть потребительной стоимости для рабочаго, если ей надобно появиться на рынкѣ, какъ товару. Но потребительная стоимость рабочей силы состоитъ въ созданіи другихъ потребительныхъ стоимостей, а это имѣетъ своимъ предположеніемъ распоряженіе надъ необходимыми средствами производства. Гдѣ рабочій располагаетъ средствами производства, онъ не продаетъ своей р а б о ч е й с и л ы, а прилагаетъ ее самъ и продаетъ свои п р о д у к т ы. Рабочій долженъ быть отдѣленъ отъ средствъ производства и прежде всего отъ важнѣйшаго изъ нихъ, земли, разъ рабочая сила должна сдѣлаться товаромъ.

Рабочій долженъ быть свободенъ во всѣхъ отношеніяхъ, свободенъ отъ всякой личной зависимости, но также и лишенъ всѣхъ необходимыхъ средствъ производства: это предварительныя условія, разъ владѣлецъ денегъ долженъ имѣть возможность превратить свои деньги въ капиталъ. Эти предварительныя условія и не даны отъ природы и не свойственны всѣмъ общественнымъ формамъ. Они — результатъ долговременнаго историческаго развитія и только относительно поздно выступаютъ съ такой распространенностью, чтобъ рѣшающимъ образомъ вліять на формацію общества. Съ XVI столѣтіемъ начинается и современная жизненная исторія капитала.

Мы знаемъ теперь товаръ, создающій прибавочную стоимость. Какъ высока его собственная стоимость?

Она опредѣляется, какъ и стоимость всякаго другаго товара, общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ для ея производства, и, стало быть, воспроизведенія.

Рабочая сила предполагаетъ существованіе рабочаго. Это существованіе въ свою очередь требуетъ для своего поддержанія извѣстной суммы жизненныхъ средствъ. Рабочее время, необходимое для созданія рабочей силы, равно, слѣдовательно, тому рабочему времени, которое общественно необходимо для созданія этой извѣстной суммы жизненныхъ средствъ. Цѣлый рядъ обстоятельствъ опредѣляетъ величину этой суммы. Чѣмъ болѣе рабочей силы издерживаетъ рабочій, чѣмъ дольше и напряженнѣе онъ работаетъ, тѣмъ болѣе жизненныхъ средствъ ему потребно имѣть, чтобы возстановлять издержку силы и на слѣдующій день быть въ состояніи такъ же работать, какъ и въ предыдущій. Съ другой стороны потребности рабочихъ классовъ различныхъ странъ — различны, смотря по естественнымъ и культурнымъ особенностямъ каждой страны. Норвежскій рабочій нуждается въ большей суммѣ жизненныхъ средствъ, чѣмъ рабочій Индіи; пища, одежда, жилище, отопленіе и т. п., которыя необходимы первому для существованія, требуютъ большаго количества рабочаго времени для своего производства, чѣмъ жизненныя средства рабочаго-Индуса. Далѣе: въ странѣ, гдѣ рабочіе бѣгаютъ, напримѣръ, босикомъ, или ничего не читаютъ, ихъ потребности будутъ меньше, чѣмъ тамъ, гдѣ рабочіе выше развиты, гдѣ они, напримѣръ, носятъ обувь или читаютъ газеты и книги, даже если не существуетъ никакихъ климатическихъ и прочихъ естественныхъ различій. „Въ противоположность другимъ товарамъ“, говоритъ Маркъ, „опредѣленіе стоимости рабочей силы заключаетъ поэтому въ себѣ историческій и нравственный элементы“.

Рабочій далѣе, какъ всякій знаетъ, смертенъ. Но

капиталъ хочетъ быть безсмертнымъ. Для этого необходимо, чтобы и рабочій классъ былъ безсмертенъ, чтобы рабочіе размножались. Сумма жизненныхъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія рабочей силы, заключаетъ въ себѣ поэтому также и жизненныя средства, необходимыя для поддержанія дѣтей (при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и женъ).

Наконецъ къ издержкамъ производства рабочей силы нужно причислить и издержки на образованіе, издержки, потребныя для достиженія извѣстной ловкости въ опредѣленной отрасли труда. Для большинства рабочихъ эти издержки безконечно малы.

Всѣ эти основныя причины производятъ то, что стоимость рабочей силы опредѣленнаго рабочаго класса въ опредѣленной странѣ и въ опредѣленное время есть величина опредѣленная.

До сихъ поръ мы говорили не о цѣнѣ, а о стоимости, не о прибыли, а о прибавочной стоимости. И здѣсь должно имѣть въ виду, что мы говоримъ о стоимости рабочей силы, а не о заработной платѣ. Впрочемъ на одну особенность, которая имѣетъ мѣсто при оплачиваніи рабочей силы, надо уже указать здѣсь. По мнѣнію вульгарныхъ экономистовъ капиталистъ ссужаетъ рабочему заработную плату, потому что по большей части капиталистъ оплачиваетъ рабочаго, прежде чѣмъ продалъ продукты его труда. Но въ дѣйствительности-то рабочій даетъ въ кредитъ капиталисту свою рабочую силу.

Допустимъ, я покупаю картофель для приготовленія изъ нея водки. Я плачу за картофель послѣ того, какъ произвелъ водку, но прежде, чѣмъ я ее продалъ. Не смѣшно ли было бы теперь, если бы я сталъ утверждать, что я ссужаю крестьянину цѣну его картофеля, потому что я за него заплатилъ прежде, чѣмъ продалъ водку? Нѣтъ, скорѣе крестьянинъ даетъ мнѣ въ кредитъ цѣну своего картофеля, пока я изъ него добуду водку. Когда я говорю, что плачу наличными, то этимъ я говорю, что я плачу за товаръ, какъ только его по-

купаю. Купцы очень бы подивились экономической премудрости, которая утверждаетъ, что тотъ, кто платитъ за товаръ послѣ его потребленія, не только платитъ наличными, но и ссужаетъ деньги. Но рабочему вульгарные экономисты осмѣливаются болтать подобный вздоръ. Еслибы у рабочихъ, ихъ товаръ, рабочая сила покупалась на наличныя, то за нее платилось бы въ тотъ самый моментъ, когда она переходитъ во владѣніе капиталиста, т. е. стало быть, въ началѣ недѣли, а не въ концѣ ея. При нынѣшней системѣ расплаты рабочіе не только рискуютъ своей заработной платой, но принуждены еще жить въ долгъ и потому безропотно позволять мелочнымъ торговцамъ сбывать имъ всевозможныя фальсификаціи и ухудшающія качество поддѣлки жизненныхъ средствъ. Чѣмъ длиннѣе періодъ расплаты за трудъ, тѣмъ хуже отъ этого рабочимъ. Плата каждыя двѣ недѣли или каждый мѣсяцъ есть самое тягостнѣйшее бремя для рабочаго.

Но какова бы ни была система расплаты за трудъ, при нормальныхъ условіяхъ рабочій и капиталистъ противостоятъ постоянно одинъ другому, какъ два товаровладѣльца, которые обмѣниваютъ взаимно равныя стоимости. Капиталъ движется теперь, не противорѣча болѣе законамъ товарнаго обращенія, но на основаніи этихъ законовъ. Рабочій и капиталистъ противостоятъ другъ другу, какъ товаровладѣльцы, слѣдовательно, какъ свободныя и равныя, независящія лично другъ отъ друга личности; какъ таковыя они принадлежатъ къ тому же классу — они братья. Рабочій и капиталистъ обмѣниваются равными стоимостями: царство справедливости, свободы, равенства и братства, тысячелѣтнее царствованіе счастія и мира, повидимому наступило поэтому вмѣстѣ съ господствомъ наемной системы. Страданія рабства и тиранніи, эксплуатаціи и кулачнаго права лежатъ за нами.

Такъ возвѣщаютъ намъ ученые представители интересовъ капитала.